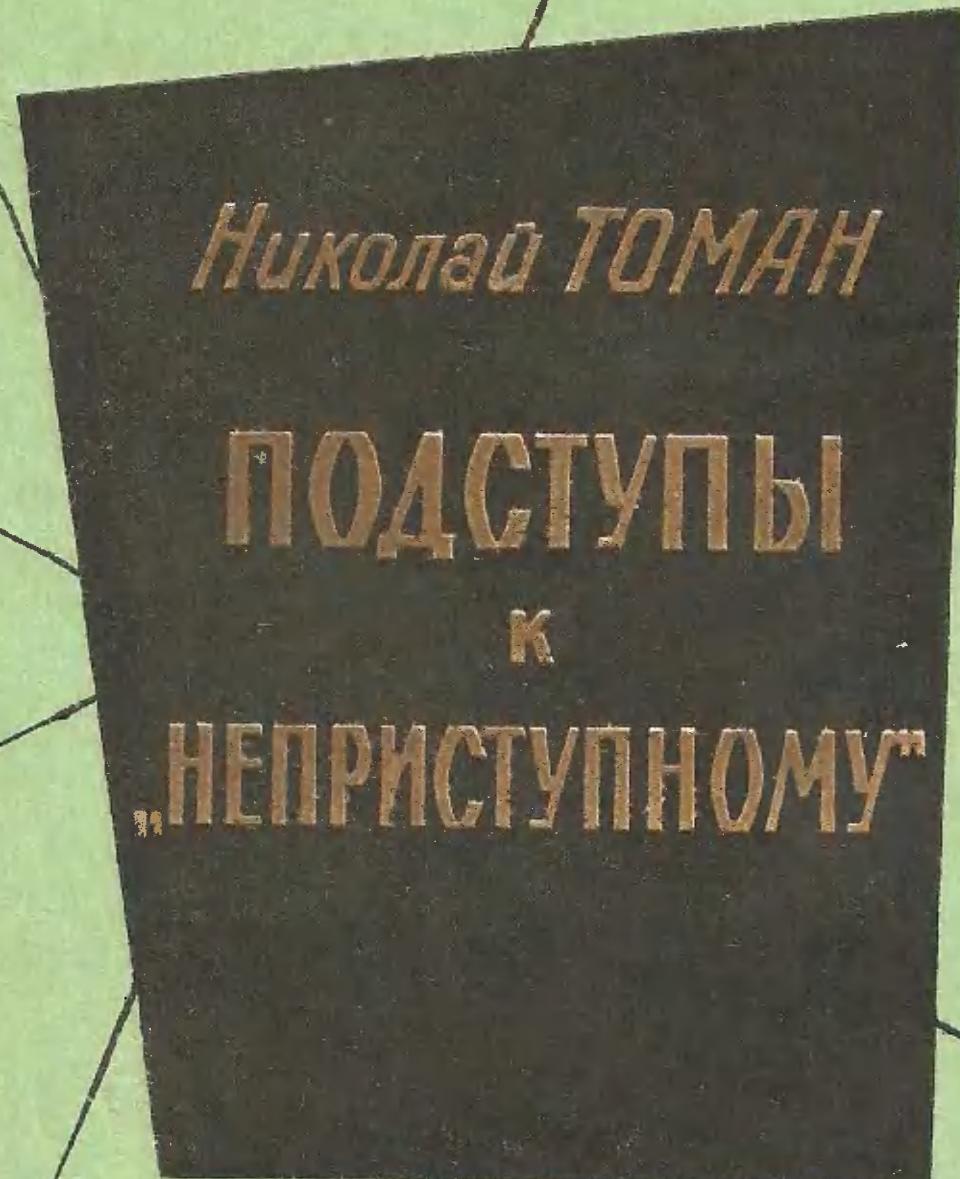
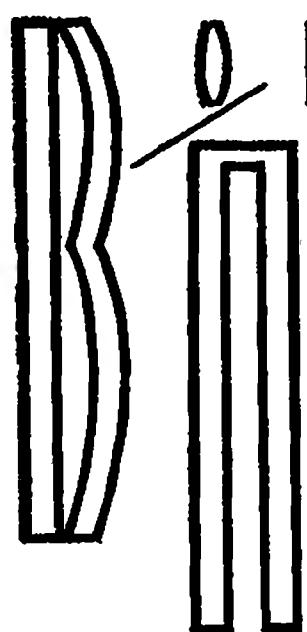


ВОЕННЫЕ
РИКЛАЮЧЕНИЯ



**Scan Kreyder - 05.05.2016
STERLITAMAK**





ВОЕННЫЕ РИКЛЮЧЕНИЯ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Николай ТОМАН

**Подступы
к „неприступному“**

ПОВЕСТИ

МОСКВА - 1976

P2

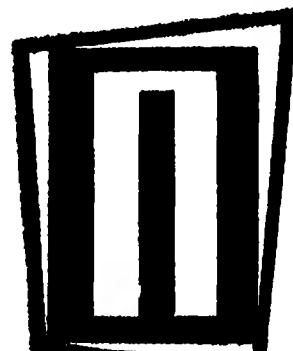
T56

Т **70302—197**
068(02)—76 без объявл.

© Воениздат, 1976

СРЕДИ ПОГИБШИХ НЕ ЗНАЧАТСЯ

СТАРШИНА СПЕЦЛАГЕРЯ АЗАРОВ



одполковник Бурсов с майором Огинским уже трети сутки томятся в пустом бараке. Им известно, что это карантин и что во второй половине барака находятся младшие офицеры, прибывшие вместе с ними в эшелоне военнопленных. Их привел сюда унтер-фельдфебель Кразу. Знают они и то, что в лагере этом одни только советские офицеры инженерных войск.

Их никто еще не допрашивал. Никто из лагерного начальства даже не заглядывал к ним. Лишь три раза в сутки с чисто немецкой пунктуальностью приносил пищу пожилой неразговорчивый унтер-офицер.

Бурсов с Огинским по утрам делают зарядку, завтракают, потом молча лежат на нарах до самого обеда. А после обеда снова на нары.

Говорить не хочется; они вдоволь наговорились дорогой, пока везли их сюда из-под Белгорода. Где они сейчас? Бурсов полагает, что где-то под Кировоградом.

О том, как в плenу оказались, они могли лишь догадываться. Подполковнику Бурсову помнилась только огромная тень немецкого танка с черным крестом, окантованным белой краской. А потом пламя перед глазами — и мгновенное падение в бездну...

Был рядом с ним майор Огинский, это он тоже помнит. Видно, оглушило и контузило их одним и тем же снарядом, разорвавшимся неподалеку. И это просто чудо, что осколки пролетели мимо. А может быть, спас их бруствер окопа...

В какой-то мере Бурсов чувствует теперь себя виноватым, что Огинский разделил его участъ... Нужно было настоять, чтобы он уехал в штаб инженерных войск армии,

как только стало известно, что ночью начнется наступление немцев на белгородском направлении Курской дуги.

А сам он на месте Огинского разве бы уехал в такой обстановке? Да и приказывать офицеру штаба инженерных войск фронта Бурсов не имел ведь никакого права...

Все это медленно, вперемежку со сценами боя вспоминал потом Бурсов, путая хронологию событий...

Наступление немцев на Курской дуге летом сорок третьего года ожидалось давно. Дивизионный инженер Бурсов знал об этом не хуже командира своей дивизии. И как только стало известно, что в ночь на пятое оно наконец начнется, подполковник решил усилить полковых саперов старшего лейтенанта Сердюка лучшей ротой своего дивизионного саперного батальона. И выехал с нею на передний край лично.

А откуда же взялся майор Огинский?.. Ах да! Он ведь специально приехал в дивизию в связи с экспериментом начальника инженерных войск армии.

И зачем понадобился генералу этот эксперимент с обстрелом минного поля всеми видами полковой артиллерии? Разве и без этого не ясно было, что никакой детонации при этом не произойдет? Подполковник Бурсов не раз видел, как рвались на наших минных полях немецкие снаряды. Миньи, однако, взрывались лишь при прямых попаданиях. Плотность минирования, правда, никогда не была такой, как под Белгородом, да и площади минных полей превосходили тут все прежние...

И все-таки Бурсов не разделял опасений наших артиллеристов и некоторых военных инженеров. Огинский тоже, кажется, не верил в возможность детонации этих полей при артобстреле. Но он, видимо, хотел убедиться в этом лично, а тут пришло известие о готовящемся наступлении немцев.

...Они работали всю ночь. Продолжали ставить мины и утром, когда вражеские танки уже пошли в атаку. Никогда еще не видел Бурсов, чтобы немцы вводили в бой такое количество техники. Против каждого наших десяти танков действовало по тридцать — сорок немецких. И среди них такие новинки военной техники, как «пантеры», «тигры» и самоходные орудия «фердинанд». Разве не понимали и Бурсов и Огинский, что без саперов нашим танкам будет очень тую?

Немцы хотя и прорвали после ряда упорных атак оборону дивизии, но саперы Бурсова вывели из строя много немецких танков и даже «тигра», на броню которого немцы возлагали такие большие надежды. Подполковник сам видел, как сержант Киреев подбросил мину буквально под самые гусеницы этой стальной машины.

Немецких танков было, однако, слишком много. Несмотря на потери, они рвались вперед, преодолевая минные поля. Несли потери и саперы. На глазах дивизионного инженера погиб командир саперной роты. Командование саперами Бурсов взял на себя и отдал приказ об отходе в глубину полковой обороны лишь после того, как в резерве не осталось ни одной мины, а у саперов вышли все патроны.

Нужно было уходить и самому, и он стал искать Огинского. Майор находился в той же траншее, лишь несколько левее подполковника. Бурсов крикнул ему, но в грохоте боя Огинский не услышал его. И тогда подполковник поспешил броситься к нему, чтобы успеть вырваться из полуокольца окружающих их автоматчиков. А когда он был уже рядом с майором, почти на самом бруствере разорвался снаряд. Он не услышал взрыва, только пламя резануло по глазам, а воздушная волна со страшной силой вдавила его в земляную стенку траншеи...

На четвертые сутки, сразу же после завтрака, к ним пришел молодой человек в форме офицера советских инженерных войск.

— Разрешите представиться, товарищ подполковник, — обращается он к Бурсову, — лейтенант Азаров. Взят в плен в мае сорок второго под Харьковом. Командовал взводом саперного батальона стрелковой дивизии пятьдесят седьмой армии. Теперь исполняю обязанности старшины местного лагеря, хотя среди советских военнопленных я самый младший по званию.

— С чего же это так вдруг возвысились? — равнодушно спрашивает его Бурсов.

— Произвел неотразимое впечатление на господина коменданта, — не улыбаясь, серьезно отвечает Азаров.

— Надеюсь, вы понимаете, лейтенант, что нам не до шуток, — хмурится Бурсов.

— А я и не шучу вовсе. Потом как-нибудь расскажу, при каких обстоятельствах это произошло. А сейчас имею задание коменданта лагеря ввести вас в курс дела.

По всему чувствуется, что Азаров веселый, может быть, даже озорной человек, хотя изо всех сил старается быть серьезным и официальным. Вынув из кармана пачку немецких сигарет, лейтенант предлагает их подполковнику и майору. Хотя им очень хочется курить, они отказываются от угощения.

— Вам, конечно, интересно знать, что тут за лагерь, — продолжает лейтенант, пряча сигареты в карман. — Это не обычный стационарный шталаг, каких сотни на оккупированной территории. Чем же он отличается от других? Ну, тем хотя бы, что здесь одни саперы, и к тому же — только офицерский состав. Занимаемся мы тут своим обычным саперным делом — минированием. Да, минированием! Минируем танкоопасные участки местности с учебной целью. — Заметив ироническую усмешку в глазах своих слушателей, лейтенант Азаров повторяет, расчленяя слова: — Да, да, именно с учебной целью! Учим немецких саперов преодолевать наши минные поля.

— Немецких саперов?! — не выдержав роли беспристрастного слушателя, восклицает Бурсов.

— Я-то лично этого не делаю. У меня скромная роль лагерного старшины, а остальные учат их. Почему?.. На это нелегко ответить. Это вы со временем сами узнаете.

— Что же они, духом, что ли, пали?

— Не все, но кое-кто приуныл, конечно. Плен, сами понимаете, не санаторий.

— И у них даже мысли о побеге не возникает?

— Тех, у которых такие мысли возникали, выводили перед строем на ашельплац и расстреливали. Повторяю — за одни только мысли об этом.

— И у всех были только мысли?

— Ну зачем же только мысли? Кое-кто пытался, и бежать. Тогда расстреливали не только его, но и каждого третьего из выстроенных на ашельплацу.

Бурсову хочется спросить: «А вот вы лично пытались ли?» — но он лишь вздыхает и отворачивается к окну.

— Вы, наверное, спросите, — раздумчиво, будто размышляя вслух, продолжает Азаров, — а где же ваша офицерская честь, где советская совесть? Но для того чтобы

нас осуждать, нужно прежде побывать в нашей шкуре... А такая возможность вам скоро представится.

Азаров, сидевший до этого на нарах против Бурсова, вдруг быстро встал и направился к выходу. Прикрыв за собой дверь и постояв немного возле барака, он возвратился и сел на прежнее место.

— И вот что еще не мешает вам знать,— продолжает он, не объясняя причины своего беспокойства.— Комендантом этого спецлагеря, капитан Фогт, не общевойсковой офицер, а эсэсовский гауптштурмфюрер. И его помощник, унтер-фельдфебель Крауз, тоже фашист, шарфюрер. Это они специально для нас общевойсковую форму надели и заменили свои эсэсовские звания армейскими.

И снова пауза. Но на этот раз Азаров не выходит из барака. Прильнув к зарешеченному окну, он внимательно всматривается во что-то. Обернувшись, продолжает:

— И ведут они себя помягче, чем другие эсэсовцы. Фогт, конечно, хорошо понимает, что добром от нас большего можно добиться, чем жестокостью. Крауз же и не пытается притворяться добренъким. Он-то настоящий зверь, его лишь Фогт сдерживает. А в остальном тут у нас, как и во всех шталагах: и «кугель» — приказ о немедленном расстреле за попытку к бегству, и «зондербехандлунг», то есть «особое обращение» с некоторыми из нас, означающее уничтожение.

— Да, и еще вот что имейте в виду,— помолчав, добавляет Азаров.— Охрану нашего лагеря несут эсэсовцы, а проволочное ограждение вокруг лагеря под электрическим током высокого напряжения.

— Это вы на тот случай, если мы вздумаем бежать?— усмехается Бурсов.

— Нет, так просто, на всякий случай.

Азаров хочет сказать им еще что-то, но прежде снова подходит к окну и лишь после этого шепотом сообщает:

— На вас у них особая надежда. Со слов прибывшего вместе с вами старшего лейтенанта Сердюка им известно, что вы крупные специалисты по взрывному делу, что вели какие-то эксперименты по детонации минных полей. Это их сейчас особенно интересует. Похоже, что они предложат вам продолжить тут эти эксперименты. Ну, вот пока и все. И считайте, что такого разговора между нами не было.

Он прикладывает руку к пилотке и поспешно уходит, а Бурсов с Огинским долго молча лежат на нарах, осмысливая сказанное Азаровым.

— А знаете, — произносит наконец Бурсов, резко повернувшись к Огинскому, — чем-то этот лейтенант мне понравился.

— А мне не очень. Хотя, в общем-то, все рассказанное им выглядит вполне правдоподобным. Немцы действительно используют советских саперов для различных военно-инженерных работ и даже для разминирования наших минных полей.

— Вы на меня не обижайтесь, Евгений Александрович, — кладет Бурсов руку на плечо Огинского, — но вы, по-моему, не очень разбираетесь в людях. Вот старший лейтенант Сердюк, например, вам понравился, а он уже все о вас немцам выложил, да еще, пожалуй, и присочинил кое-что...

Потом он слезает с нар и долго ходит по бараку, раздумывая над словами Азарова.

Ему не кажется странной откровенность лейтенанта. Подозревать в них предателей Азаров ведь не мог — их и самих предал Сердюк, сообщив коменданту спецлагеря Фогту об эксперименте обстрела минных полей артиллерийским огнем. Но почему капитан Фогт заинтересовался этим? Неужели и немцы считают возможным взрывать саперные минные поля артиллерийским обстрелом?

Конечно, для них такая возможность необычайно заманчива. В одном только корпусе, в который входила дивизия Бурсова, установлено около тридцати пяти тысяч противотанковых мин да свыше сорока пяти тысяч противопехотных. Они надежно прикрывали подступы к переднему краю корпусной обороны. Мало разве подорвалось на них немецкой техники?

Ну, а если бы артналетом можно было вызвать детонацию минных взрывателей? В одно мгновение любые минные поля полетели бы тогда к черту!

Бурсов знает по опыту, что при артобстреле мины взрываются лишь при прямых попаданиях. Но детонация взрывчатых веществ изучена очень слабо. Слишком уж много в ней неясного. Огинский, конечно, лучше его разбирается в этом — он специалист по теории взрыва, автор многих статей по вопросам детонации взрывчатых веществ.

— А не кажется ли вам, Евгений Александрович, что немцы тоже собираются проводить или, может быть, уже проводят обстрел минных полей артогнем?

Огинского не удивляет вопрос Бурсова. Он и сам думает об этом.

— Вполне возможно, Иван Васильевич. Преодоление наших минных заграждений им слишком дорого стоит. Не думаю только, чтоб немцам удалось добиться какого-нибудь успеха. Современной науке слишком плохо известны химические процессы, происходящие при детонации конденсированных взрывчатых веществ. Мы лишь предполагаем, что атомы в их молекулах занимают малоустойчивое положение. Нечто вроде равновесия карандаша, поставленного на стол незаточенным концом.

Беспокоит Бурсова и старший лейтенант Сердюк. Он хоть и был неплохим полковым инженером, но никогда не отличался храбростью. Неужели же теперь действительно окажется еще и предателем?

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАПИТАНА ФОГТА

Проходит целая неделя, а Бурсова с Огинским по-прежнему навещает только лагерный старшина Азаров.

Явившись к ним в следующий раз, он сообщил то, о чем забыл рассказать накануне — о порядках в спецлагере капитана Фогта. А порядки тут такие: в шесть утра подъем, затем перекличка и зарядка. Есть даже строевые занятия, которые проводит лично Фогт. И никакой политики. Зато спецделу, главным образом минированию и разминированию, отводится почти весь день.

Неожиданным оказывается также и то, что в этом лагере все обращаются друг к другу по званиям. Исключение составляет лишь лейтенант Азаров, которого называют просто старшиной.

— Фогт говорит нам, — усмехаясь, поясняет Азаров, — «Я хочу, чтобы русский офицер был тут, как в свою родная воинская часть». Устроил даже гауптвахту, на которую приказывает сажать тех, кто, по его мнению, недостаточно уважительно относится к старшим по званию.

— И вы разыгрываете перед ним эту оперетку?

— Тех, кто не хотел ее разыгрывать, Фогт отправил в лагеря смерти. Ну, а те, кто остался, вынуждены притворяться, что им все это даже нравится.

— А сколько же вас тут всего? — спрашивает Бурсов.

— Немного, ровно тридцать. Больше не было еще ни разу. Да и меньше почти не бывает. Трое подорвались на минных полях несколько дней назад, но теперь вместе с вами снова будет тридцать. И учтите, товарищ подполковник, вы будете тут самым старшим по званию. Остальные в званиях от старшего лейтенанта до майора. А из лейтенантов тоже только один я.

— Это что — случайность?

— Так захотелось почему-то господину Фогту. Он даже сказал мне как-то: «Вы очень нравитесь мне, лейтенант, и я мог бы произвести вас в генерал-лейтенант. Были бы вы тогда в такой же чин, как и ваш знаменитый военный ученый Карбышев, который тоже есть у нас в плену. Но я не хочу делает это, потому что вы можете тогда стать таким же строптивцем, как и этот ваш Карбышев».

— Дмитрий Михайлович Карбышев, значит, у них в плену? Что слышно о нем? — беспокоится Огинский.

— Здоров ли, не знаю, но, судя по всему, не сломлен. Фогт проговорился нам как-то, что Дмитрий Михайлович доставляет какому-то очень крупному немецкому начальству много неприятностей. А сломить его и заставить служить Германии чуть ли не сам Гитлер повелел.

— И вы, зная это, гнете тут шеи перед этим самодуром! — возмущается Бурсов.

— Ну, это вы потом узнаете, как мы здесь шеи гнем, — зло говорит Азаров и торопливо уходит не попрощавшись.

А на другой день появился как ни в чем не бывало, по-прежнему приветливый и очень бодрый.

— Фогт, оказывается, психологический эксперимент над вами осуществлял, — весело сообщает он. — Хотел подольше подержать в одиночестве и без дела, чтобы потом вас жажда деятельности обуяла. Я случайно слышал, как он об этом Краузу сообщал. Но его торопит старшее начальство, которому он поспешил, наверно, доложить о ваших опытах по искусственной детонации минных полей. Сокрушался утром, что придется прервать свой «психологический эксперимент». В общем, если не сегодня, то завтра непременно к вам пожалует.

Фогт действительно «жалует» к ним на следующий день рано утром.

— Здравия желаю, господа! — бодро восклицает он. — Не заскучались вы тут без работы? О, я знай, таким энер-

гичным людям, какими есть вы, это нелегко. Да, да! Я это хорошо понимаю! Но есть идея — снова поработать. Поэкспериментировать! А? Как вы на это посматриваете?

Он молодцевато прохаживается вдоль нар, терпеливо ожидая ответа советских офицеров. Но они молчат.

— Я понимаю, — снова произносит он, — у вас нет пока ясность по этот вопрос. Будем тогда немножко его прояснять. Что я имейт в виду под экспериментом? Так, да? Очень хорошо! Не будем играть в мурки-жмурки, все должен быть начистота. Так, да? Я тоже за такой условий. Итак, что есть предлагаемый вам эксперимент? Он есть хорошо вам известный обстрел минный поля. То, что вы уже делал там у себя под Белгород. Вам ясен мой мысл?

Видимо давая советским офицерам возможность хорошо вникнуть в смысл его слов, капитан Фогт некоторое время молча дефилирует перед ними почти строевым шагом.

— Ну, так как? — резко останавливается он перед подполковником Бурсовым.

Советские офицеры по-прежнему угрюмо молчат.

— Вам надо подумайт, так, да? Я не принуждайт вас. Вопрос есть очень серьезный. Я понимаю. Но раз мы договорились быть начистота, не буду от вас скрывайт: или вы продолжайт тут свой эксперимент, или шагом марш Майданек, Освенцим, Маутхаузен! А пока счастливо оставайтесь!

И он уходит все тем же чеканным шагом.

Даже оставшись вдвоем, Бурсов и Огинский продолжают молчать.

— Ваше мнение, Евгений Александрович, — вволю находившись по бараку, спрашивает Бурсов.

— Ни в коем случае не соглашаться!

— А я, напротив, за то, чтобы согласиться.

Густые черные брови Огинского, наверно, никогда еще не поднимались так высоко.

— Вы шутите, Иван Васильевич?

— Нисколько.

— Тогда я вас не понимаю.

Бурсов ложится на нары, забрасывает руки за голову и сосредоточенно смотрит в потолок. Похоже, что он не собирается объяснять Огинскому своего решения.

«Ну и характер у человека!..» — почти с раздражением думает Огинский о Бурсове.

— Я, знаете ли, не собираюсь в Майданек,— произносит наконец подполковник.— Я хочу покинуть эту гостеприимную обитель господина гауптштурмфюрера Фогта по собственному желанию, а для этого необходимо время. Вот мы не торопясь и начнем с вами эксперименты по детонации минных полей. Не допускаете же вы, что тут они могут увенчаться успехом? А раз так, то...

— Но и немцы не дураки,— перебивает Огинский,— догадаются, наверно, что мы будем водить их за нос.

— А пока догадаются, мы что-нибудь придумаем.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

На другой день, получив согласие Бурсова и Огинского капитан Фогт довольно потирает руки.

— О, это очень хорошо! Это есть благородство! Мне приятно иметь дело с такими благородными людьми. Но прошу и меня тоже считайт не очень просточковатым. Никакой саботаж с ваша сторона не должен быть. Все на чистота, и никакой махлевка,— улыбаясь, подмигивает он Бурсову, очень довольный, что ему удалось употребить такое русское словечко, как «махлевка».— А чтобы у вас не возникнет соблазн ввести меня в заблуждение, с вами будет сотрудничать один наш немецкий доктор. Это вы имейте в виду и не огорчайт меня глупством.

При разговоре капитана Фогта с Бурсовым и Огинским присутствует и лейтенант Азаров.

— Ну вот мы и договорились,— обращается к нему Фогт.— Теперь, господин старшина, вы имейт возможность перевести их в блок старших офицеров.

— Слушаюсь, господин капитан! — браво козыряет и щелкает каблуками Азаров.

Фогт уже направился к дверям карантина, собираясь покинуть барак, но вдруг, вспомнив что-то, возвратился с полпути:

— Да, вот еще что: на работа с вами будет кроме наш доктор ваш старший лейтенант Сердюк. Корочно?

— Нет, не хорошо,— решительно возражает Бурсов.

— Почему так?

— Потому, что он негодяй!

— О, да, да! Это немножко есть. Вы имейт^в в виду, что он рассказал нам об этот ваш эксперимент? Но он очень вас хвалил. Говорил, что вы оба есть большой талант. Но я вас понимайт, тут немножко есть мерзавство. И я согласен с ваша просьба. Вы будете работать с одним только наш доктор. Он есть очень хороший парень, и он вам будет понравиться.

В блоке старших офицеров, куда Азаров приводит Бурсова и Огинского, вскакивают с нар семь майоров. Все они уже немолодые, с очень усталыми лицами и какими-то бесцветными глазами. Лишь у майора Нефедова, самого старшего из них, светится в глазах живая искорка.

После завтрака Азаров предлагает Бурсову и Огинскому пройтись по территории лагеря.

— Сегодня вы свободны от всякой работы,— сообщает им лейтенант.— От вас требуется лишь подробная заявка на то, что понадобится для вашего эксперимента. Она должна быть готова к обеду.

Они медленно идут по лагерю, внимательно всматриваясь в расположение его построек, проволочных заграждений и арку ворот с прогуливающимся по ее верхней площадке пулеметчиком. Территория лагеря невелика и, видимо, хорошо просматривается с площадки над воротами и с вышки над проволочным забором за бараками. На ней нет сейчас часового, но по ночам его выставляют. Видны и прожектора, освещдающие территорию лагеря в ночное время.

«Да, охрана лагеря продумана обстоятельно,— невесело отмечает Бурсов.— Наверно, с вышки — все как на ладони...»

И вдруг он невольно вздрагивает при виде неожиданно появившегося перед ним старшего лейтенанта Сердюка. Голова его и левая рука перевязаны грязным, пропитанным кровью бинтом.

— Разрешите к вам обратиться, товарищ подполковник?.. — срывающимся от волнения голосом спрашивает он.

— Убирайтесь вон! — негромко, но властно произносит Бурсов.

— Но ведь я хотел как лучше... — молит Сердюк.— Знал же, что вы в эти эксперименты не верите. А их они

заинтересовали, и теперь можно будет поводить капитана Фогта за нос. А тем временем...

— Вы думаете, что Фогт такой уж простофия? — иронически усмехается Огинский.

А Бурсов даже не смотрит на Сердюка. Он уходит с Азаровым вперед, оставив Огинского со старшим лейтенантом.

— И мой вам совет,— с трудом сдерживая раздражение, продолжает Огинский.— Не говорите ему о нас ничего больше и не выдавайте себя и нас за крупных специалистов подрывного или какого-нибудь инженерного дела. Да, и еще вот что — постарайтесь реже попадаться на глаза Бурсову.

...Поздно вечером после отбоя в блоке старших офицеров царит гнетущая тишина. Все семь майоров молча лежат на нарах, не разговаривая и не задавая никаких вопросов вновь прибывшим. А Бурсов все медлит начать разговор, надеется, что кто-нибудь из этих потерявших веру в себя людей сам что-нибудь спросит.

— Надо бы поговорить с ними...— шепчет Огинский.

— Погодите, Евгений Александрович, пусть сами спросят. Неужели же им не интересно узнать у нас хоть что-нибудь о положении на фронте?

Но майоры по-прежнему молчат.

— Ну что же, товарищи офицеры,— негромко произносит наконец Бурсов,— так-таки, значит, ничто вас не интересует? Спросили бы хоть о том, как мы в плен попали, при каких обстоятельствах.

— Нам и так известно, при каких обстоятельствах в плен попадают,— равнодушно замечает кто-то в дальнем углу.— Если не сволочь, конечно, которая сама руки вверх поднимает.

— Мы не из таких,— обижается Огинский.

— Зато нас, наверно, за таких принимаете, —ввязывается в разговор еще кто-то.

— Ну это уж вы зря! — повышает голос Бурсов.— Мы ведь тоже на фронте с самого первого дня войны и знаем, каково было в сорок первом!

— А почему именно так было? — раздается из угла голос майора Нефедова.

— Некогда было особенно разбираться,— хмуро отзыается Бурсов.— Все бой да бой. Да и не в том дело сей-

час — как начали, важнее другое — как воюем. О сражении за Москву и Сталинградской битве слыхали хоть что-нибудь?

— Имеем некоторое представление, — отвечает Нефедов. — А в армии вы давно, товарищ подполковник?

— С тридцать третьего года. Перед войной отдельным саперным батальоном командовал. Отходил с частями своей армии от Жлобина до самого Сталинграда.

— Так вы, значит, в боях под Сталинградом участвовали? — оживляется Нефедов.

— Да, участвовал.

— Немцы считают, что Сталинградская битва была самой крупной в истории всех мировых войн, — замечает кто-то простуженным голосом.

— Та, что сейчас идет на Курской дуге, покрупнее будет по своим масштабам. Вот майор Огинский — офицер штаба фронта, ему лучше, чем мне, известна обстановка.

— Да, масштабы тут во всех отношениях побольше, — подтверждает Огинский.

— А вам ничего не известно, как там теперь дела? — интересуется Бурсов. — Мы ведь попали в плен под Белгородом, в самый первый день сражения.

Никто ему не отвечает, и он спрашивает уже шепотом:

— Может быть, тут нельзя вести такие разговоры?

— Этого вы не бойтесь, — успокаивает Нефедов. — От тех, которые могли нас предать, мы нашли способ избавиться. Подслушивать теперь нас некому. Да немцы и не боятся, что мы замыслим что-нибудь вроде восстания или побега. Уверены, что отсюда не убежишь. А что касается теперешних боев под Орлом, Курском и Белгородом, то по радио сообщают, будто немцы одерживают там победу.

— Быть этого не может! — восклицает Бурсов. — Это им не сорок первый!

— Мне трудно судить, что и как там у нас изменилось, — тяжело вздыхает Нефедов. — Известно, однако, что под Белгородом немцы прорвались уже не только в Прохоровку, но и в Обоянь. А это, как я себе представляю, не очень далеко от Курска.

— Немецкое радио слишком уж хвастливо, — усмехается Бурсов. — Оно ведь в свое время и о взятии Москвы сообщало.

— Да, было такое, — подтверждает Нефедов. — Но на этот раз сообщило не немецкое, а английское радио. Ка-

питан Фогт — осторожная бестия. Он знает истинную цену немецким сообщениям по радио и потому корректирует их английскими передачами. А переводит ему майор Горностаев, хорошо знающий английский язык.

Послышался тяжелый храп нескольких офицеров. Они устали за день, да и разговор этот не очень, видимо, их заинтересовал. Умолкает и майор Нефедов. А когда Бурсов решил уже, что и он заснул, вдруг снова раздался голос, теперь приглушенный до шепота:

— Я не сомневаюсь, товарищ подполковник, что сражение под Курском кончится нашей победой. После Сталинграда у меня уже нет сомнений на этот счет. Гнетет другое — а мы-то как же? Чем вину свою перед Родиной искупим? Вольная вина или невольная — это ведь сейчас не самое главное... Скорее всего, мы просто не доживем до того часа, когда земля наша станет свободной. А мертвые, как говорится, сраму не имут...

Майор Нефедов тяжело вздыхает и долго ворочается на нарах. Потом спрашивает:

— Вы, наверно, спать хотите, товарищ подполковник, а я вам голову морочу всем этим...

— Какой там сон!.. А у меня, вы думаете, сердце кровью не обливается при одной мысли, что мы можем не вырваться отсюда до конца войны?

— Вы, значит, надеетесь, что вырваться удастся?

— А вы разве потеряли такую надежду?

Снова слышится тяжелый вздох Нефедова. Вздыхает и еще кто-то, но Бурсов не может разглядеть в темноте кто.

— Предпочитаете не отвечать на такой вопрос? — снова спрашивает подполковник Бурсов.

— Да, воздержусь пока, — еле слышно отзыается Нефедов. — Поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Спокойной ночи, товарищ подполковник.

— Приятных сновидений, товарищ Нефедов.

ДОКТОР ШТРЕЙТ

На следующее утро лейтенант Азаров зашел в блок старших офицеров сразу же после подъема и обратился к Бурсову:

— Товарищ подполковник, вам и майору Огинскому после завтрака нужно явиться к капитану Фогту. Будьте готовы. Я зайду за вами минут через пятнадцать.

За завтраком Бурсов подсаживается поближе к Нефедову, спрашивает его:

— Почему это лейтенант Азаров в таком фаворе у Фогта? Он что...

— Нет, нет, не думайте о нем ничего плохого! — торопливо перебивает подполковника Нефедов. — Азаров замечательный парень. Он давно бы сбежал отсюда, но одному это просто невозможно. А может быть, и не хочет один. А остальные... — И он сокрушенно машет рукой.

Помолчав немного, продолжает:

— Ну, а Фогту он понравился потому, что капитан, видно, фаталист. Не понимаете? Сейчас поясню. Был тут у нас такой случай. Установили мы противопехотное минное поле для тренировки немецких саперов и послали Азарова доложить об этом тогдашнему помощнику Фогта, фельдфебелю Ханке. А был этот Ханке таким мерзавцем, которого даже сам Фогт побаивался. Нас же всякий раз первая дрожь пробирала, как только он останавливал на ком-нибудь свой неподвижный взгляд. Один только Азаров его не боялся.

— Зато фельдфебель прямо-таки лютой ненавистью ненавидел Азарова, — заметил сидящий рядом с Нефедовым очень худой, высокий, похожий на Дон-Кихота майор Коростылев.

— Это верно, ненавидел он Азарова действительно люто, — подтвердил Нефедов. — А в тот день был особенно не в духе — повздорил из-за чего-то с капитаном Фогтом. Ну, а когда предстал перед ним Азаров с докладом, он, ни слова не говоря, — бац его по физиономии. Но и лейтенант наш не смолчал. Развернулся да как влепит ему в свою очередь по роже. И бежать, да прямо через то самое поле, которое мы только что установили. Перемахнул его все и не подорвался. Нам это просто чудом показалось. А фельдфебель уже выхватил свой парабеллум и прицелился в Азарова. Но тут Фогт подоспел. «В чем дело?» — спрашивает. Фельдфебель ему сочиняет, будто усомнился он в качестве установки нашего минного поля и велел Азарову перебежать через него. «И вот, говорит, действительно так оно, значит, и есть — не подорвался ведь лейтенант. Поэтому и хотел его пристрелить».

— А мы сидим ни живы ни мертвы, — добавляет Коростылев. — Понимаем, что добром это не кончится.

— Кончилось же все это самым неожиданным образом,— продолжает Нефедов.— Фогт, выслушав фельдфебеля, крикнул Азарову: «А ну, быстро назад!» И Азаров снова бегом через все минное поле, и опять остался невредимым. «Сами теперь видите, господин капитан, как они нас надувают»,— ухмыльнулся Ханке. «А я не верю, чтобы они могли меня надуть,— самоуверенно заявил Фогт.— Никто из них не посмеет сделать этого. А если вы так уж уверены, что никакого минного поля ими не установлено, то шагом марш через него! И если не подорветесь, собственоручно этого лейтенанта расстреляю».

— Это он все по-немецки,— поясняет Коростылев,— но мы хорошо его понимали и ждали затаив дыхание, что же дальше будет?

— А разъяренный фельдфебель Ханке, будучи совершенно уверенным, что Азаров их дурачит, смело шагнул на минное поле и сразу же подорвался, да так основательно, что в тот же день и умер, не только к нашей радости, но и к явному удовольствию капитана Фогта. Кажется, этот Ханке доносил на своего начальника в гестапо. С тех пор и стал лейтенант Азаров «фаворитом» Фогта.

— А как же все-таки сам Азаров не подорвался? — спрашивает Бурсов.

— Не любит он на эту тему распространяться, но тут либо действительно фатальный случай, либо он знал все-таки, где именно мины стояли. Минер ведь он отличный, и глаз у него молодой, приступливый. А в общем-то, конечно, все это на чудо похоже. Суеверный Фогт и воспринял, видимо, все это как настоящее чудо.

Когда после завтрака лейтенант Азаров появился в блоке старших офицеров, Бурсов посмотрел на него с невольным уважением.

Несколько минут спустя лейтенант ведет Бурсова с Огинским через проходную арку к небольшому домику под черепичной крышей, в котором находится канцелярия капитана Фогта. Часовой, хорошо знающий Азарова, беспрепятственно пропускает их.

— О, добрый утро! — весело приветствует их капитан Фогт. — Познакомьтесь с наш специалист по взрывчатке господином Штрейтом.

Из-за стола встает очень тощий немец с морщинистой шеей и большим кадыком. Небрежно представляется:

— Гюнтер Штрейт, доктор технических наук. Как мы будем с вами изъясняться? Я ведь не владею русским языком,— беспомощно разводит он руками.

— Зато мы знаем немецкий. Я посредственно, майор хорошо,— кивает Бурсов на Огинского.

— Тогда все в порядке,— удовлетворенно кивает головой Штрейт.— Можем мы приступить к делу тотчас же? — обращается он к капитану.

— О да! Пожалуйста! Я не буду вам мешать,— обращался Фогт и пошел куда-то, пожелав доктору и советским офицерам успеха.

На докторе Штрейте светло-серый спортивный костюм и тирольская шляпа с пером. На длинном носу с горбинкой старомодное пенсне.

— Ну-с, я слушаю вас, господа,— произносит он, широким жестом гостеприимного хозяина предлагая офицерам сесть.— Не скрою от вас — меня интересуют ваши эксперименты, потому что я тоже проделывал нечто подобное. И должен вам признаться, у меня ничего пока не получилось. Поэтому очень любопытно, что же получается у вас?

«С чего же начать?.. — лихорадочно думает Бурсов.— Этот доктор, очевидно, большой знаток взрывного дела, и его не так-то просто будет провести...»

Но тут на помощь ему приходит Огинский.

— Надо полагать,— степенно начинает он,— детонация конденсированных взрывчатых веществ у вас в Германии столь же мало изучена, как и у нас в Советском Союзе.

— Видимо, так обстоит дело и вообще в мировой науке,— уточняет Штрейт.— Я знаю работы вашего Зельдовича, который сумел теоретически обосновать невозможность сверхзвуковых режимов при распространении детонационной волны. Тем самым с исчерпывающей полнотой вывел он условие Чепмена-Жуге. Но ведь все это относится к детонации газов, нам же необходимо применить условие Чепмена-Жуге к детонации конденсированных взрывчатых веществ.

«А что же такое условие Чепмена-Жуге? — тревожно проносится в мозгу Бурсова.— Знает ли это Огинский?..»

— Вы абсолютно правы, господин доктор,— соглашается с ним майор Огинский таким спокойным тоном, что Бурсов сразу же успокаивается.

— В условие Чепмена-Жуге,— немного подумав, продолжает Огинский,— входит, как известно, скорость звука в продуктах взрыва. Однако насколько просто определяется эта скорость в неплотных газах, настолько сложно выразить ее теоретически в газах, сжатых до плотности твердых тел, молекулы в которых соприкасаются между собой. Некоторые исследователи, пытаясь учесть это обстоятельство, рассматривают молекулы как твердые шарики. Такая модель удобна, конечно, когда изучаются отдельные столкновения молекул, но разве она в состоянии отразить действительные свойства всего плотного вещества?

— Какое же решение предлагаете вы? — снимая с носа пенсне, спрашивает доктор Штрейт. По тону его голоса и выражению лица чувствуется, что он проникается все большим доверием к Огинскому.

— Обратили вы внимание на то обстоятельство, господин доктор, что в очень уплотненных газах давление имеет двоякую природу? Оно является одновременно как бы и тепловым и упругим при совершенно различной природе этих явлений. Сильно сжатый газ ведет ведь себя как комок сцепленных пружинок, а неплотный — подобно рою мух, бьющихся о стенку.

«Теперь бы подкрепить ему свою эрудицию какой-нибудь мудреной формулой,— возникает у Бурсова заманчивая мысль.— Тогда у этого немецкого ученого мужа не останется уже ни малейшего сомнения в нашей компетентности по вопросам детонации взрывчатых веществ».

И Огинский, будто прочитав его мысли, просит у Штрейта авторучку и торопливо пишет на чистом листе бумаги, лежащем на столе капитана Фогта.

— Вам знакома эта формула, господин доктор? — спрашивает он Штрейта.

— Видимо, это формула скорости протекания детонации? — морщит лоб Штрейт, склоняясь над листком бумаги и смешно вытягивая вперед длинную шею.— Из чего же, однако, она складывается?

Бурсов очень боится, что Штрейт обратит внимание на его безучастность в этом разговоре, но доктор так увлекся беседой с Огинским, что, кажется, и не замечает его присутствия. Он хотя и делает вид, что в словах советского майора нет для него ничего нового, на самом же деле многое из того, о чем говорит Огинский, слышит впервые. А когда заходит разговор о методах определения скорости

детонации, примененных Огинским в его экспериментах, Штрейт вообще забывает обо всем на свете. Не слышит даже, как входит капитан Фогт.

Фогт тоже слушает майора разинув рот. И если Штрейта поражает совершенство техники экспериментов и изящество предложенной им методики измерений скорости детонации взрывчатых веществ, то капитана завораживает его ученый язык. Такие выражения, как «средняя квадратическая ошибка среднего арифметического» и «средняя квадратическая ошибка отдельного измерения», буквально гипнотизируют Фогта.

А когда Огинский начинает торопливо писать математические формулы, пестрящие греческими буквами, квадратными степенями, скобками и дробями, в знаменателях и числителях которых стоят одни лишь латинские буквы, он уже не сомневается более в высокой компетентности советского майора.

Когда после ухода пленных офицеров доктор Штрейг заявил, что русские сообщили ему сейчас о детонации взрывчатых веществ такое, чего он никак не рассчитывал от них услышать, капитан Фогт воскликнул:

— Нам чертовски повезло, доктор! И если мы с их помощью найдем средство взрывать минные поля, нас с вами ждет высокая награда. Я знаю, вы и сами экспериментировали в этой области, но, кажется, они достигли большего. Но ваш престиж от этого не пострадает. Нужно только выжить из них все, что возможно, а им мы не собираемсяставить памятники за это. В конце концов, они всего лишь военнопленные и для них всегда найдется место в Майданеке или Маутхаузене.

И он закатывается таким смехом, от которого доктору Штрейту становится не по себе. Но сама идея убрать советских офицеров куда-нибудь подальше, после того как детонация минных полей артобстрелом будет осуществлена, ему явно нравится.

— Это сейчас чрезвычайно важно,— продолжает капитан Фогт.— Вы знаете, доктор, какие потери понесли наши танки на русских минных полях под Белгородом? Мне сообщил мой родственник, оберштурмбанфюрер, только что вернувшийся из района этих боев, что наша девятнадцатая танковая дивизия потеряла в полосе обороны одной только русской стрелковой дивизии свыше ста танков, в том числе семь «тигров». Там погибло около тысячи

наших солдат и офицеров, а командир этой дивизии генерал Шмидт застрелился.

— Да, я тоже слышал кое-что,— сочувственно кивает головой доктор Штрейт.— Русские всегда были сильны в инженерном обеспечении своей обороны и вообще в военно-инженерном деле. Не случайно же сам фюрер распорядился любым путем привлечь на нашу сторону пленного русского генерала Карбышева.

— Ничего у них из этого не получилось, однако,— не без злорадства замечает Фогт.— Надеюсь, мы с вами, доктор, добьемся большего успеха, хотя у нас всего лишь скромный кандидат наук и дивизионный инженер.

По дороге в лагерь Бурсов с Огинским тоже обменяются впечатлениями от встречи с доктором Штрейтом.

— В том, что доктор остался доволен вами, у меня нет никаких сомнений,— замечает подполковник.— Вы действительно сообщили ему что-нибудь новое? Я ведь практик и не очень силен в теории.

— Все, что я сообщил ему,— результат моих экспериментов, опубликованный в нашей открытой печати перед самой войной. Но, видимо, Штрейт не читал журнал, в котором была напечатана моя статья.

— Будем, значит, считать, что в чем-то мы его убедили,— заключает подполковник Бурсов.— Во всяком случае, у него нет теперь никаких сомнений, что в вопросе детонации взрывчатых веществ мы осведомленнее его. Ну, а что же дальше? Нам ведь неизвестно, как вызвать детонацию минного поля. Да если бы и известно было, разве мы открыли бы немцам этот секрет?

— Я вижу дальнейшую нашу задачу лишь в том, чтобы выиграть время. Тянуть с этим экспериментом до тех пор, пока не придумаем достаточно надежный способ побега. Хотя, откровенно говоря,— тяжело вздыхает Огинский,— даже не представляю себе, каким образом удастся нам вырваться отсюда.

— Я этого тоже пока не знаю,— признается Бурсов.— Для этого надо получше разобраться в обстановке. В этом нам помогут майор Нефедов и лейтенант Азаров. А сейчас тревожит меня другое — Сердюк. Этот мерзавец может сообщить им, что эксперимент с обстрелом минного поля нам не удался.

— А вы думаете, что он мерзавец? — спрашивает сопровождающий их Азаров.

— Ну, может быть, и не мерзавец в буквальном смысле, но явный трус. А трус и предатель в данной ситуации почти одно и то же.

— А я все-таки думаю, что он...

— Не будем благодушествовать, Евгений Александрович! — раздраженно перебил Огинского Бурсов. — Давайте лучше исходить из худшего.

— Ну хорошо. Может быть, вы и правы, — соглашается Огинский. — Но и в этом случае я не вижу ничего угрожающего нам. Да, мы проделали в нашей армии один эксперимент — обстреляли минное поле огнем дивизионной артиллерии. Но это пока не увенчалось успехом, и мы задумали серию новых экспериментов, которые не успели осуществить.

— А какие же новые эксперименты можно им предложить? Завтра они, конечно, потребуют начать их.

— Начнем снова с обстрела. Но на этот раз будем экспериментировать не столько с противотанковыми, сколько с минометными и артиллерийскими снарядами. Будем делать вид, что ищем такой состав бризантного взрывчатого вещества в снарядах, который будет в состоянии вызвать детонацию минных полей.

В МИННЫХ МАСТЕРСКИХ

После обеда лейтенант Азаров привел Бурсова и Огинского в мастерские по производству самодельных мин, рекомендованных наставлениями немецкой армии. Мастерские находятся за пределами лагеря, и Азаров повел их через центральные ворота.

— И много делаете вы этих мин? — спросил Бурсов у лейтенанта, когда они оказались достаточно далеко от эсэсовской охраны.

— Теперь много. И потому догадываемся, что немецкая армия все чаще переходит к обороне. Фабричных мин ей явно не хватает.

— А самодельные мины каких же типов?

— Так называемые «дощатые» из стандартных зарядов с взрывателями нажимного действия. Потом еще «аппаратные», тоже из дерева и с такими же взрывателями. В последнее время стали делать мины и из артиллерийских

снарядов. А вчера приступили к производству мин даже из ручных гранат. Специальным наставлением рекомендуется помещать их в гильзы от стопятидесятимиллиметровых снарядов. Поверх гранат насыпаются еще куски металла, гвозди и гайки...

— Помогаете, значит, калечить своего же брата?

— Но ведь и вы собираетесь...

— Да, мы собираемся! — резко перебивает его подполковник.— Но только еще собираемся, а у вас уже целое производство.

Азаров угрюмо молчит, потом замечает чуть слышно:

— Если только Фогт узнает, какое это на самом деле производство...

— Ну ладно,— снова перебивает его Бурсов.— Об этом-то как раз и не следует болтать, какие бы обидные слова ни пришлось услышать.

— Слушаюсь, товарищ подполковник! — сразу повеселев, бодро восклицает Азаров.

Некоторое время они идут молча, внимательно всматриваясь в окружающую местность..

— Вот веду я вас за пределами лагеря без всякой охраны,— нарушает молчание Азаров,— и вы, наверно, думаете: «И чего эти трусы не разбегаются? Вроде никаких препятствий вокруг». Но ведь тут сплошь все минировано, и не нами, а немецкими саперами. К тому же смотрите, какая тут равнина — все как на ладони. Далеко не убежишь даже ночью — прожекторами все тут просвечивается не хуже, чем днем.

— А пробовал кто-нибудь?

— Нет, не пробовали.

— Не нашлось разве смелых людей?

— Найти-то нашлись, да эсэсовцы их опередили. Выведали каким-то образом о готовящемся побеге и вывели сразу половину лагеря за проволоку, не разбираясь, собирался кто-нибудь из них бежать или и не думал даже. Выстроили их перед минными полями, а сзади автоматчиков поставили. Всех остальных подогнали к проволоке с другой стороны и приказали смотреть. Капитан Фогт, а вернее, гауптштурмфюрер Фогт специальную речь произнес:

«Мне стало известно, что вы... нет, не все, а только пять человек, хотели совершить побегство. Я вас не виню за это. Каждый патриот своя родина всегда должен думайт о по-

бегстве из плена. Но думайт надо корошо. А не... как это у вас говорится?.. не с кандачка. Правильно я говорю? Так вот, чтобы потом быть умнее и не делайт больше глупства, вы все сейчас совершайт бегство через этот минный поле. Кто не побежит, тот получайт пуля в свой спина».

Потом Фогт повернулся к автоматчикам и скомандовал: «Ахтунг!» А пленим добавил: «Вам будет это корошй наука. Но если кто-нибудь из вас будет такой счастливчик, который перебежит через весь минный поле, клянусь словом официра, он будет получайт свободы. Вы все знайт случай с лейтенант Азаров. Я должен был его повесить за разбитый морда мой фельдфебель. Но он перебежал минный поле и не подорвался. Вы все знайт, какой почесть он теперь имейт. Я обещайт всем, кто перебежит на тот сторона, жизнь и свобода».

Затем гауптштурмфюрер Фогт театральным жестом подал команду «Вперед!», — глухим голосом продолжает свой рассказ Азаров. — И все побежали, потому что не сомневались, что эсэсовцы, не задумываясь, разрядят в них свои автоматы. И все погибли. Тех, которые не подорвались насмерть на минах, потом добили эсэсовцы. А мы стояли по другую сторону проволочного забора со сжатыми кулаками и стиснутыми от бессильной ярости зубами.

«Вот и все, — сказал нам очень довольный преподанным уроком гауптштурмфюрер Фогт. — Теперь вы понимайт, что такое есть глупство?»

— И вы поняли? — сердито спрашивает Бурсов.

— Да, мы поняли, что любая попытка смельчаков-одиночек не будет лучшей. Для такого дела нужна серьезная организация, а у нас ее не было.

— Не было? — переспрашивает подполковник.

— Да, не было, — спокойно повторяет Азаров, но Бурсову кажется, что он не случайно употребляет глагол «быть» в прошедшем времени.

Мастерские по производству самодельных мин находятся в одноэтажном деревянном строении баражного типа. В них три отделения: столярное, монтажное и зарядное. Ожидая прихода доктора Штрейта, Бурсов и Огинский внимательно осматривают зарядный цех. На его стеллажах видят они не только советские мины, но и почти все системы немецких.

— Настоящий музей, — усмехнулся Бурсов. — Непонятно только, зачем им все это?

Но тут появляется доктор Штрейт и поясняет:

— Мы собрали здесь всю ныне существующую минную технику, чтобы попытаться создать новую, универсальную мину. Такую, которая воплотила бы в себе все достоинства представленных тут образцов. Это заветная мечта капитана Фогта. Над подобной идеей работает, конечно, военно-инженерное ведомство нашей армии, но капитан Фогт хочет внести в это свой вклад и подарить нашим инженерным войскам мину, идеальную во всех отношениях. Кое-что мы уже придумали. Сейчас мы работаем над проблемой наиболее надежного взрывателя. У нас тут множество образцов замыкателей, воспламенителей и взрывателей. Вот, посмотрите, пожалуйста.

И он подводит их к полкам, уставленным замысловатыми цилиндриками с разнокалиберными сережками колечек на предохранительных чеках. Тут тоже техника почти всех армий, особенно разнообразны конструкции взрывателей.

Заметив, какие огоньки вспыхнули в глазах Бурсова при виде всех этих систем, майор Огинский сразу же соображает, как важно было бы подполковнику получить доступ к этим взрывателям.

— Подполковник Бурсов,— произносит он,— большой специалист по части взрывателей.

— Ну что ж, это может нам пригодиться,— одобрительно кивает доктор Штрейт, повернувшись к Бурсову.— А сейчас мы обсудим план наших действий на завтра. Экспериментировать вы, конечно, будете над вашими русскими минными полями. А чем обстреливать? Какими системами орудий?

— Минометами,— заявляет Бурсов.

— Вы думаете, это лучше артиллерии?

— Это даст нам возможность забрасывать мины на заградительные минные поля почти перпендикулярно их плоскости. А это, как вы сами понимаете...

— О да, я это хорошо понимаю,— часто кивает головой доктор Штрейт.— У вас уже есть какой-нибудь опыт такого способа обстрела?

— Да, имеется. Явное преимущество этого способа оказалось бесспорным,— подтверждает Огинский, сообразив, что Бурсов неспроста предлагает вести обстрел минометами.— Нам не удалось, к сожалению, завершить эти эксперименты. Их прервало наступление немецких войск.

— Ну что ж, очень хорошо! Я думаю, что завтра мы сможем продолжить ваши опыты. Сколько же нам понадобится минометов?

— Пока хватит и одного,— подумав, отвечает Бурсов.— Сначала нужно ведь экспериментальным путем найти необходимое нам бризантное взрывчатое вещество, которым мы будем начинять мины этого миномета.

— А вы разве не знаете еще такого вещества? — разочарованно спрашивает Штрайт.

— Кое-что мы уже нашупали, конечно,— приходит на помощь Бурсову Огинский,— но теперь нам придется обстреливать не немецкие минные поля, а русские. Это значит, что мы будем иметь дело уже с иной конструкцией мин, их взрывателей и в какой-то мере самого взрывчатого вещества.

— Да, это верно,— со вздохом соглашается доктор Штрайт.— Это я чуть не упустил из виду. Учтите, однако, что нам нужно очень торопиться.

— Мы понимаем это, господин доктор,— заверяет Штрайта Бурсов.

Вечером, после отбоя, когда Бурсову кажется, что все уже спят, он слышит вдруг тихий шепот майора Нефедова:

— Вы не спите, товарищ подполковник?

— Нет, не сплю.

— Хотелось бы с вами поговорить.

— Пожалуйста.

— Вы ничего не слышали там, у лагерного начальства, о нашей судьбе?

— О какой судьбе?

— Собираются ведь уменьшить численность нашего лагеря. Оставить человек двадцать, а остальных отправить в другие, обычные лагеря военнопленных, в так называемые шталаги. Начальство капитана Фогта считает, видимо, что такому количеству пленных делать тут нечего.

— Нет, я ничего об этом не слышал.

Майор Нефедов некоторое время молчит, затем продолжает еще тише прежнего:

— А вы бы могли помешать этому...

— Помешать?

— Да, в том смысле, чтобы найти нам какую-нибудь дополнительную работу.

Бурсов не совсем его понимает. Нефедов поясняет:

— Вы ведь будете обстреливать экспериментальные минные поля? Вот и используйте это для того, чтобы такие поля мы установили по вашим схемам. И не одно, а несколько. Вы понимаете меня?

— Это идея! — радуется Бурсов. — Завтра же мы заявим доктору Штрейту о необходимости таких полей.

Потом они снова лежат молча, и им теперь долго не удается заснуть. Похоже, что не спит и Огинский. Или, может быть, проснулся от их разговора.

— И знаете еще что? — после продолжительного молчания произносит Нефедов. — Если вы задумаете предпринять что-нибудь, имейте в виду и меня. Я знаю, на что иду и чем все это может кончиться, — насмотрелся тут на многое... Но меня это не пугает, лишь бы поскорее к своим... Учтите это, товарищ подполковник. Если чем-нибудь смогу быть полезен в ваших планах, с радостью все исполню.

— Хорошо, товарищ Нефедов, мы это учтем.

— А что касается нашей работы тут, у немцев, то мы вредим им, чем можем, ежесекундно рискуя при этом головой. Мы ведь только прикидываемся такими смиренными. Вот я, например, возглавлял группу, занимавшуюся переводом советских военно-инженерных наставлений и захваченных в наших штабах документов. А знаете, как мы их переводили? Где только было возможно, искажали смысл, рассчитывая, в случае чего, сослаться на плохое знание немецкого языка. Или вот теперь, на производстве самодельных мин...

Бурсов кладет руку на плечо Нефедова:

— Я верю вам, товарищ Нефедов. Не понимаю, однако, как вы-то решились мне довериться? Вы же меня почти не знаете. А если я окажусь провокатором, специально к вам подсаженным капитаном Фогтом?

— Бывали у нас и такие. Фогт не упускал возможности выведать с их помощью наши замыслы. Только ведь и у нас особое чутье на этих мерзавцев выработалось. И потом, Фогту теперь ни к чему уже нас проверять. Он уверен, что те, кого он оставил тут, у себя, примирились со своей участью и ни о каком побеге не помышляют.

Помолчав немного, Нефедов добавляет:

— Известно нам, между прочим, и то, что вас подвел ваш сослуживец Сердюк. Из этого тоже сделаны нами некоторые выводы. Понятно стало, каким образом узнали немцы о ваших экспериментах.

ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕРИМЕНТУ

Утром лейтенант Азаров снова ведет их в мастерские по производству самодельных мин. Дорогой подполковник Бурсов спрашивает:

— А пронести в лагерь из этих мастерских что-нибудь можно?

— Нет, это почти исключено, товарищ подполковник. Часовые нас обыскивают, и очень тщательно. Но вы все-таки скажите, что вам нужно,— придумаем что-нибудь.

— Пока ничего,— уклончиво отвечает Бурсов.— Но, может быть, что-нибудь вскоре понадобится.

— Только прикажите, товарищ подполковник, все будет выполнено!

— Приветствую ваш энтузиазм,— улыбается Бурсов.— Не следует, однако, выражать его так бурно. И потом, вы ведь сказали, что это почти невозможно.

— Вот именно «почти», а это значит...

— Ладно,— усмехнулся Бурсов.— Понял вас.

Неподалеку от мастерских он спрашивает у Огинского:

— Вы, кажется, работали над созданием пластичных взрывчатых веществ, Евгений Александрович? Удалось вам что-нибудь?

— Да, кое-что.

— Нам бы это очень пригодилось.

Прислушивающийся к их разговору Азаров интересуется:

— А что входит в состав пластичного вэвэ?

— Многое,— неопределенно произносит Огинский, но в всякий случай уточняет: — гексоген, например.

— В чистом виде?

— Да, желательно в чистом.

Доктор Штрейт уже ожидает их в монтажном отделении мастерской. С ним вместе молодой немецкий офицер.

— Вот познакомьтесь,— кивает на него Штрейт.— Это наш минометчик, лейтенант Менцель.

— Каков калибр вашего миномета? — спрашивает его подполковник Бурсов.

— Восемьдесят миллиметров. Подойдет такой?

— Подойдет.

— Вот и хорошо,— довольно потирает руки доктор Штрейт.— Тогда мы сразу же и приступим. У нас уже есть минные поля, установленные вашими офицерами.

— Боюсь, что они не годятся, господин доктор,— замечает майор Огинский.

— Не годятся? — удивляется Штрейт.— Вы думаете, что они не очень добросовестно установлены?

— Нет, этого я как раз не думаю,— спокойно возражает Огинский,— но дело в том, что офицеры, которые их устанавливали, попали в плен еще в сорок первом году, а за это время...

— О да, да! — оживляется доктор.— Вы совершенно правы. За это время техника минирования изменилась, да? Но как же тогда быть?

— А очень просто. Подполковник Бурсов один из лучших специалистов по этой части. Он займется с пленными офицерами, и они быстро освоят новую технику минирования.

— Маленькие курсы, да? — смеется доктор Штрейт.— А на какое время? На пять-шесть месяцев?

— Ну зачем же такой огромный срок! — смеется Огинский.— Товарищ подполковник, сколько вам на это потребуется?

— Три-четыре дня.

— Ну, это другое дело,— удовлетворенно замечает Штрейт.— Я сегодня же попрошу капитана Фогта создать такую учебную команду. Но это по технике установки минных полей, а как с оснащением самих мин? Оно ведь тоже, наверно, изменилось за это время? Тогда нужно пересмотреть все имеющиеся у нас русские мины. Очевидно, многие из них устаревших образцов.

— Пусть капитан Фогт распорядится разминировать все учебные поля. Я лично осмотрю тогда все советские мины. Для ускорения дела хорошо бы привлечь к этому побольше людей.

— Побольше? Да, конечно, лучше побольше. Хорошо, что вы подсказали мне это, а то Фогт хотел отослать куда-то часть пленных. Нужно немедленно сообщить ему, чтобы он временно отменил свое распоряжение,

Вся первая половина дня проходит в подготовке к эксперименту. Для этого подыскали подходящее место, колышками отметили границы будущих минных полей, определили позиции минометной батареи (Штрейт категорически настоял на обстреле минных полей не одним минометом, а целой батареей).

Во второй половине дня подполковник Бурсов приступает к «обучению» младших офицеров новым методам установки минных полей. Для этого пришлось сначала заняться разминированием ими же установленных полей, так как советских мин последнего образца явно не хватало. Хотя подполковнику Бурсову было хорошо известно, что практически советские инженерные мины, выпущенные в последние годы, не претерпели значительных изменений в сравнении с довоенными, он потребовал, чтобы на установку экспериментального поля пошли только мины последнего выпуска.

На это уходит вся вторая половина дня. В результате оказывается, однако, что новых мин для установки экспериментального поля явно недостаточно. Об этом доложили доктору Штрейту, который сразу же ушел к Фогту. Капитану не очень хотелось добывать где-то мины нового образца, и он попытался уговорить Штрейта производить опыты со старыми. Но педантичный доктор твердо стоял на своем, и Фогту пришлось откомандировать на склад военно-инженерного имущества, находящийся на соседней станции, одного из своих помощников.

Огинский занимается теперь главным образом рецептурой близантного взрывчатого вещества. А немецкие минометчики под руководством лейтенанта Менцеля разряжают свои мины. Им предстоит заполнить их потом той взрывчаткой, над изготовлением которой трудится майор Огинский.

Бурсову с его командой приходится работать под ненужным наблюдением унтер-фельдфебеля Крауза и двух автоматчиков.

Во время одного из перекуров подполковник ложится на землю неподалеку от Нефедова и шепчет ему:

— Нам нужен гексоген. Каковы возможности раздобыть его?

Майор долго думает, вспоминая взрывчатые вещества, с которыми ему приходится иметь дело при изготовлении немецких самодельных мин. На это идут обычно герман-

ские стандартные заряды, состоящие из тротила и мелинита. Во взрывчатых веществах союзников Германии в наличии тоже в основном тротил, аммотол, тэн. Только в итальянских подрывных шашках «тритолите» содержится смесь тротила с гексогеном, а в «пентролите» сплав гексогена с тэном.

— А гексоген нужен в чистом виде? — спрашивает Нефедов.

— Да, желательно.

— Тогда его можно извлечь только из нашего детонирующего шнура ДШ-36. А немцы применяют его лишь в кумулятивных зарядах, да и то в смеси с тротилом.

— Ну хорошо, мы подумаем над этим.

— А что еще понадобится? Может быть, капсиолидетонаторы?

— Да, было бы неплохо.

Поздним вечером, когда Бурсов лег на нары рядом с Огинским, он шепотом сообщил майору о своем разговоре с Нефедовым.

— Ну ничего, — успокоил его Огинский, — гексоген я попытаюсь раздобыть сам. Предложу завтра Штрейту начинять им мины, предназначенные для обстрела наших минных полей.

— А что еще, кроме гексогена, понадобится для изготовления пластичной взрывчатки?

— Нужны будут еще и специальные пластификаторы. С этим, пожалуй, будет труднее.

АЗАРОВ ИДЕТ НА РИСК

Четвертый день в поле и в минных мастерских спецлагеря советских военнопленных идет работа по подготовке к эксперименту майора Огинского. Сам капитан Фогт ежедневно приходит понаблюдать за деятельностью военнопленных. И хотя у него нет оснований упрекнуть их в нерадивости, он не упускает случая предупредить:

— Как только я буду замечать, что кто-то из вас шалтай-валтай, тот сразу будет вылетать из моего лагеря. Нет, не на волю, а в совсем другой место. Об этом я считаю своим долгом предупреждать вас.

Унтер-фельдфебель Крауз теперь буквально не сводит с них глаз. Даже, кажется, забыл о шнапсе. Во всяком случае, не заметно, чтобы он прикладывался к своей фля-

ге во время коротких перерывов. Однако, несмотря на это, и Нефедов, и особенно ловкий и удачливый Азаров при разминировании минных полей незаметно припрятывают несколько капсюлей-детонаторов и взрывателей. Удаётся утаить около десятка капсюлей и во время установки новых минных полей по плану майора Огинского. Теперь возникает вопрос: как пронести все это в лагерь? Часовые в последнее время стали обыскивать пленных с еще большей тщательностью.

Огинский тоже ухитряется спрятать немного гексогена, которым по его предложению стали начинять артиллерийские мины.

Возникает надежда, что со временем удастся раздобыть и пластификаторы, необходимые для изготовления пластиичного взрывчатого вещества. У Огинского уже целая лаборатория по производству взрывчатых смесей, и у немцев нет пока никаких сомнений, что он вполне добросовестно ищет вещество, способное вызвать детонацию минных полей. Майора тревожит теперь лишь одно: как исправить все это в барак?

Ломает голову над этим и подполковник Бурсов. Лишь лейтенант Азаров по-прежнему кажется беспечным. И потому, может быть, в конце пятого дня, возвращаясь в лагерь, Бурсов обращает внимание на необычную молчаливость лейтенанта и какую-то странную бледность его лица, когда они проходят осмотр у центральных ворот. Обычно он шутит с охранниками, которые прощают это Азарову, зная особое расположение к нему капитана Фогта. А теперь он молчит, словно воды в рот набрал, и как-то странно вытягивает шею.

А когда они приходят наконец на территорию лагеря, лейтенант почти вбегает в барак, и не в свой блок, а к старшим офицерам. Встревоженный Бурсов спешит за ним следом и видит необычную картину: Азаров в изнеможении падает на нары.

— Что с вами?! — испуганно бросается к нему Бурсов, полагая, что лейтенант неожиданно заболел.

А Азаров даже ответить не в состоянии: так трясет его нервная дрожь. Лишь немного успокоившись, он показывает подполковнику зажатые в кулаке три капсюля-детонатора. И Бурсов сразу же все понимает. Лейтенант пронес эти капсюли во рту, когда проходили проверку у ворот!

Но это же настоящее безумие! В капсюлях ведь капризная гремучая ртуть. Достаточно чуть-чуть сплющить их алюминиевую гильзу, как произойдет взрыв.

— Вы сумасшедший, Азаров! Стоило бы часовому задать вам хоть один вопрос...

— Этот не задал бы... Он не из разговорчивых.

— Но вы могли бы и от страха так стиснуть зубы, что...

— Больше всего я боялся, что проглочу эти детонаторы... — признается Азаров.

— Ну вот что, — строго произносит подполковник Бурсов. — Я запрещаю вам подобный способ переноски капсюлей в лагерь. Мало того, что себя погубите, подведете и всех нас. Нужно придумать что-нибудь другое...

— Но что же придумаешь, товарищ подполковник? Этот гад Крауз — настоящая ищейка. Он все может вынюхать. Надо торопиться...

— Согласен. Торопиться надо. Не надо только идти на безумство.

...Обстрел минного поля начинается на следующий день.

Капитан Фогт взобрался на площадку над воротами лагеря, пригласив с собой всех офицеров эсэсовской охраны. Доктор Штрейт вооружился полевым артиллерийским биноклем и приказал лейтенанту Менцелю открыть огонь.

Бьют сразу все минометы его батареи. Минны рвутся в самом центре экспериментального поля, вздымая фонтаны сухой, давно не орошаемой дождем земли.

В результате прямого попадания, взлетают на воздух две противотанковые мины, но лишь одна из них взрывается. Второй залп оказывается еще менее удачным. Он выкапывает из земли всего одну мину, не вызвав никакой детонации.

Стрельба продолжается еще четверть часа почти с тем же успехом. Минны по-прежнему взрываются лишь при прямых попаданиях.

Спустя полчаса доктор Штрейт подает знак — прекратить обстрел.

— Что-то у нас не так... — устало говорит он майору Огинскому.

— Было бы чудом, если бы замысел наш с первого же раза увенчался успехом, — спокойно замечает Огинский.

— Ну, а в чем же причины сегодняшней неудачи?

— Их более чем достаточно. Во-первых, не найден еще состав близантного взрывчатого вещества для минометных.

мин. Во-вторых, инженерные мины покрыты, видимо, слишком толстым слоем земли и дерна.

— А что, если мы лишь присыплем их слегка? — понижая голос, предлагает доктор Штрайт, и Огинский догадывается, что ему очень хочется продемонстрировать капитану Фогту хоть какой-нибудь успех. Он ведь давно уже занимается изобретением способа преодоления минных заграждений и, видимо, очень боится, что у Фогта может лопнуть терпение.

— Ну что ж, — соглашается с его предложением Огинский. — Но это уже завтра, сегодня мы едва ли успеем снять весь дерн и чем-то другим замаскировать минное поле под общий фон местности.

— Да, да, конечно, — торопливо кивает головой Штрайт. — Только это надо бы как-нибудь...

— Понимаю вас, господин доктор! Мы постараемся не привлекать к этому излишнего внимания. Я попрошу Бурсова заняться маскировкой минного поля лично.

— Вполне полагаюсь в этом на вас, — признательно улыбается доктор Штрайт. — Учтите только, что завтра приедет к нам комиссия военных инженеров. Возможно, будут и представители эсэс, сведущие в вопросах минных заграждений. Рановато? Да, конечно, рановато! Но что поделаешь — капитан Фогт поторопился доложить начальству об этом эксперименте.

На другой день действительно приезжает комиссия, состоящая из полковника инженерной службы и трех эсэсовцев, один из которых штандартенфюрер, что соответствует чину полковника. Но и в их присутствии повторяется почти то же самое. Теперь, правда, взрывается больше мин, но, как и вчера, главным образом лишь в результате прямых попаданий.

Догадаться, что штандартенфюрер остался очень недоволен результатом легкомысленно разрекламиированного Фогтом эксперимента, не составляет большого труда. Он приказывает Фогту отправить советских офицеров в бараки, а капитану и доктору Штрайту устраивает обстоятельный разнос.

— Что же это такое, черт вас побери?! — кричит он, нервно прохаживаясь перед стоящими по стойке «смирно» Фогтом и Штрайтом. — Да ведь эти русские офицеры просто дурачат вас! И вообще, гауптштурмфюрер Фогт, мы давно уже собирались прекратить вашу экстравагант-

ную деятельность. Выдумываете тут разные фокусы, чтобы от фронта увильнуть. Даю вам сроку еще десять дней, и если за это время вы не осуществите того, что так опрометчиво обещали в своем донесении генерал-полковнику Цодеру, я немедленно возвращу вас на прежнюю должность командира сапёрной роты танковой дивизии «Мертвая голова»... А с вами,— обращается он к дрожащему от страха доктору Штрейту,— будет у меня разговор особый.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Военнопленные сидят в это время в своих блоках, куда загнал их унтер-фельдфебель Крауз.

— Представляю себе, какой разнос учиняет сейчас Фогту его начальство,— усмехается майор Горностаев.

— Не злорадствуйте, — мрачно замечает Нефедов. — Не позже как через полчаса мы испытаем все это на собственных шкурах, и в гораздо худшем варианте.

Через сорок минут в лагере действительно появляется капитан Фогт и приказывает унтер-фельдфебелю Краузу выстроить всех на аппельплацу.

— Мютцен аб! — командует Крауз.

Военнопленные мгновенно обнажают головы. Они слишком хорошо знают эту команду, хотя давно уже не слышали ее. Их примеру следуют и Бурсов с Огинским.

Капитан Фогт некоторое время прогуливается перед их строем своей обычной пружинистой походкой. Внешне он совершенно спокоен.

— Я имейт вам сказать вот что,— четко выговаривая каждое слово, произносит он наконец. — С завтрашний день вы все должен показать образец высокой производительность. Это значит, что все надо сделайт два раза быстрее, два раза больше, два раза лютче. Вы думайт, почему я давайт вам хорошо кушайт? Я показывайт вас в списках два раза больше. Это вам есть понятно? Тогда должен быть понятно мой требований — два раза больше работы! С завтрашний день все надо делайт бегом! Это есть все! Разойдись.

Все мгновенно разбегаются, один только Огинский все еще стоит на своем месте в задумчивости. К нему тотчас же подбегает унтер-фельдфебель.

— Вонючий швайн! — яростно рычит он, замахиваясь на майора кулаком.

— Посмей только, скотина! — решительно шагает в его сторону Огинский.

На шум их голосов оборачивается не успевший далеко отойти Фогт. Он сразу же соображает, в чем дело, и раздраженно кричит унтер-фельдфебелю:

— Опять вы за свое, Крауз! Сколько раз я вам говорил: не сметь!

— Яво-оль! — недовольно бурчит Крауз.

...Спать в эту ночь все ложатся мрачными, неразговорчивыми. Молчит и Огинский, но, успокоившись немного, спрашивает Бурсова:

— Осуждаете меня?

— Смертельного врага вы теперь себе нажили, Евгений Александрович, — не отвечая на его вопрос, с тяжелым вздохом произносит Бурсов.

— Но не мог же я ему позволить...

— Не могли, — спокойно соглашается с ним Бурсов. — Я и не обвиняю вас. Я тоже не смог бы. А говорю вам об этом к тому, чтобы вы были настороже. Какуюнибудь гадость он вам непременно подстроит, поверьте моему слову.

Засыпают они поздно, хотя и не разговаривают больше. Но спят недолго. Просыпаются от выстрелов. Они слышатся где-то в стороне станции. Бурсов пытается выйти из барака, но Нефедов останавливает его:

— Там, на вышках, все пулеметы наведены на наш барак, товарищ подполковник. Эсэсовцы никому не разрешат выйти отсюда. А стрельба ночью уже не в первый раз. Думаю, что это партизаны напали на станцию.

— Поблизости, значит, есть партизаны?

— Да, в лесу за станцией.

— А от нас до станции сколько?

— Не менее шести километров.

Стрельба длится около получаса. Все это время территорию лагеря полосуют прожектора. Потом все стихает. А еще через четверть часа раздается страшный взрыв, от которого даже здесь, в лагере, вздрагивает земля и дребежжат стекла в окнах. Сразу становится светло.

— Похоже, что партизаны эшелон с бензином взорвали! — возбужденно шепчет Нефедов.

Стрельба возобновляется с еще большим ожесточением. А за дверями барака слышатся резкие слова команды на немецком языке.

— Наверно, капитан Фогт решил вести своих эсэсовцев на подмогу станционному гарнизону, — решает Нефедов. — Вот подходящее время для побега, если бы только были мы к этому готовы.

И снова два сильных взрыва, следующие почти сразу же один за другим.

— Ну да, конечно, это взрываются цистерны с бензином! — уже не сомневается более Нефедов.

В окнах, обращенных в сторону станции, полыхает такое зарево, что внутри барака можно разглядеть уже не только фигуры сидящих на нарах военнопленных, но и встревоженное выражение их лиц.

— А знаете, в честь чего этот партизанский салют? — спрашивает вдруг молчавший все это время Горностаев.

Все сразу же поворачиваются к нему, торопят:

— Да не тяните вы, ради бога!

— Советские войска приостановили наступление немцев на Курской дуге. Мало того, сами перешли в контрнаступление! Вчера был взят Орел. Сегодня Белгород.

Никто не спрашивает Горностаева, откуда ему это известно. Конечно же, это сообщило английское радио, передачи которого он слушает по распоряжению капитана Фогта.

— А почему вы не рассказали нам этого раньше?

— Страшно было...

— За кого? За Гитлера?

— За себя? За всех нас!.. Теперь уже всё... Хребет Гитлеру окончательно сломлен. И без нас... Страшно ведь подумать, если спросят, а где же мы были? И не это, может быть, а что не предпринимаем ничего...

— Ну, это смотря кто, — протестует Нефедов. — Не надо так за всех...

— Да я и не за всех. В основном — за себя. Вы-то замышляете, наверно, что-то, шепчетесь тут о чем-то. А меня сторонитесь... Я сам, конечно, виноват. Сам поставил себя в такое положение. А теперь уже поздно...

— Что — поздно? — не понимает его Бурсов.

— Теперь, когда ясен исход войны, по-разному ведь можно это истолковать... Так что вы уж без меня...

— Да что вы, черт вас побери! — взрываеться Бурсов. — Интеллигентика какого-то изображаете. Противно слушать! Да и что мы замышляем, о чем шепчемся? Вот майор Нефедов твердо мне сказал, что, если понадобится,

можно на него рассчитывать. А остальные тоже ведь молчат. И хочется и колется, наверное... Я догадываюсь, конечно, что вы пакостите им тут понемножку. Мне известно, какие вы им мины делаете. А надо бы совсем не делать. Надо...

— Надо уходить отсюда... Бежать! — решительно заканчивает за него Нефедов.

— Да, бежать! — подтверждает Бурсов. — Среди погибших мы ведь не значимся. Надо, значит, числить себя среди сражающихся. И кто готов на это, тому моя рука!

Первым протягивает ему руку Нефедов. Его примеру следуют все остальные. А за стенами барака все еще гремят выстрелы и рвутся цистерны с бензином. Хотя подслушать их разговор в таком шуме почти невозможно, Бурсов все же приказывает Нефедову осторожно выглянуть за дверь.

Майор возвращается спустя несколько минут. Докладывает, что у дверей барака никого нет. А часовые центральных ворот на своих местах.

Теперь все окружают Бурсова. Ждут указаний, как быть дальше, что делать.

— Никаких конкретных планов побега сообщить вам пока не могу, — охлаждает их энтузиазм Бурсов. — Всё узнаете в свое время. А задание каждому из вас такое: всеми путями добывать капсюли-детонаторы и бикфордов шнур. Помогать Азарову переносить в лагерь гексоген и другую взрывчатку. Будете получать все это у майора Огинского. Взрывчатка порошкообразная, и вы сможете насыпать ее в голенища сапог и вообще всюду, куда только сможете. Но понемногу, чтобы всегда можно было объяснить, что попала она туда случайно, во время работы по производству мин. А зачем эта взрывчатка, сами должны догадываться. Конкретнее узнаете в свое время.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО СЕРДЮКА

Утром, когда офицеры шли на работу, лейтенант Азаров шепотом сообщил Бурсову:

— Я сделал интересное наблюдение, товарищ подполковник. Во время ночной заварухи взобрался на чердак нашего барака. У меня специальная лазейка для этого имеется. Сижу там и вижу все как днем. Станция-то, сами знаете, как полыхала! И вот, когда помощник капитана

Фогта повел взвод эсэсовцев на станцию, я приметил путь, каким они шли. Вы ведь знаете, что вокруг тут все минировано. Особенно в направлении станции. Но есть, оказывается, проход. И я теперь знаю его. Набросал даже схему. Передать ее вам?

— Это очень хорошо, друг мой Азаров! — хвалит его Бурсов. — Но схема пусть будет у вас. Спрятите только ее получше. И никому ни слова об этом.

Некоторое время они идут молча, потом Бурсов спрашивает:

— А почему у Сердюка синяк под глазом? Давно он у него? Вчера ведь вроде не было.

— Свеженький, — усмехается Азаров. — Результат «разговора по душам» сunter-фельдфебелем Краузом. Вечером после отбоя он у них состоялся.

— А как Крауз вообще к нему относится!

— Благоволит. На должность штубендинста — уборщика барака — назначил. Работенка не пыльная, и Сердюку она явно по душе. Потому и непонятно, за что же он его так разукрасил вдруг.

Крауз мог, конечно, «разукрасить» Сердюка и без достаточно серьезной на то причины, но Бурсова это очень тревожит. Выбрав момент, когда Огинский оказался с ним наедине, Бурсов спросил его:

— Видели сегодня Сердюка? Обратили внимание на фонарь под его глазом? Это дело рук Крауза. Чертовски не нравится мне это. Похоже, что снова был допрос с пристрастием. И главное, сразу же после стычки Крауза с вами...

Но тут возвратился выходивший в соседнее помещение доктор Штрейт. Он сегодня очень мрачен и раздражителен. Видно, сказывается вчерашний разговор с высоким начальством.

— У меня такое впечатление, — хмуро говорит он Огинскому, — что вы меня дурачите.

— Давайте прекратим опыты, господин Штрейт, — спокойно предложил ему майор Огинский. — Пусть капитан Фогт переводит нас с подполковником Бурсовым на другую работу.

И он демонстративно отодвигает в сторону алюминиевую миску, в которой только что приготавлял какую-то взрывчатую смесь.

— Но, но,— деланно смеется доктор Штрайт.— Нельзя быть таким обидчивым. У меня тоже ведь немало неприятностей. И неизвестно еще, кому будет хуже, мне или вам, если мы не добьемся успеха к девятому августа.

— Но ведь вы же серьезный ученый, доктор Штрайт, и должны понимать, что мы проводим, по сути дела, такое научное исследование, успех которого...

— Да, я понимаю, я все понимаю. Но у нас ведь ни малейшего проблеска пока. Да и был ли такой проблеск у вас, когда вы экспериментировали там, у себя?

— Проблеск был,— уверенно заявляет Огинский. — Но тогда мы экспериментировали с немецкими минами, а теперь приходится испытывать русские, а они, как вам хорошо известно, иной конструкции. Нам казалось, что вы понимаете это не хуже нас...

— Понимаю, понимаю, конечно, но нужно все-таки повторяться.

— А как же повторяться, когда недостает самого необходимого? Мне нужны для составления взрывчатых смесей разнообразные органические и неорганические вещества, а у нас почти ничего этого нет. До сих пор не можем достать даже такие флегматизаторы, как парафин и церезин. Приходится применять заменители, а они, сами знаете...

— Ну хорошо, хорошо!— останавливает его Штрайт.— Составьте подробнейший список, сам сегодня же поеду к химикам и раздобуду все необходимое.

Он действительно уезжает куда-то после обеда.

Воспользовавшись этим, к концу дня в монтажную заходят Нефедов и Горностаев. Огинский торопливо насыпает в голенища их сапог измельченную в порошок взрывчатку. Горностаев просит дать ему еще и капсули, но Огинский энергично возражает:

— Вы что, тоже в сапоги их сунете? Не понимаете разве, что взлетите на воздух, если только один из капсюлей будет помят? Нет уж, капсюли в другой раз, и то лишь в том случае, когда придумаете более оригинальный способ для их переноски.

— Я могу и как Азаров...— совершенно серьезно предлагает Горностаев.

— Азаров — человек, которому благоволит фортуна,— улыбается Огинский.— Ему все удается, а вы непременно перекусите гильзу капсюля или проглотите ее.

Едва они уходят, как в монтажной появляется капитан Фогт, хотя обычно он редко заходит сюда в конце работы. Снаружи в это время раздается команда унтер-фельдфебеля Крауза «Раус!», призывающая военнопленных выходить из мастерских и строиться для отправки в лагерь.

— А вы задержитесь,— мрачно произносит Фогт, кивая в сторону Огинского.— Я предупредил Крауза, чтобы он отвел команду без вас.

У Огинского начинает тревожно биться сердце. Гауптштурмфюрер смотрит на него долгим, изучающим взглядом.

— Так вы, значит, еврей?— произносит он наконец скорее удивленным, чем возмущенным голосом.

Огинский молчит, с ужасом чувствуя, как лоб его покрывается испариной.

— Хорошую же шуточку вы со мной сыграли,— не дождавшись его ответа, продолжает Фогт. Он говорит теперь с Огинским по-немецки, нормальным человеческим языком, а не тем ломанным, похожим на издевательство над русской речью, каким гауптштурмфюрер изъясняется обычно с пленными.— Мало того, что вы скрыли свою национальность, вы еще втянули меня в эту авантюру с детонацией минных полей. Почему молчите?

А Огинский все еще не произносит ни слова, будто потерял дар речи. Но не от страха. Просто ненависть к этой скотине парализовала вдруг его. Если бы речь шла только о нем, Огинском, лучшим его ответом был бы, конечно, плевок в рожу этому фашисту.

— Почему скрыли свое еврейское происхождение, я вас спрашиваю?— повыщает голос Фогт.— Почему числились по документам русским?

— Потому что мой отец действительно русский,— произносит наконец Огинский, понимая, что не имеет права давать волю своим чувствам. Ведь его судьба тесно связана с судьбою его товарищей.

— А мать? Мать ведь у вас еврейка!

— Да, моя мать еврейка,— спокойно подтверждает Огинский,— но по законам нашей страны сын может считать своей национальностью национальность любого из своих родителей.

— Законы вашей страны не распространяются, однако, на Германию! — уже орет взбешенный гауптштурмфюрер.— А по нашим, немецким, законам вы считались бы

евреем даже в том случае, если бы в вашем роду еврейкой была одна только ваша прабабушка. Вы понимаете теперь, в какое положение ставите меня перед моим начальством? Как я им объясню, что доверился еврею?

— А русским вы разве больше верите?

— Не острите, черт вас побери! — гаркнул Фогт и с осторвенением замахнулся на Огинского, но тут же опустил руку.

Потом, успокоившись немного, продолжал:

— Надеюсь, вы понимаете, что будет с вами, если я отправлю вас в Освенцим? Но я не сделаю этого, а дам вам возможность завершить ваш эксперимент и даже обещаю никому не сообщать о вашей национальности. Я понимаю, у вас есть основание не верить моему обещанию, но пока я могу подкрепить его только тем, что сегодня же удалю из лагеря старшего лейтенанта Сердюка и унтер-фельдфебеля Крауза. И тогда, кроме меня, не останется тут ни одного человека, знающего, что вы еврей. Сердюка я отправлю в Майданек — это все равно что на тот свет. А Крауза — на фронт. Это тоже почти на тот свет. Но вы должны обещать мне, что осуществите свой эксперимент не позже десятого августа.

— Если доктор Штрейт привезет мне все необходимое, я надеюсь добиться успеха к этому числу, — обещает Огинский. — А может быть, даже и раньше!

Поздно вечером Огинский чуть слышно шепчется с Бурсовым, лежа на нарах в лагерном бараке.

— Но откуда же узнал Сердюк, что мать у вас еврейка? — спрашивает его Бурсов.

— Мы ведь с ним земляки, и не только из одного города, но и с одной улицы, так что он мог это знать. А у Сердюка Крауз выпытал это побоями, конечно...

— Ах какой вы добренъкий, Евгений Александрович! — возмущается Бурсов. — Еще и оправдание ему ищете. Если Фогт действительно отправит его в Майданек, в чем я нисколько не сомневаюсь, это будет для него в самый раз.

— А Крауза он тоже отшлет куда-нибудь?

— Непременно. И может быть, действительно на фронт. Я не удивлюсь даже, если с Краузом произойдет «несчастный случай». Он слишком много знает о Фогте, чтобы гауптштурмфюрер не мечтал о таком случае.

...Ночью они просыпаются от глухого взрыва.

— Что такое? — спрашивает Бурсов. — Опять партизаны?

— Едва ли, — отзыается Огинский. — Похоже, что подорвался кто-то на минном поле. Думается мне даже, что это сбылось ваше пророчество.

Утром действительно становится известно, что унтер-фельдфебель Крауз, будучи в нетрезвом состоянии, подорвался ночью на минном поле. Известие это мало кого удивило, ибо все знали, что Крауз любил выпить и частенько перебирал. А подорваться на мине тоже было не мудрено, так как вокруг все тщательно заминировано.

— Туда ему, собаке, и дорога, — облегченно вздохнули военнопленные.

Не особенно горюют о нем и немцы. Немало и им по-портил он крови.

ЕЩЕ ОДИН СЮРПРИЗ АЗАРОВА

Капитан Фогт теперь почти все время торчит то в монтажном отделении минных мастерских, то у минного поля во время его обстрела. В такой обстановке Огинскому и Бурсову стоит большого труда передавать своим помощникам те вещества, которые необходимы для изготовления пластичной взрывчатки. Однако, несмотря на все эти затруднения, Огинский по ночам в укромном уголке барака уже составляет смесь. А утром Азаров незаметно забирает приготовленную им тестообразную массу и надежно прячет в специально сооруженном тайнике. О местонахождении тайника знают, кроме него, лишь Огинский и Бурсов.

А капитан Фогт все подстегивает Огинского и Бурсова. Он говорит теперь с ними только по-немецки, не употребляя больше того ломаного русского языка, которым любил щегольнуть прежде. С лица его все эти дни почти не сходит озабоченное выражение.

Переменился и доктор Штрейт. Кажется, даже еще больше похудел.

— Торопитесь, торопитесь, господа, — то и дело приговаривает он, посматривая почему-то на часы. — До десятого осталось всего четыре дня.

Чтобы хоть немного успокоить его, а особенно Фогта, Огинский решает посоветоваться с Бурсовым.

— Надо бы создать каким-нибудь образом впечатление проблеска в наших экспериментах.

— Я тоже подумываю об этом,— понимающе кивает головой Бурсов.— Есть даже одна идея. С помощью детонирующих шнурков мы выведем капсюли-детонаторы нескольких мин на поверхность минного поля и замаскируем их. При обстреле эти капсюли должны сработать от попадания в них не только осколков, но и комьев земли. Тогда создастся впечатление, что произошла наконец детонация некоторых мин при артиллерийском обстреле.

— Ну что ж, давайте попробуем,— соглашается Огинский.— Займитесь только этим лично.

В тот же день они пробуют осуществить предложенный Бурсовым трюк. И он им удается. После одного из залпов минометной батареи лейтенанта Менцеля взрываются шесть зарытых в землю инженерных мин.

Капитан Фогт в восторге. Он одобрительно хлопает Огинского по плечу и снова переходит на русский язык:

— О, вы, я вижу, есть настоящий русский молодчина! Этот первый удача должен вас окрылить... Примите мой горячий поздравлений!

А лейтенант Азаров в это время получает задание от унтер-шарфюрера Шварценбаха, заменившего Крауза, отремонтировать лагерные помещения. И в первую очередь лагерные ворота, сложенные из грубо отесанных камней, скрепленных бетоном. Они представляют собой две колонны, перекрытые в верхней части рельсами, на которых находится пулеметная площадка с навесом. У основания этой площадки к одному из рельсов прикреплен проволокой чугунный орел с широко распростертыми крыльями и черной свастикой в когтях.

С наружной стороны в колоннах ворот выкрошился цемент, образовав пустоты между неплотно прилегающими друг к другу камнями. Новый помощник коменданта лагеря возмущенно тычет в них пальцем:

— Безобразие! Этот Крауз только пьянствовал и совсем не следил за порядком. Немедленно все замазать!

— Слушаюсь, господин унтер-офицер. Все будет сделано! Сам займусь этим,— заверяет его Азаров.

В его распоряжении находятся трое дневальных, но он поручает им лишь приготовить цементный раствор. По-

том сам тщательно перемешивает его и с помощью двух старших лейтенантов подтаскивает к воротам лагеря.

— Ну все. Теперь я сам, — говорит он своим помощникам и отправляет их на другую работу.

А вечером, когда майор Огинский и подполковник Бурсов возвращаются в лагерь, он выбирает удобный момент и взволнованно докладывает Бурсову:

— В ваше отсутствие, товарищ подполковник, я отремонтировал ворота...

— Да уж я обратил внимание, как здорово подновили вы фасад нашей тюрьмы, — усмехается Бурсов, недоумевая, однако, зачем понадобилось Азарову докладывать об этом, да еще с таким волнением.

— Старался изо всех сил! — самодовольно улыбается Азаров, с трудом переводя дух. — И между прочим, товарищ подполковник, я в ту дыру, что была в левой колонне ворот, замуровал пластичную взрывчатку. Она у меня заранее в ящике под раствором цемента была припасена. Нельзя же упустить такой случай...

Теперь только понимает наконец Бурсов причину волнения Азарова. Случай действительно был редчайший, и лейтенант не упустил возможности им воспользоваться.

— А как же мы теперь капсюли к ней прикрепим? — озабоченно спрашивает подполковник.

— А их и не надо... Все уже там!

— То есть как это там?

— Я ведь туда и взрыватель замедленного действия замуровал.

— Какой взрыватель? — возбужденно хватает Азарова за руку Бурсов.

— Немецкий, «Федер-504». Тот, что заводится на двадцать одни сутки.

— И завели?..

— Ну конечно! Потом ведь нельзя уже будет.

У Бурсова начинает кружиться голова. Кажется даже, что он не так понял лейтенанта. Получается ведь, что механизм взрывателя уже работает, и взрыв теперь произойдет не в наиболее подходящее для них время, а лишь в зависимости от того, с каким делением установочного диска совмещен штифтик взрывателя. Подполковник Бурсов так потрясен всем этим, что не знает даже, что еще спросить у опрометчивого лейтенанта.

— Я знаю, вы меня порицаете,— тяжело дыша, продолжает Азаров.— Но ведь другого такого случая не представилось бы. А взрыватель я заранее припрятал в бурье у ворот. Капсюль тоже был в него ввернут.

— Ах, Азаров, Азаров!..— только и может выговорить подполковник Бурсов.

— Но ведь я не наобум. Я рассчитал...

— Ну что... что вы могли рассчитать? — уже раздраженно спрашивает Бурсов.— Кто вообще мог что-нибудь рассчитать? Известно разве кому-нибудь из нас, когда именно сложатся наиболее выгодные обстоятельства для осуществления наших зыマаслов?..

— Так ведь некогда больше выжидать. Всего четыре дня осталось. Я и установил взрыватель на час ночи с девятого на десятое августа. За это время либо мы успеть, либо...

— Ну ладно, что сделано, то сделано,— взяв наконец себя в руки, спокойно говорит Бурсов.— Идите к себе, а мы обсудим, как теперь быть.

Ночью Бурсов сообщает об этом Огинскому и Нефедову.

— А знаете,— взволнованно запептал майор Нефедов,— молодец этот Азаров! Теперь конец всем нашим сомнениям и раздумьям. Срок нашего побега уже назначен. Его отмеряет часовой механизм замурованного Азаровым взрывателя. Нужно, значит, во что бы то ни стало успеть к этому сроку. В противном случае... Да вы и сами знаете, что будет в противном случае.

— Ну, тогда решено! В соответствии с этим сроком все теперь должно быть продумано и рассчитано до мельчайших деталей.

— Точность хода этого взрывателя плюс-минус один час,— уточняет Нефедов.— Он сработает, значит, в промежутке между двенадцатью и двумя часами ночи. В запасе у нас еще трое суток. Думаю, этого должно хватить.

ОПЯТЬ ЭТОТ ОТЧАЯННЫЙ АЗАРОВ!..

Утром, едва только Бурсов открыл глаза, Нефедов сразу же наклонился к нему и запептал возбужденно:

— А комендант наш, видно, не очень разбирается в людях. Нашел кого старостой спецлагеря назначить! Просто не перестаю восхищаться этим парнем! Как он в та-

кие минуты мог все предусмотреть? Ведь у ворот стоял эсэсовец и времени для размышлений было не так уж много. Ну, засунуть в дыру пластичную взрывчатку — еще куда ни шло. А взрыватель? Он хоть и небольшой, но все равно мог броситься в глаза. А потом, нужно же еще рассчитать его замедление и точно совместить все диски и штифтики.

Похоже, что Нефедов и не спал вовсе всю эту ночь, размышляя над храбростью лейтенанта Азарова.

— А я боюсь, что второпях он мог и не очень точно... — с тревогой замечает Бурсов.

Но Нефедов поспешно перебил его:

— Нет, нет, этого вы не бойтесь! Голова у него работает с потрясающей трезвостью. Знаете, что он еще предусмотрел: день рождения Фогта!

— А при чем же тут день рождения? — не понимает Бурсов.

— Как — при чем? Праздновать его будет капитан Фогт. Это мы, точно знаем. В прошлом году было уже такое торжество по случаю дня его рождения. А раз будут праздновать — значит, перепьются. И не только офицеры, но и эсэсовская охрана. В прошлый раз спьяну чуть не перестрелялись даже.

— День рождения Фогта девятого, значит? — уточняет Бурсов.

— В том-то и дело!

...После утренней поверки Азаров подходит к Бурсову и сообщает шепотом:

— Вот еще что хочу я сделать, товарищ подполковник: казармы эсэсовцев заминировать. Они в том доме, где и комендатура. А на втором этаже квартиры офицерского состава и самого Фогта. Жмутся, гады, поближе друг к другу...

— А как же вы осуществите это? — спрашивает Бурсов, теперь уже веря, что для Азарова нет ничего невозможного.

— После ремонта лагерных ворот унтер Шварценбах приказал мне еще и здание комендатуры отремонтировать. Бетон наружной части его фундамента изрядно выкрошился. В нем зияют такие же дыры, какие были в колоннах ворот. Если Шварценбах не раздумает, то сразу же после завтрака я займусь этим ремонтом.

— Да, это более чем счастливый случай,— вздыхает Бурсов.— Но там придется вам действовать на глазах почти всей эсэсовской банды. Удастся ли?..

— Удастся,— убежденно заявляет Азаров.— Трудность тут в другом: у меня нет под руками взрывателя замедленного действия.

— А как же быть?

— Надо как-нибудь подбросить его мне.

— Легко сказать — подбросить! Надо же достать его сначала.

— Доставать не надо. Он давно уже у меня припрятан. Старший лейтенант Лукошко знает где. Главное сейчас — как доставить его ко мне из минных мастерских.

— А Лукошко работает в мастерских?

— Да, на производстве самодельных мин.

— Ну ладно, придумаем что-нибудь, только бы вас поставили на этот ремонт.

И Азарова действительно ставят на этот ремонт. Он берется за дело с большим усердием. Удастся даже похвалы унтер-шарфюрера Шварценбаха. Заложить пластичную взрывчатку в центральной части фундамента комендатуры не составляет для него большого труда. Теперь только бы получить взрыватель. Работы у него и трех его помощников хватит до вечера, может быть, подполковнику Бурсову удастся за это время прислать к нему кого-нибудь.

Время между тем все идет, а взрывателя никто не приносит. Это совсем нелегко, конечно. Нужен ведь повод, чтобы прийти сюда кому-нибудь из военнопленных. Передать взрыватель на глазах эсэсовцев, слоняющихся тут без дела, будет тоже не так-то просто. И все-таки Азаров не теряет надежды.

Но вот и время обеда. В лагерь придется идти или принесут что-нибудь сюда?

— Обедать будете здесь,— сообщает Шварценбах. — И чтобы к вечеру ремонт был закончен.

— Можете не сомневаться,— бодро обещает Азаров.— Сегодня обязательно кончим.

В час дня у входа на территорию комендатуры показывается капитан Азбукин с двумя котелками. Его останавливает часовой. Снимает крышку с одного из котелков,

и похоже, что собирается сунуть в него свою грязную пятерню.

«До чего дошли, сволочи! — возмущенно думает Азаров.— Даже суп готовы процеживать сквозь пальцы...»

Котелок, однако, оказывается очень горячим, и часовой поспешно отдергивает руку. Столпившиеся возле него эсэсовцы оглушительно хохочут — рады случайному развлечению. Улыбается и капитан Азбукин, хотя лицо его кажется Азарову очень бледным.

Часовой отбирает у капитана котелки и строго кричит:
— Проваливай!

Потом он оборачивается к Азарову:

— Эй, забирай свой жратва!

Азаров поспешно хватает котелки, досадуя, что не удалось принять их от самого Азбукина. Может быть, он успел бы передать ему и еще что-нибудь... Возле лейтенанта собираются его помощники — два старших лейтенанта и капитан. Ложки у них всегда с собой в голенищах сапог.

Эсэсовцы тоже расходятся на обед.

Обжигая руки, капитан приподнимает крышки котелков. В одном чечевичная похлебка, в другом перловая каша. Азаров достает свою ложку и первым окунает ее в судок с похлебкой.

Но что такое?.. Что это там на дне?.. Неужели мясо?

И тут он соображает, в чем дело, и испуганно осматривается по сторонам. Никого из эсэсовцев поблизости не видно. Часовой тоже скрылся за домом. Азаров подает знаки помощникам, чтобы они заслонили его спинами.

Извлекает из котелка две подрывные толовые шашки. А где же взрыватель? Во втором котелке? Ну да, конечно, он здесь! Аккуратно обернут в пергаментную бумагу. Тут же несколько капсюлей-детонаторов — для толовых шашек, наверно.

Помощники Азарова внимательно смотрят по сторонам, а лейтенант, вглядываясь в смотровое окно взрывателя, поспешно читает цифры на установочных дисках. Подполковник Бурсов все рассчитал, значит, и установил их на нужный срок. Капсюль-детонатор тоже уже вставлен в гнездо капсюля-держателя. Теперь дело за Азаровым...

Но тут капитан делает ему знак — видимо, появился кто-то из эсэсовцев.

Быстро все по карманам! И надо есть.

Но вот один из эсэсовцев идет в их сторону, надо, значит, приниматься поскорее за похлебку, а то ему подозрительным покажется: военнопленные ведь голодные — и вдруг не едят!

Офицеры окунают ложки в котелок и не без страха подносят их ко рту. Ужасная горечь (это от крошек тола, наверно), а надо делать вид, что очень вкусно. Есть действительно чертовски хочется. И они съедают все до капли — будь что будет! С кашей проще: она не такая горькая, как похлебка.

НАКАНУНЕ ПОБЕГА

Оперативную группу по подготовке к побегу возглавлял подполковник Бурсов. Кроме него в группе еще Нефедов. Горностаев, Зотов и Азаров. Хотели включить и майора Огинского, но он отказался.

— Какой я организатор, Иван Васильевич? И так буду делать все, что нужно...

Бурсов не настаивал.

Роли теперь распределяются следующим образом: Нефедов и Зотов подробно разрабатывают все, что придется делать в день побега и особенно в момент атаки ворот. Горностаев отвечает за заготовку продуктов питания. Его же обязанность — добыча оружия. Из полотен стальных ножовок давно уже налажено производство ножей. Теперь нужно увеличить и ускорить эту работу.

Отличный механик, старший лейтенант Лукопко тайком починил валявшийся в мастерской ни на что не годный парабеллум. На его ответственности теперь и подготовка коротких зажигательных трубок. Их капсули будут вставлять в мешочки с пластичной взрывчаткой. Чиркнув затем спичечной коробкой о головку спички у среза бикфордова шнура, можно будет бросать их, как ручные гранаты.

На Азарове лежит обязанность готовить к побегу младших офицеров.

— Вполне ли вы уверены в своем блоке? — с тревогой спрашивает его Бурсов.

— Еще не так давно не был уверен,— откровенно признается Азаров.— Хотел даже заминировать весь свой барак. А потом, в час побега, объявил бы им: «Или вы сейчас же, без размышлений, бежите вместе со мной, или взлетите все к чертовой матери!» Рука моя не дрогнула бы сделать это. Но за последнее время я очень внимательно стал присматриваться к людям из моего блока, и теперь у меня нет больше никаких сомнений — они нас не подведут. С этими людьми можно на любой штурм.

Маршрут побега оперативная группа вырабатывает сообща. Несмотря на то что самое близкое расстояние до леса лежит через станцию, принимается решение бежать в противоположную сторону. Правда, в том направлении нужно делать проходы в минных полях и до леса гораздо дальше, но зато местность там пересеченная, с овражками и кустарником. (Все это Азаров тщательно высмотрел с барачного чердака.) А путь через железную дорогу опасен еще и тем, что взрывы в лагере вскрошат гарнизон станции. Оттуда могут даже выслать кого-нибудь на помощь Фогту, как только поймут, в чем дело.

Нефедов тщательно изучает выбранный маршрут и готовит людей для разминирования его. Они должны будут первыми броситься за ворота, сразу после взрыва.

И еще одна проблема требует решения: нужно убрать второго пулеметчика на той вышке, что в противоположном конце лагеря. Его ставят на пост только ночью, а днем всю территорию хорошо просматривает пулеметчик над входными воротами.

Азаров предлагает заминировать и эту вышку, но Бурсов не разрешает пока осуществлять его план, надеется придумать менее рискованный способ. Минировать заднюю вышку придется ведь на глазах у часовых, стоящих у ворот. Они дежурят по двое: один в проходе, другой вверху, у пулемета.

...Буквально за день до побега в лагерь прибыл агитатор власовской армии — Бубенцов. Здоровенный детина лет сорока. Шварценбах выгоняет всех военнопленных на апельплац и собирается выстроить, но власовец небрежно машет ему рукой:

— Не надо, господинunter-officer. Мы поговорим в более непринужденной обстановке.— И, приветливо улы-

баясь, обращается к пленным:— Давайте-ка сядем тут, прямо на травке. Будет нечто вроде пикника.

Офицеры переминаются с ноги на ногу, не зная, как быть.

— А чего бы и не последовать хорошему совету? — озорно выкрикивает вдруг Азаров.— Садитесь, товарищи! Только вот сюда, поближе к забору, чтобы действительно на травку, а то ведь в центре все вытоптано до цементной плотности. А господину Бубенцову я сейчас табуретку принесу.

Азаров торопливо убегает в барак и выносит оттуда табуретку. Все уже сидят на траве, почти у самого забора, под задней пулеметной вышкой.

— Прощу вас, господин Бубенцов,— опускает Азаров табуретку перед власовцем.

Власовец благодарит его и садится.

— Ну что ж, товарищи,— начинает он свою беседу, — давайте потолкуем по душам. Я вовсе не оговорился, назвав вас товарищами. Это не в большевистском смысле, конечно, а в смысле нашего товарищества по роду оружия. Я ведь тоже сапер. Командую инженерным батальоном у генерала Власова. Рад был бы видеть вас офицерами в моих подразделениях. Меня совершенно не интересует ваше прошлое. От вас требуется обязательное соблюдение лишь двух условий: абсолютной лояльности к германским властям и верной службы генералу Власову.

Уже привыкший к не очень дружелюбному приему в лагерях военнопленных, власовец, к своему удивлению, не видит тут враждебных глаз. Напротив — пленные офицеры смотрят на него с явным любопытством и даже, кажется, доброжелательно. Это ободряет его, и он продолжает:

— Я мог бы, как это делают другие агитаторы, нарисовать вам бедственное положение Красной Армии, но я не буду прибегать к этим дешевым приемам. Я не политик, а солдат и потому считаю своим долгом честно сообщить вам, что обстановка на фронтах временно сложилась не в пользу Германии. Немцам пришлось оставить Орел и Белгород, но зато слишком ломаная линия фронта теперь выровнена и сокращена. А это дает возможность германскому командованию начать планирование нового грандиозного наступления, в котором и вы имели бы возможность принять участие. Могу сообщить вам также, что в этом

наступлении против большевистской армии будет использована совершенно новая техника.

Замолчав и оглянувшись по сторонам, будто опасаясь, что его может кто-нибудь подслушать, он произносит доверительным шепотом.

— Урановые бомбы! Вы инженерные офицеры и должны знать, что это такое. Это то, в сравнении с чем даже тонны гексогена, тротила и тэна — один лишь жалкий пшик. И это главное, что должно побудить вас принять решение, а вовсе не обещание сытного питания в частях власовской армии, что, кстати, тоже немаловажно. Ну-с, так как?

Все угрюмо молчат. Видимо, сообщение о новом оружии произвело на них впечатление.

И вдруг раздается звонкий голос того самого лейтенанта, который так любезно принес власовцу табуретку:

— Эх, была не была! Записывайте меня, господин Бубенцов! Но не думайте, что меня урановая бомба испугала, просто надоела бурда, которой нас тут кормят.

— Ну, если Азаров записался, — крикнул еще кто-то, — то и меня тогда пишите!

Третьим подает голос майор Нефедов. Он встает, подходит к власовцу поближе и степенно произносит:

— Эти молодые люди слишком легкомысленны, ибо, видимо, плохо себе представляют, что такое урановая бомба. А я-то знаю, что это такое! И не сомневаюсь, что ее уже создали такие великие немецкие ученые, как Альберт Эйнштейн и Макс Борн. Больше ведь некому... Ну, в общем, для меня именно этим обстоятельством, а не сытной жратвой вопрос окончательно решен. Записывайте и меня в армию генерал-лейтенанта Власова.

Вслед за ними записываются еще трое. Очень довольный власовец обещает прислать за ними не позже чем через неделю своих уполномоченных и уезжает.

А вечером на нарах Бурсов спрашивает Нефедова:

— Не переборщили ли мы? Сразу столько записалось?!

— Не думаю, — отвечает Нефедов. — Зато это должно успокоить наше лагерное начальство.. Раз столько людей в армию Власова записалось — им трудно будет допустить даже мысль, что мы готовим коллективный побег.

— А насчет Эйнштейна и Борна, которые давно уже бежали из Германии в Америку, вы ехидно сказали, — ус-

мехнулся Бурсов.— Я, правда, боялся, что он знает об их бегстве и поймет вашу издевку.

— Знать-то эта скотина, может быть, и знает, но полагает, наверно, что мы этого не знаем.

Затем Бурсов спросил:

— А Азаров вам ничего не докладывал?

— Нет, а что?

— Он действительно молодец! Пока мы этого власовца дурачили — подложил под стойки тыловой пулеметной вышки взрывчатку. Там высокая трава, к тому же он ножом подрезал землю и сунул заряд под дерн.

— А каким же способом мы его взорвем?

— При помощи упрощенного взрывателя. К чеке его уже подвязана бечевка. Азаров ее в траве замаскировал. Как только стемнеет, он подтянет ее к самому бараку.

...На утренней поверке присутствует сегодня сам комендант — капитан Фогт.

— Я есть очень рад за вас, господа,— торжественно произносит он перед их идеально выровненным строем.— Господин Бубенцов все мне рассказал. Конечно, мне вас очень жалко отпускает. Вы есть хороший специалисты. Особенно мне жалостно расставаться с господин Азаров. Он есть очень храбрый человек и хороший старшина. Я такой больше не буду иметь. И это есть мой очень большой печаль. А теперь надо все дружно на работа!

— Надо, пожалуй, сделать ему подарок,— шепчет Бурсов Огинскому по дороге к минной мастерской.— У него ведь сегодня день рождения.

— Что вы имеете в виду под подарком?

— Порадуем его взрывом сразу десяти мин. Это окончательно успокоит его и вдохновит на лишний тост во время вечернего пиршества.

ВСЕ ЛЕТИТ К ЧЕРТУ!..

Вот и вечер девятого августа сорок третьего года.

Старшина лагеря Азаров, как обычно, проводит вечернюю поверку в присутствии унтер-шарфюрера Шварценбаха. Для всех она, однако, полна особого значения. Это ведь их последняя поверка в спецлагере гауптштурмфюрера Фогта. Удастся побег или не удастся, но отступить от своего замысла они уже не могут. Часовые механизмы взрывателей, замурованные лейтенантом Азаровым, уже

отсчитывают последние сто восемьдесят минут до того мгновения, когда сработают их боевые пружины и пошлют ударники в капсюли-детонаторы.

Все ждут теперь команды «Разойдись!». Но прежде чем она раздается, унтер-шарфюрер Шварценбах произносит:

— Подполковник Бурсов и майор Огинский, выйдите из строя! Вы пойдете со мной к капитану Фогту. Остальные могут разойтись.

— Разойдись! — зычно командует Азаров.

Бурсов незаметно подходит к майору Нефедову и взволнованно шепчет:

— Вы остаетесь за меня. Что бы с нами не произошло — все должно быть осуществлено строго по задуманному плану.

Их сразу же уводит Шварценбах, а остальные офицеры разбрдаются по блокам. Нефедов лишь на несколько мгновений задерживается возле Азарова.

— Я остаюсь за Бурсова, — шепчет он. — Всем быть наготове. Вторую вышку взрывайте сразу же, как только взорвется первая, не ожидая никаких приказаний. Остальное в соответствии с выработанным планом. Познакомьте с ним свой блок.

И он уходит к себе, оставив Азарова с беспокойными мыслями о судьбе Бурсова и Огинского.

В блоке старших офицеров его сразу же обступают тесным кольцом. Сыплются тревожные вопросы:

— Зачем это их?.. Что могло случиться?.. Не догадались ли о нашем замысле?..

— Не думаю, чтобы могло быть что-нибудь серьезное, — успокаивает их Нефедов, хотя и у самого тревожно бьется сердце. — Во всяком случае, не похоже, чтобы догадались. Тогда бы всех нас... Но что бы там ни случилось с ними, помочь им мы, к сожалению, не можем, а замысел наш будем осуществлять строго по плану, который я вам сейчас сообщу. Таков приказ подполковника Бурсова.

...Уже одиннадцать, а о Бурсове и Огинском все еще ничего не известно. В блоке старших офицеров никто не только не спит, но и не ложится на нары. Нервы у всех напряжены до предела. Нефедов почти не отходит от двери и смотрит сквозь щель на освещенный луной лагерь.

— Черт бы побрал эту луну! Как будто нам прожекторов мало...

А прожектора, установленные по углам забора и освещающие лишь его проволоку с частым пунктиром нанизанных на нее колючек, превращают лагерную территорию в огромный ринг. Он пуст пока, но скоро произойдет на нем такой бой, от которого содрогнутся и земля и небо...

Входные ворота хотя и не освещены прожекторами, но в лунном свете Нефедов хорошо видит пулеметную площадку над ними, шагающего по ней часового в тупорогой каске и задранное в небо длинное рыльце пулемета на высокой раскоряченной треноге. Второй часовой ходит внизу, с наружной стороны, и его сутоловатый силуэт лишь изредка появляется в просвете ворот, зарешеченных колючей проволокой.

Через каждые полчаса Нефедов переговаривается с Азаровым условным стуком в стенку, за которой находится блок младших офицеров. У них по-прежнему все в порядке. Они тоже готовы и ждут лишь взрыва входных ворот, чтобы немедленно действовать.

«А что, если взрыва не будет?.. — не покидает Нефедова тревожная мысль. — Что, если взорвется только эсэсовская комендатура, а взрыватель в воротах откажет?.. Нет, не должно этого быть! Ну, а если?.. Нужно же быть готовым и к этому. Эх, был бы тут сейчас подполковник Бурсов!..»

Но его нет, и все надо решать самому. И Нефедов решает: если спустя несколько минут после взрыва комендатуры лагерные ворота не взлетят на воздух, он подает команду Азарову — взрывать заднюю пулеметную площадку. А Нефедов с офицерами своего блока пусть сразу же атакует входные ворота.

Приняв такое решение, он сообщает его остальным офицерам и азбукой Морзе выстукивает приказ Азарову.

Но что же все-таки с Бурсовым и Огинским? Скорее всего, они приглашены на день рождения Фогта. Видно, он хочет задобрить их, чтобы завтра они не подвели его при обстреле минного поля в присутствии штандартенфюрера. Но ведь в таком случае они в офицерском помещении над комендатурой, которая вот-вот должна взлететь на воздух?

Нефедов торопливо вытирает пот, мгновенно выступивший на лбу. Времени уже без четверти двенадцать, нужно, значит, ожидать взрыва с минуты на минуту...

А Бурсов с Огинским в это время действительно сидят с эсэсовскими офицерами за столом, но не в их клубе над комендатурой, а во дворе, под акациями, — вечер ведь нестерпимо душный и пировать в закрытом помещении просто немыслимо. Гости капитана уже изрядно захмелели, и это дает возможность Бурсову и Огинскому незаметно наливать в свои рюмки вместо коньяка фруктовую воду.

У капитана сегодня кроме его сослуживцев еще один гость — штурмбанфюрер из той танковой дивизии, в которой и сам Фогт служил когда-то. На рукаве его мундира нашивка «SS Division «Totenkopf». Он прямо с фронта. Заехал к старому приятелю по пути в отпуск. Сначала хвастался своими ратными подвигами, а потом как-то вдруг скис и пьет теперь молча, с очень злым выражением лица.

Но и Бурсову с Огинским не веселее. И не столько потому, что приходится сидеть с эсэсовцами, а потому, что сидят эти эсэсовцы под акациями, метрах в ста от комендатуры, а не в клубе над комендатурой, которая должна скоро взлететь на воздух.

Пора, однако, уходить отсюда.

Бурсов уже дважды просил Фогта отпустить их — завтра ведь ответственный день, но захмелевший капитан лишь легкомысленно машет рукой:

— Я верю в завтрашний день! И никого не боюсь... Давайте выпьем за наш завтрашний успех, господа! Мы скоро дадим нашему фюреру могучее оружие против русских минных полей, на которых танковый батальон моего друга потерял так много машин...

Но тут захмелевший друг Фогта вскакивает вдруг и изо всех сил грохает кулаком по столу:

— Какое еще оружие, черт побери? Против каких полей? Нас гонят по всему фронту... Русские захватили вчера Богодухов и прорвали нашу оборону на всю оперативную глубину... Наша белгородско-харьковская группировка рассечена на две части. Мой батальон потерял почти все танки, и я не в отпуске еду, черт все побери, а на переформирование! И думать нам надо не над уничтожением русских минных полей, а над усилением своих собственных. Теперь пойдет уже не та война — будем главным образом драпать! А вы готовьтесь сматываться отсюда. Фронт уже близок!..

Он говорит, вернее, выкрикивает еще что-то, но Фогт поспешно выводит Бурсова с Огинским из-за стола и подзывает дежурного эсэсовца:

— Отведи их в лагерь! Им надо хорошенько выспаться к завтрашнему дню. Спокойной ночи, господа! Надеюсь, вы не подведете меня завтра?

А время бежит — уже около двенадцати. Скорее бы вел их этот эсэсовец в лагерь, но он не торопится. Вызывает еще кого-то и посыпает вперед, а сам идет сзади. Движутся они не спеша, а время бежит!..

Но вот наконец и лагерь. В нем все спокойно. Старший эсэсовец сдает их часовому у ворот, и тот разрешает идти в свой блок.

Их появление в блоке вызывает громкий вздох облегчения. И почти тотчас же раздается глухой, раскатистый грохот. Все вздрагивают и устремляются к двери.

— Спокойно, товарищи, — останавливает их Бурсов. — Это всего лишь гром. И это очень хорошо. Теперь бы еще хорошего дождя! Он загнал бы пирующих эсэсовцев в их клуб над комендатурой.

И он торопливо рассказал товарищам все, что произошло с ними у капитана Фогта. А гром гремит теперь все чаще и яростней. Луны уже не видно.

— Сколько же времени? — спрашивает Бурсов.

У Нефедова часы со светящимся циферблатом. (Ему чудом удалось уберечь их от эсэсовцев.) Часовая стрелка перевалила уже за двенадцать, минутная стоит на цифре «три» — значит, четверть первого.

И тут на черепичную крышу барака сразу обрушивается ливень, будто кто-то открыл клапан гигантской цистерны. Грохот теперь такой, что офицеры сомневаются, услышат ли они взрыв...

Но взрыв гремит вскоре хоть и далеко, но так мощно, что в бараке начинают вибрировать не только стекла, но и стены. Это ненавистная эсэсовская комендатура взлетела наконец ко всем чертям!

Перепуганные часовые сразу же открывают беспорядочную стрельбу. Несколько пуль дробят черепицу баражной крыши.

— Будем действовать? — кричит Нефедов в самое ухо Бурсову.

— Подавайте сигнал Азарову!

Нефедов стучит чем-то тяжелым в перегородку между блоками барака. И почти тотчас же раздается взрыв под пулеметной вышкой позади барака. Он разрывает и кабель, подающий энергию прожекторам. Все сразу же погружается в непроглядную тьму.

По команде Бурсова старшие офицеры распахивают дверь своего блока и стремительно бегут к воротам лагеря. Над их головами летят трассирующие пули, но в шуме ливня выстрелов не слышно, виден только пронизывающий лавину дождя огненный пунктир. А когда до ворот остается всего пять метров, атакующих ослепляет пламя взрыва.

Это наконец сработала мина замедленного действия, которую установил Азаров во входных воротах.

— Добить часовых, если еще живы! — командует Бурсов.

Тем временем к ним подбегает команда Азарова. Лейтенант сообщает:

— Захвачен ручной пулемет и автомат!
— Кто должен разминировать проходы?
— Отделение капитана Азбукина, — докладывает майор Нефедов, отвечающий за маршрут побега.

— Быстро разберитесь по группам! — приказывает подполковник.

Все офицеры уже заранее разбиты на четыре группы. Во главе их стоят майоры. Они быстро разбирают своих людей и ведут к проходам в минных полях.

— А где же Азаров? — спрашивает Бурсов.
— Азаров и еще двое из нашего отряда побежали к мастерским, — докладывает капитан Зотов.

«Ах, Азаров, Азаров!.. — вздыхает подполковник. — Опять что-то придумал...»

А в стороне эсэсовской комендатуры сквозь густую пелену дождя мутно полыхает пламя пожара. Слышатся глухие беспорядочные выстрелы, заглушаемые раскатами грома.

У разминированного прохода их встречает капитан Азбукин.

— Часть мин уже снята, — докладывает он. — По одному можно идти. Потом этими же минами мы снова закроем проход.

— Разобраться по одному! — командует Бурсов и приказывает капитану Азбукину: — Обязательно дождитесь Азарова.

Идут почти в сплошной темноте, держась друг за друга. Ноги скользят по мокрой траве, проваливаются в лунки от снятых мин. Вспышки молний изредка озаряют стоящих вдоль проделанного прохода офицеров, снимавших мины.

Преодолев минное поле, Бурсов с Нефедовым пересчитывают людей и направляют их в лощину. Появляется на конец и Азаров с двумя старшими лейтенантами.

— Примите трофеи, товарищ подполковник! — докладывает он Бурсову, с трудом переводя дыхание. — Десять гранат, тридцать толовых шашек с капсюлями-детонаторами, бикфордов и детонирующий шнуры, взрыватели и еще кое-какая мелочь. Мы все это припрятали еще днем. А вот вам и компас.

Надо бы отчитать лейтенанта за самовольство, но подполковник лишь крепко жмет ему руку.

Спустя несколько минут весь отряд Бурсова собирается в овраге. Подполковник разрешает пятиминутный отдых, чтобы распределить оружие, гранаты, взрывчатку и перевязать тех, кто получил ранение при взрыве лагерных ворот.

Потом он ориентируется по компасу и, впервые вздохнув всей грудью, весело подает команду:

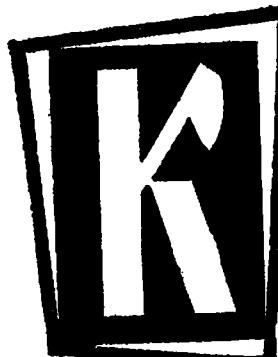
— Вперед!

Чтобы выйти к лесу, им предстоит преодолеть до рассвета не менее пятнадцати километров. И они идут под проливным дождем, почти не чувствуя усталости, счастливые, что не просто тайком бежали из плена, а вырвались из него с боем, использовав для этого всю грозную силу взрывных средств своего военно-инженерного искусства.

1965

ПОДСТУПЫ К „НЕПРИСТУПНОМУ“

ПЛАН МАЙОРА ВЕЙЦЗЕККЕРА



омандующий охранными войсками группы немецких армий «Центр» очень занят, конечно. С тех пор как началась эта «рельсовая война» советских партизан, он не знает ни дня покоя. Еще бы! Майор Вейцзеккер хорошо помнит, как в ночь на третью августа 1943 года они обрушились сразу чуть ли не на все линии прифронтовых и тыловых железных дорог. Только в одну эту ночь от их взрывчатки вышло из строя около сорока тысяч рельсов!

Первое время никто вообще не понимал, что это такое. Казалось, что партизаны применили какую-то адскую машину для разрушения железнодорожного полотна. Охранные части начальника тылового района группы армий «Центр» были в состоянии, близком к панике.

Лучше бы об этом и не вспоминать, но, судя по всему, кажется, это только начало. Такой успех советских партизан не может не вдохновить их на новые, может быть, еще более дерзкие операции. Командующий охранными войсками, конечно, понимает это. В противном случае решился бы он разве послать запрос о выделении дополнительных сил для борьбы с партизанами, хорошо зная, какова обстановка на фронте?

На ремонт разрушений, причиненных партизанами, он уже бросил почти все свои железнодорожные строительные батальоны, рабочие команды и даже войсковые части. А для замены исковерканных рельсов пришлось снять запасные пути станций и разъездов, разобрать некоторые ветки, на многих двухпутных участках ликвидировать вторую колею, превратив эти дороги в однопутные. Но так

как и этого оказывается недостаточно, приходится привозить рельсы из Польши и даже из самой Германии.

Мало того, по личному указанию Гитлера командующий вооруженными силами Германии на Западе фельдмаршал Рундштедт потребовал от главы правительства оккупированной Франции снять рельсы со вторых путей ряда французских железных дорог и отправить их на Восток.

Да, не позавидуешь командующим охранными войсками, которые являются также начальниками тыловых районов армий «Центр» и «Юг». Не хотел бы оказаться на их месте майор Вейцеккер, даже если бы ему присвоили высокое звание генерала пехоты, как, например, у командующего охранными войсками группы армий «Центр». Что он там делает сейчас за обитыми войлоком и кожей дверями своего кабинета? Почему так долго держит майора в своей приемной?

«Вот если бы от меня зависело увеличение численности его охранных войск, — угрюмо думает майор Вейцеккер, — он принял бы меня немедленно. Хотя куда уж больше! Его охранные посты и так расположены в одном-двух километрах друг от друга, а на некоторых участках на расстоянии всего двухсот — трехсот метров...»

Не во власти майора Вейцеккера, однако, увеличение гарнизонов охранных войск. В его обязанности входит все-го лишь борьба с саботажем местного населения, принудительно привлеченного для ремонта железнодорожных путей.

Но вот открываются наконец массивные двери генеральского кабинета.

— Прощу! — небрежно кивнул Вейцеккеру щеголеватый адъютант командующего.

— Ну, майор, — не глядя на Вейцеккера, хмуро произносит генерал, — чем порадуете меня? Опять сбежали местные рабочие со строительства железнодорожного моста? Или, может быть, снова загорелся какой-нибудь из лесопильных заводов по изготовлению железнодорожных шпал?

— На этой неделе, слава богу, все пока спокойно, господин генерал...

— И вы ко мне за тем только, чтобы порадовать отсутствием подобных происшествий?

— Нет, не за этим, господин генерал. Я к вам с проектом диверсий в тылу противника.

Генерал посмотрел на Вейцзеккера с таким видом, будто тот вдруг спятил.

— Диверсий в тылу русских? А вам разве не известно, что этим ведают другие службы? Подумали бы лучше, как бороться с диверсиями русских партизан в нашем тылу.

— Это само собой, господин генерал. А что касается других служб, занимающихся организаций диверсий в тылу у русских, то вы и сами знаете, каков их эффект.

— А все потому, что ни на одного русского нельзя положиться! — раздраженно восклицает генерал. — Я от подобных затей давно бы уже отказался.

— Напрасно, господин генерал, — осторожно возражает ему Вейцзеккер. — Надо бы только все это совсем по-другому. Диверсантов посыпают ведь без должного отбора...

— А это тоже не наша с вами забота, — снова перебивает Вейцзеккера командующий охранными войсками. — Этим занимаются органы СС. А они в проверке благонадежности смысят больше нас с вами.

— Не осмелюсь возражать вам, господин генерал. У них бесспорно большой опыт по этой части. Однако мои личные наблюдения привели меня к выводу, что расчеты их не всегда оправдываются. Ставка же на добровольцев из военнопленных, по-моему, вообще порочна. Эти «добровольцы» лишь ищут способа снова вернуться к своим, несмотря на всю нашу пропаганду об ожидающей их расплате...

— А вы, значит, нашли иной способ заставить их честно служить нам? — иронически усмехается генерал.

— Как вы знаете, господин генерал, я не один год провел в свое время в России, выполняя там задание агента, — с достоинством замечает майор Вейцзеккер. — И если бы не состояние здоровья, я бы и по сей день работал в нашей разведке. Меня там...

— Ну хорошо, хорошо, — соглашается генерал. — Я все не хотел вас обидеть. У вас есть какой-нибудь план?

— Да, есть конкретный план действий, господин генерал, — твердо заявляет Вейцзеккер и достает из своей полевой сумки несколько листов бумаги. — Вот тут все подробно изложено, господин генерал. Мы должны предложить командованию группой армий «Центр» взять на себя подготовку диверсантов для заброски их в район советских прифронтовых железных дорог. Пусть даже будет это пока только экспериментом. А готовить их мы будем по методу

партизанской «рельсовой войны». Их же оружием, так сказать. Ну, а что такое «рельсовая война», кому же лучше знать, как не вам, командующему охранными войсками группы армий «Центр»?

«Да, действительно заманчиво все это,— размышляет генерал.— В самом деле, я лучше, чем кто-либо иной, знаю подлинный эффект их «рельсовой войны»... Не меньшим, а, пожалуй, еще большим будет он в тылах русских войск. Никто ведь так постоянно не опирался еще на железные дороги, как русские. Благодаря этому и проявляют они свою поразительную маневренность, перебрасывая крупные воинские части и соединения на самые ответственные участки фронта. Похоже, что майор Вейцзеккер неглуп. Над его предложением стоит подумать».

— И у вас есть русские люди, которые пострадали от Советской власти или уже достаточно себя скомпрометировали на оккупированной нами территории? — спрашивает генерал Вейцзеккера.

— Да, господин генерал. Например, бывший дорожный мастер Куличев, должностное лицо в системе советского железнодорожного хозяйства, возглавляющее путевой околоток. Теперь он бургомистр городка Овражков. И именно тут, в этом «заптатном», как говорят русские, городишке следует нам организовать школу железнодорожных диверсантов. Ее и возглавят бывший дорожный мастер и его племянник, бывший лейтенант инженерных войск, дезертировавший из Красной Армии в самом начале войны.

Пробежав глазами план Вейцзеккера, генерал делает на нем несколько пометок синим карандашом и кладет в свою папку.

— Я подумаю над вашим предложением, майор Вейцзеккер. А вы не забывайте о главных своих обязанностях — борьбе с саботажем и диверсиями.

— Но ведь борьбу с диверсиями...

— Да, этим ведает полковник Кресс, но разве вам не ясно, что саботаж и диверсии — дело одних и тех же рук. Во всяком случае, руководят этим одни и те же лица. Для меня лично в этом вопросе нет ни малейших сомнений.

— Да, господин генерал, это так. Однако...

— Все, майор Вейцзеккер! Вы свободны.

Отпустив Вейцзеккера, генерал приказывает своему адъютанту соединить его с полковником Крессом. А спустя несколько минут кричит в трубку:

— Что у вас там опять, Кресс? Партизаны взорвали мост?.. Надеюсь, не тот, что на реке Бурной? Ах, вы считаете его абсолютно неприступным! А вот партизаны, судя по всему, этого не считают. Во всяком случае, они не прекращают своих попыток взорвать его. Что значит для нас этот мост, надеюсь, вы понимаете, полковник? В таком случае не забывайте, что вы отвечаете за него своей головой.

НЕПОДАЛЕКУ ОТ «НЕПРИСТУПНОГО»

Майор Огинский и лейтенант Азаров вот уже второе утро ведут наблюдение за железнодорожным мостом через реку Бурную. Замаскировавшись в густых кустах на опушке леса в трех километрах от моста, они подолгу смотрят в бинокли, внимательно изучают каждый метр местности.

— Похоже, что наши ребята не зря окрестили его «неприступным», — чуть слышно произносит Азаров.

Не отвечая лейтенанту, Огинский продолжает изучать подступы к мосту. Что и говорить, к нему не подберешься незаметно. На левом низком и открытом берегу к нему примыкает высокая насыпь. Она позволяет охране просматривать и простреливать все подступы к мосту с дальней дистанции. На высоком правом берегу вырублен не только лес, но и кустарник, подходивший почти вплотную к реке. Ближние подступы к мосту по обоим берегам реки ограждены несколькими рядами колючей проволоки.

— А перед проволокой, конечно, минные поля? — спрашивает Огинский Азарова.

— На прошлой неделе подорвался там Константин Малышкин. Но не столько минные поля нам страшны, сколько собаки.

— Как, и собаки там тоже?

— Да, сторожевые овчарки. Днем немцы держат их в дзотах.

— Численность охраны, судя по всему, не менее двух взводов, — продолжает рассуждать Огинский. — И вооружены они не только автоматами, но и пулеметами, конечно.

— В том числе еще и крупнокалиберными зенитными, — добавляет Азаров.

Отложив бинокль в сторону, Огинский дает отдохнуть глазам. Потом снова прикладывает к ним окуляры и всмат-

ривается в сквозные фермы моста и пространство между поверхностью воды и нижним поясом ферм.

— Какова, по-вашему, высота нижней кромки моста над уровнем воды? — спрашивает Огинский Азарова, прикидывая эту величину по делениям угломера бинокля.

— Примерно семь метров.

— Значит, сплавной миной тут не воспользуешься.

— Мы уж думали об этом. Слишком высоко.

— В самом деле, значит, неприступен?

— Я никогда этого не утверждал.

— Ну, а каков же выход?

— Нужно подумать.

— А есть для этого время? Штаб партизанского движения нас торопит. Да и сколько же можно думать? Задача эта не сегодня перед нами поставлена. Партизаны уже пытались ведь его взорвать.

— Для меня ясно пока лишь одно — лобовой атакой его не взять!

— А я бы добавил: при наших средствах никакой атакой вообще. Вот и выходит, что в самом деле неприступен, — усмехается майор Огинский.

— Нужно бы его как-то изнутри... — задумчиво произносит Азаров.

— То есть?

— Может быть, с помощью местных железнодорожников.

— Вы имеете в виду бригадира пути, путевых рабочих и обходчиков? Но ведь все они подчинены дорожному мастеру Куличеву.

— Куличев теперь не дорожный мастер, а бургомистр Овражкова.

— Но подбирал и бригадира пути, и путевых рабочих, вне всяких сомнений, он сам, себе под стать.

— Быть, однако, не может, чтобы все оказались такими же мерзавцами, как он.

— Будем надеяться, что найдутся и порядочные, — вздыхает Огинский, доставая блокнот из полевой сумки. — А теперь давайте набросаем схему моста и систему его охраны. А что касается способа его подрываания, придется, видимо, ограничиться пока лишь вашими соображениями.

— Весьма туманными притом, — замечает Азаров.

БУРГОМИСТР КУЛИЧЕВ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Всякий раз, когда майор Вейцзеккер поднимает глаза на Куличева, душа бургомистра уходит в пятки. Хотя майор и не сказал еще ничего существенного, нет сомнений, что на сей раз вызвал к себе неспроста. Куличев давно уже догадывается, что немцы не случайно обходят стороной Овражков, не располагая в нем ни гарнизонов, ни комендатур. Вокруг ведь, даже во многих селах, есть не только комендатуры, но и отделения гестапо с зондеркомандами, только в Овражкове ни одного немца. Такого так просто не бывает...

И лишь когда Вейцзеккер сообщает ему свой план создания в Овражкове школы железнодорожных диверсантов, Куличеву кое-что становится понятным. Особенно распросы майора о племяннике его Тимофея, дезертировавшем из армии в начале сорок второго.

— Он, значит, не только лейтенант инженерных войск, но еще и железнодорожник? — спрашивает Вейцзеккер.

— Да, господин майор. Он еще и помощник машиниста. У нас в семье вообще все железнодорожники. Покойный отец его, муж моей сестры, тоже паровозным машинистом работал.

— А почему «покойный»? Он что — умер?

— Попал под бомбёжку. Вместе с ним погибла и мать Тимофея, родная сестра моя...

— Значит, племянник ваш круглый сирота? А почему бы вам не взять его к себе? У него есть семья?

— Да нет, не обзавелся пока. Всего двадцать пять парню, потому и не торопится...

— А где же он сейчас?

— В городе Миргороде под Полтавой. Приворожила его там какая-то хохлушка. Я уже звал его к себе, хотя бы в гости пока...

— И что же?

— Обещался непременно приехать, да только...

— Что — только?

— Удалось ли выехать? Говорят, там фронт прорван. Советские войска чуть ли не под Полтавой уж...

— А вы поменьше верьте слухам, господин Куличев! Наш фронт, напротив, стабилизовался, и Полтава, по имеющимся у меня достоверным сведениям, все еще в наших руках.

— Ну, тогда племянник мой, значит, уже в пути и со дня на день может пожаловать.

— Как только прибудет, дайте мне знать. Его военно-инженерные знания очень нам пригодятся. И еще одно задание вам: составьте мне список железнодорожников, которым мы можем доверять. Особенно тех, которые были в свое время не в ладах с Советской властью. Я всецело полагаюсь в этом на вас, господин Куличев, и на вашего начальника полиции господина Дыбина,— говорит майор Вейцеккер, энергично постукивая костлявым пальцем по кончику стола.

— Спасибо вам за такое доверие, господин майор! — верноподданнически восклицает Куличев, а сам же без трепета думает: «А ведь, в случае чего, он же с меня первого шкуру спустит...»

— Надеюсь также, что вы понимаете, господин бургомистр, почему нас привлек ваш захолустный городишко? Именно своей захолустностью. Тем, что не имеет он ни военного, ни экономического и вообще никакого значения.

— Но ведь в лесах партизаны... — робко замечает Куличев.

— Ну и что же? А где их теперь нет?

— Но ведь они могут...

— А надо, чтобы не смогли.

— Для этого нужна надежная немецкая охрана...

— Охрана будет только из ваших полицейских. И вы с господином Дыбинным собственной головой ответите за их благонадежность. А чтобы не охранять нашу школу от партизан, их к этому времени надо ликвидировать.

— Тоже силами местной полиции? — заметно дрогнувшим голосом спрашивает Куличев.

— Не силой, а хитростью,— уточняет Вейцеккер, спокойно закуривая сигарету.

Майор Вейцеккер долгое время был немецким резидентом на территории Советского Союза. Он в совершенстве знал русский язык и присматривал разных людей, которые потом могли бы служить фашистам. Изучал он теперь и Куличева. Типичный холуй и трус. Он заинтересован, конечно, чтобы школу диверсантов охраняли немецкие солдаты. На них можно будет положиться и в охране собственной его персоны.

Но это не входит в планы майора Вейцеккера. Немецкий гарнизон в захудалом городишке может заинтересо-

вать не только партизан. До сих пор в нем не было ни одного немецкого солдата. Почему же теперь целый гарнизон или хотя бы просто отряд? Не затевается ли тут что-нибудь интересное для советской разведки?

Нет, городишко должен быть таким же, каким он был все это время, а партизан нужно срочно уничтожить. А может быть, даже и не уничтожить, это тоже, пожалуй, привлечет внимание, а увести их отсюда в другой район, заинтересовать, спровоцировать на операцию, сулящую большой и бесспорный успех. Сам Куличев, конечно, не додумается, как это сделать, нужно, значит, ему подсказать.

— Есть у вас надежный человек, которого вы могли бы подбросить к партизанам в качестве провокатора? — спрашивает он Куличева. — И хорошо бы кого-нибудь из тех, кто числится в вашем городе их человеком. Вы меня понимаете, господин Куличев?

— Понимаю, господин майор. И пожалуй, даже назову вам такого человека...

— Нет, не надо сейчас никого называть, — останавливает его Вейцзеккер. — Я дам вам время подумать и все взвесить. Приезжайте ко мне через два... нет, через три дня, но не позже. Тогда и назовете мне такого человека, на которого вполне можно будет положиться. Вот пока и все, господин бургомистр. Желаю вам успеха и жду вас через три дня в это же время. Надеюсь, вас не нужно предупреждать, что о нашем разговоре не должна знать ни одна живая душа?

— Можете на меня положиться, господин майор.

— И о том, что были у меня, тоже никому ни слова. Даже вашему другу, начальнику полиции.

— Понимаю, господин майор.

— Скажите ему, что были в отделе по делам гражданской администрации.

— Слушаюсь, господин майор!

В ШТАБНОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ ЗЕМЛЯНКЕ

По документам штурмбанфюрер Мюллер, машина которого подорвалась на партизанской мине, числится специальным уполномоченным гаулайтера Заукеля. Шофер Мюллера погиб, а сам он почти не пострадал, однако партизан смущает то обстоятельство, что держится он слишком уж высокомерно для человека, попавшего в плен. Плен-

ного приводит в штаб партизанского отряда лейтенант Азаров, ибо это на его мине подорвалась машина штурмбанфюрера Мюллера.

— Видно, какая-то важная персона,— говорит Азаров командиру партизанского отряда.— Узнав, что я всего лишь лейтенант, отказался отвечать на мои вопросы. Потребовал кого-нибудь из старших офицеров. Его эсэсовский чин штурмбанфюрера соответствует ведь званию армейского майора. Тогда, может, майора Огинского позвать? Кстати, он и немецким владеет в совершенстве.

— Позовите,— разрешает командир.

Для него этот надменный ариец не представляет никакой загадки. Он насмотрелся за время войны на многих фашистских фанатиков. Одни из них выкрикивают «хайль Гитлер», даже когда им угрожает расстрел, другие при значительно меньшей опасности спешат воскликнуть «Гитлер капут!..».

Огинский, находившийся в соседней землянке, не заставляет себя долго ждать.

— Надеюсь, вы понимаете, куда попали? — спрашивает он штурмбанфюрера по-немецки.

Мюллер в ответ слегка наклоняет голову и, взглянув на майорские погоны Огинского, заявляет:

— Мне хотелось бы иметь дело с ответственным лицом!

— А зачем вам ответственное лицо?

— Имею сообщить нечто важное и потому...

— Я для этого достаточно ответственное лицо,— прерывает его майор Огинский.

— И еще одно условие...

— Никаких условий!

— Просьба.

— А вот это другое дело. В чем она заключается?

— Во-первых, вы обещаете мне сохранить жизнь. Во-вторых, хорошее обращение и питание.

— И в-третьих?

— Удалить отсюда на время нашего разговора всех ваших подчиненных.

Огинский переводит командиру отряда просьбу Мюллера.

— Можете пообещать ему все это,— спокойно произносит командир.— Я удалюсь тоже. Видно, он считает вас самым старшим тут.

— Его гипнотизируют майорские погоны товарища Огинского,—замечает Азаров.

— Да уж в таком пиджачке, как мой,— какое же начальство? — усмехнулся командир партизанского отряда, выходя вслед за остальными из своей землянки.

— Ну-с, я вас слушаю,— обращается Огинский к штурмбанфюреру.— Можете сесть. А вот сигарету не могу вам предложить — некурящий.

— Прежде всего я хочу вам сообщить, что на мне эта форма недавно. Я инженер. Специалист по железнодорожному транспорту.

— А почему же сразу такой высокий чин?

— Ну конечно, это не случайно,— самодовольно говорит Мюллер.— Дело в том, что я родственник имперского министра путей сообщения и нахожусь в непосредственном подчинении у гаулайтера Заукеля, генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в оккупированных восточных областях. По его личному поручению я проверяю деятельность главной железнодорожной дирекции группы армий «Центр». Эта дирекция жалуется господину имперскому министру путей сообщения на диверсионные действия ваших партизан, преувеличивая при этом...

— Что касается неприятностей, причиняемых нашими партизанами вашей главной железнодорожной дирекции,— улыбаясь, прерывает Мюллера Огинский,— то тут никаких преувеличений с ее стороны. Не следовало бы это и проверять, не попали бы тогда в столь неприятное положение.

— Да, это так,— соглашается Мюллер.— Мы хорошо знаем результаты вашей «рельсовой войны». Но дело не в этом. Еще в прошлом году господин имперский министр направил гаулайтеру Заукелю письмо. В нем он просил гаулайтера прекратить отправку в Германию в качестве рабочей силы бывших русских железнодорожников. Понимаете, по какой причине?

— Еще бы! — подтверждает Огинский.— Не понятно только, зачем вы мне это рассказываете?

— Минутку терпения, господин майор. Сейчас вы узнаете почему. Дело тут в том, что некоторые местные гражданские власти, председатели городских управ и бургомистры, нарушают приказ гаулайтера Заукеля и посыпают в Германию даже квалифицированных железнодорожни-

ков. И тогда их приходится заменять неквалифицированными, а это увеличивает и без того большое число аварий на железных дорогах. И вы думаете, что представители гражданской администрации делают это только потому, что мы требуем от них отправки в Германию возможно большего количества трудоспособного населения?

— В этом, видимо, главная причина.

— Нет, не главная. Это скрытый вид враждебной деятельности некоторых бургомистров. Прикрываясь показным усердием, они таким образом помогают партизанам в их «рельсовой войне». Я лично заинтересовался этим и разгадал их двойную игру.

Видимо забыв, что он в плену, штурмбанфюрер Мюллер распаляется все более, понося коварных администраторов, а Огинский думает невольно: «Это только в твоей фашистской башке могли возникнуть такие мысли. Кто же из подлинных советских патриотов такой ценой будет причинять ущерб врагу? Ценой отправки лучших представителей рабочего класса на фашистскую каторгу? Квалифицированные железнодорожники и сами найдут способ, как навредить врагу. Скорее всего, сочиняет все это Мюллер. С какой только целью?..»

— При расследовании обнаружились пока три явных пособника партизан,— горячо продолжает штурмбанфюрер. — Это бургомистры Овечкин, Милашкин и Куличев...

— Куличев? — переспрашивает Огинский.— Бургомистр Овражкова?

— Да, он. Но есть и другие, в махинациях которых я еще не разобрался. А Куличев уже отправил в Германию двух машинистов и четырех помощников машиниста. Трех бригадиров пути и нескольких путевых рабочих.

— А вы как это установили? Беседовали уже с этим бургомистром?

— В том-то и дело, что выехал только для этой цели.

— А начальству вашему уже известно о ваших подозрениях и этой поездке? Гаулайтеру Заукелю, например?

— Я решил прежде всего лично проверить. Припереть заподозренных мною бургомистров к стенке, заставить во всем признаться. Но не успел... А теперь вы сможете их предупредить о грозящем им разоблачении, и, надеюсь, это зачтется в мою пользу при решении моей судьбы.

— Конечно, мы это учтем,— обещает Огинский.— Но ведь все это не такая уж тайна, чтобы сообщить ее только мне с глазу на глаз.

— Да, может быть,— соглашается Мюллер.— Однако военное счастье изменчиво. Можете и вы, я имею в виду не вас лично, а ваш отряд, оказаться в моем положении, и в этом случае чем меньше людей будет знать о моей исповеди, тем лучше...

— А вы уже встречались прежде с кем-нибудь из названных вами бургомистров? С Куличевым, например, — еще раз проверяет Огинский.

— Такая встреча лишь предстояла. Я как раз направлялся именно к нему.

ВАСЯТКИН РАЗОБЛАЧАЕТ ПРОВОКАТОРА

Заросшее густой бородой лицо комиссара партизанского отряда, всегда казавшееся Васяткину таким суровым, не тревожит его теперь. Пугают Васяткина черные, немигающие глаза майора Огинского.

— Ну, в общем, совершенно законченный подлец этот Куличев,— торопливо продолжает он свой сбивчивый рассказ, то и дело косясь в сторону Огинского.— Прямо-таки житья от него не стало. Он да дружок его, начальник полиции Дыбин, свирепствуют теперь в Овражкове хуже самих немцев. Чуть кто им неугоден — объявляют коммунистом или комсомольцем, смотря по возрасту, и тотчас в полицию, а оттуда в ближайший концлагерь... Вот и меня встретил он на улице и говорит: «Где-то я тебя, парень, уже видел? Это не ты ли на прошлой неделе листовки расклеивал, да вовремя удрал?» — «Какие листовки, господин бургомистр? Да я их и в глаза-то никогда не видел...» А он свое: «Зато я видел, как ты их расклеивал». Ну, не гад разве? — спрашивает Васяткин, бросая настороженный взгляд на Огинского.

А Огинский все еще не произносит ни слова.

— Ну, ну, Васяткин,— поторапливает парня комиссар.— Давай дальше.

— А что дальше? Куличев распорядился в полицию меня забрать, чтобы потом в концлагерь. А там...

— Ладно, Васяткин, не уточняй,— снова прерывает его комиссар.— Каково в концлагере, действительно всем известно. Рассказывай лучше, что дальше было.

— Ну, а дальше что же? Ведь Куличеву стоит только мигнуть, как полицейские Дыбина сразу же тут как тут. Посадили они меня в подвал, и, если бы не Ерохин, был бы я уже в ближайшем концлагере... А о том, как Ерохин бежать мне помог, я вам уже докладывал.

— А о главном-то чего молчишь?

— Так и о том ведь уже говорено...

— Пусть и товарищ майор послушает.

— Можно и повторить. От того же Ерохина я узнал, что к нам в отряд заброшен провокатор по фамилии Зюкин. А Ерохин, как вам самим известно, второй год в полиции служит и многие ее секреты знает.

— А какая же цель у этого провокатора?

— Запугать вас подготовкой большой карательной экспедиции, чтобы вы ушли куда-нибудь подальше. А на самом-то деле они от Пеньков хотят вас отвлечь...

— А не от Овражкова? — спрашивает Огинский.

— Нет, от Пеньков. В Овражкове вроде все без перемен. А в Пеньках они новый концлагерь хотят организовать с какими-то медицинскими экспериментами над военнопленными. Потому и побаиваются, как бы вы о том не проюхали... А со мной-то теперь как же?

— Должу командиру, посоветуемся. Нехорошо, конечно, получилось. В Овражкове и так мало наших, а похоже, что там скоро очень важные события должны произойти. И надо же было тебе на этого бургомистра напороться!

— Так ведь...

— Ну, да что теперь говорить!

НЕЛЕГКОЕ РЕШЕНИЕ.

Выслушав предложение майора Огинского, командир и комиссар отряда долго молчат.

«Да, эффектно, конечно, — думает комиссар, — но ведь чистейшей же воды авантюра...»

А комиссару дерзкий замысел Огинского по душе. Майора, правда, трудно принять за чистокровного арийца, но на нем будет форма эсэсовского офицера и документы штурмбанфюрера. Да и человек он толковый, сообразительный, найдет способ выйти из затруднительного положения, если таковое возникнет.

А бургомистра давно уже следовало проучить, но это рискованно — Куличев нигде не появляется без охраны. К тому же из него нужно выжать все, что он знает о замыслах немцев. А они ему многое доверяют...

У командира отряда отношение к замыслу Огинского сложнее, но и он постепенно приходит к мысли, что майор справится, пожалуй, с задуманным. Да и такой благоприятный случай жалко, конечно, упускать...

— Он и немецким владеет не хуже любого немца, — набивает цену Огинскому комиссар.

— Для беседы с бургомистром этого и не требуется, — усмехнулся Огинский. — В данном случае успех моего замысла будет определяться не совершенством знания немецкого языка, а магией штурмбанфюрерских документов. Я ведь предъявлю им удостоверение личного представителя могущественного гаулайтера Заукеля, назначенного генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы оккупированных восточных территорий самим фюрером.

— А вы думаете, что немцы не обнаружили еще исчезновения Мюллера и не организовали уже его поисков? — спрашивает командир.

— Он уверяет, что предпринял эту поездку по своей инициативе и не сообщил о цели ее даже Заукелю. Да и кому придет в голову искать его в Овражкове? В нем даже комендатуры немецкой нет. И вообще ни один немец пока не совал туда своего носа.

— Кроме майора Вейцзеккера, — уточняет командир.

— Да, правильно, — подтверждает комиссар. — Но и он ездил туда почему-то тайком. Мы узнавали об этом от Ерохина, нашего человека, надежно обосновавшегося в овражковской полиции. А зачем приезжал Вейцзеккер в Овражков, ему ничего не известно. Похоже, что это держится в тайне и от самого начальника полиции Овражкова — Дыбина. Вообще этот Овражков полон тайн, и мне не очень верится, что немцы собираются в Пеньках что-то организовать, как сообщил нам Васяtkин. А не в Овражкове ли? Все это известно, наверно, только бургомистру Куличеву. Вот почему так важно...

— В этом и я с вами согласен, — перебивает его командир. — Куличев бесспорно многое смог бы рассказать в случае успеха замысла товарища Огинского. Но ведь замы-

сделать этот не шуточный. Огинскому придется играть не-
 свойственную ему роль.

— И он неплохо ее сыграет! — горячо восклицает коми-
ссар.— Я в этом нисколько не сомневаюсь...

— Нам, однако, не самодеятельный спектакль пред-
стоит, а рискованная операция,— хмуро замечает коман-
дир.— Играть роль Мюллера придется к тому же не на
сцене, а среди врагов, и мы не можем поручиться, что они
не разоблачат Огинского с первого же взгляда.

— Понимаю ваши опасения, товарищ командир,— со-
глашается с ним Огинский.— Но ведь я не актер-любитель,
а кадровый офицер, побывавший уже в кое-каких передел-
ках. Если бы не твердая уверенность в успехе задуман-
ного, я и сам бы не полез на рожон. А план моих действий
могу доложить вам еще раз...

«Чертовски ведь все логично в его плане,— слушая
Огинского, думает комиссар.— Просто непонятно, чего еще
командир колеблется?..»

— Ни Куличеву, ни его помощникам, привыкшим хо-
луйствовать перед немцами, и в голову не придет допус-
тить возможность такой дерзости с нашей стороны,— го-
рячо продолжает майор Огинский.— В документах, кото-
рые мы отобрали у Мюллера, сказано ведь, что ему дано
право контроля не только русской, но и немецкой граждан-
ской администрации. Понимаете, как велика сила таких
документов, а следовательно, и самого штурмбанфюрера
Мюллера?

Командир хмурился и невозможно было догадаться о
его мыслях, а Огинский исчерпал уже все свои доводы.
Видно, ничем не сломить упорства командира, а может
быть, и предубеждения...

— Не убедил я вас, значит? — упавшим голосом спра-
шивал его Огинский.

— Этого я не говорю,— задумчиво произносит коман-
дир.— В принципе все довольно убедительно...

— Тогда, значит, я как исполнитель не подхожу?..

— Эх, Евгений Александрович, Евгений Александро-
вич! — тяжело вздыхает командир.— Разве только в этом
дело? Вы же сами понимаете, что такую операцию я дол-
жен с вышестоящим начальством согласовать. Сделать
шифрованный запрос об этом по радио...

— А пока пошлем его, да пока ответ придет,— с до-
садой перебивает его комиссар,— то даже в том случае,

если и разрешат, момент будет упущен. О пропавшем Мюллере к тому времени оповестят не только все немецкие гарнизоны, но и полицейские управы.

— Нам нельзя медлить и по другой причине,— замечает снова воспрянувший духом Огинский.— Разоблаченный Васяткиным провокатор признался ведь, что сообщенные им сведения о карательной экспедиции против нас — выдумка бургомистра. Цель ее очевидна — вынудить нас уйти отсюда.

— Но и тому, что сообщил нам Васяткин о Пеньках, я не очень-то верю,— задумчиво сказал комиссар.— Скорее всего, именно тут, в Овражкове, затевается что-то. А если поближе к Пенькам перебираться, значит, во Владимирской пуще придется базироваться. Почти за пятьдесят километров отсюда и около семидесяти от Овражкова...

— Да и не в Овражкове только дело,— тяжело вздыхает командир.— Нам от железнодорожного моста через Бурную нельзя далеко уходить. Не выполнили ведь задания партизанского штаба и не взорвали этот мост...

— Пробовали, и не раз,— разводит руками комиссар.— Но вы же сами знаете, какова там обстановка... Не случайно хлопцы окрестили тот чертов мост «неприступным», хотя командиру нашему очень не нравится это прозвище...

— А вам нравится оно разве? Не отобьет оно охоту дерзать? К тому же, насколько я разбираюсь в русском языке, прозвища даются живым существам...

— А мне именно то и нравится, что мост этот стал для наших ребят таким же живым врагом, как и сами фашисты! — горячо воскликнул комиссар.— А из того, что «неприступным» его прозвали, не следует, однако, что он действительно неодолим. Берут ведь и неприступные крепости...

— С таким пониманием его временной, так сказать, неприступности и я согласен,— примирительно произносит командир.— Надеюсь, что бойцы наши понимают и военное, я бы даже сказал, стратегическое его значение. Если мы взорвем этот мост, парализуем весь железнодорожный узел, находящийся в руках у немцев.

— Они это понимают, товарищ командир.

— Уходить, значит, с этой базы без достаточно веских причин...

— В том-то и дело! — перебивает Огинского комиссар.— Никоим образом!

— А существуют ли на самом деле столь веские причины, чтобы все-таки уйти, знают пока лишь немцы да бургомистр Овражкова,— заключает майор Огинский.— И я надеюсь заставить его сообщить нам об этом без утайки, если только вы...

— Ну ладно! — решительно махнул рукой командир.— Не возражаю! Нам действительно необходимо не только точно, но и срочно знать, что же затевается в Овражкове. Прежде, однако, надо выяснить, не засланы ли уже в Овражков гестаповцы.

— Это Ерохин должен знать.

— А его не выставили еще из полиции за то, что он Васяткина упустил?

— Сообщил сегодня, что удалось выкрутиться.

— Ну, а какие вам понадобятся помощники, товарищ майор? — спрашивает командир Огинского.

— Я бы еще только лейтенанта Азарова попросил. Он и машину умеет водить, и немецким владеет. С ним вообще можно на любое дело... Вы ведь знаете, как мы с ним из плена бежали?

— Рассказывал мне подполковник Бурсов. А вам форма Мюллера хороша ли? Он, кажется, пошире вас в плечах, а у них мундиры, сами ведь знаете, как подгоняются.

— Подгонит его и по моей фигуре дядя Миша. Он до войны в театральной костюмерной работал. А как насчет легковой немецкой машины?

— Придется своего «опель-капитана», предоставить в ваше распоряжение.

— А что слышно о Бурсове, товарищ командир? — спрашивает Огинский, когда все детали предстоящей операции были окончательно согласованы.

— Он благополучно перебрался через линию фронта и теперь в штабе инженерных войск армии генерала Светлякова.

— Вот бы и мне с ним тогда... — невольно вздыхает майор Огинский.

— Но ведь вы были нездоровы. Разве ж можно вам было с температурой тридцать девять и пять? А Бурсову не терпелось поскорее.

— Я его понимаю и ни в чем не виню. Конечно, в таком состоянии, в каком я был тогда, нечего было и думать об этом. Чертовски досадно, однако... Ну да что теперь об этом!

— А почему тогда Азаров с ним не ушел, до сих пор понять не могу,— недоуменно спрашивает комиссар.— Звал ведь его с собой подполковник Бурсов.

— У него своя теория. Решил, что пока тут может больше пользы принести.

— По всему видно, человек с характером. В отряде у нас он на любое задание первым,— с уважением говорит командир.

— Да я бы ему хоть сейчас самую лучшую характеристику дал! — горячо восклицает комиссар.

В ОВРАЖКОВЕ

Они выехали в Овражков во второй половине дня. Азаров в форме эсэсовского унтер-офицера — гауптшарфюрера — сидит за рулем. Майор Огинский в мундире штурмбанфюрера, в черной фуражке с белым черепом и перекрещенными под ним костями выглядит очень грозно. Повернувшись к Азарову, он говорит лейтенанту:

— Лучшего помощника, чем вы, мне бы, конечно, не найти, и все-таки брать вас не следовало... Но об этом раньше нужно было думать.

— Что-то не пойму вас, товарищ майор,— не отрывая глаз от дороги, обиженно произносит Азаров.

— А тут и понимать нечего. Если даже у нас все сегодня обойдется благополучно, вам ведь и носа нельзя будет показать в Овражков. А тут, судя по всему, предстоят серьезные дела, в которых вам, конечно, захочется принять участие.

— Вы думаете, они смогут меня узнать?

— Надо полагать.

— Я могу отрастить бороду...

— Не успеете,— усмехается Огинский.— События могут развиваться быстрее, чем отрастет ваша борода.

Некоторое время они едут молча. Потом майор снова спрашивает:

— Вам ведь приходилось уже бывать в Овражкове. Когда вы там были в последний раз?

— На прошлой неделе. С разведывательной целью, так сказать. К местным властям присматривался на всякий случай. Господина бургомистра лицезрел и его дружка Дыбина. Из укрытия, конечно, так что они об этом и не подозревали. Видик у них в полном соответствии с ре-

путацией. Неограниченными властителями себя там чувствуют... А вот и Овражков показался.

За небольшой редкой рощицей мелькают убогие домики овражковского предместья.

— У них ведь нет застав при въезде в город?

— Днем никого, а ночью полицейский пост. Городишко-то даже до районного значения не дорос. Мы как теперь, прямо к бургомистру?

— Нет, сначала к какому-нибудь полицейскому посту. Спросим, как к нему проехать. Нужно сделать вид, что мы тут впервые.

— Тогда придется прямо к полицейской управе. Днем других постов в Овражкове нет. Не нагнали еще на них страху партизаны. Командир приказал ничем их пока не тревожить.

— И правильно рассудил, — одобрил Огинский. — Городишко пока не имеет особого значения для немцев, а предприми мы тут активные действия, сразу же разместят в нем какую-нибудь карательную часть.

«Опель-капитан», сбавив ход, идет теперь по главной улице Овражкова, подпрыгивая на многочисленных выбоинах асфальта. Редкие прохожие бросают на него тревожные взгляды.

— Эй, Иван! — кричит в открытое боковое окно Азаров. — Как проехать в полицай управа?

Какой-то пожилой мужчина торопливо машет рукой вдоль главной улицы и спешно сворачивает за угол.

— Ну зачем вы его? — строго спрашивает Азарова Огинский. — Все переговоры с местными жителями буду вести я, а вам не следует привлекать к себе внимания.

— Да разве ж смог он меня рассмотреть?

— Все равно я не разрешаю вам делать этого.

— Ясно, товарищ майор.

Но вот и полицейское управление. Азаров останавливает машину так, чтобы майор оказался со стороны дежурного полицейского, уже вытянувшегося по команде «смирно» при виде эсэсовской формы Огинского.

— Здравия желаем, господин штурмбанфюрер! — рявкает полицай.

«Научился в эсэсовских чинах разбираться, гад», — мысленно ругается Азаров.

— Как в ратхауз... в ратуша как проехать, к господин бургомистр? — спрашивает полицая Огинский.

— Они не в ратуше, господин штурмбанфюрер,— все еще не отрывая руки от козырька фуражки, докладывает полицейский.— Они у себя дома. Праздник у них сегодня. Именины-с...

— Вас ист дас — именины? — удивленно поднимает плечи Огинский.

— День рождения-с,— поясняет полицейский.— И господин начальник полиции тоже там. Прикажете проводить?

— Найн, не надо проводить,— машет рукой в черной кожаной перчатке Огинский.— Сами будем находить. Где есть это?

Полицейский наклоняется к Азарову и знаками показывает, куда нужно ехать.

— Фэрштэйн? — спрашивает он.

— Фэрштэйн, фэрштэйн,— сердито бурчит Азаров и, чуть не сбив полицейского, резко включает скорость.

— Напрасно вы с этими гадами так деликатно, товарищ майор,— говорит он недовольно.— С ними надо...

— Ну вот что, Азаров, вы теперь для меня только шофер Ганс, а я для вас — штурмбанфюрер Мюллер. И никаких советов прошу мне не давать. Кстати, я передумал искать квартиру бургомистра самостоятельно. Вернемся к полицейскому управлению и воспользуемся их услугами.

— Яволь, герр штурмбанфюрер!

Как только машина снова подъезжает к полицейскому управлению, Огинский машет рукой полицаю:

— Мы сбились с пути... Гебэн зи мир бегляйтэр...

— Провожатого нам, шнэллер! — уточняет Азаров.

Дежурный торопливо вызывает из управления какого-то тощего дядьку в помятом мундире и, оставив его за себя, проворно вспрыгивает на крыло машины со стороны шофера.

— Тут недалеко,— говорит он Азарову.— Вот до того угла, а потом налево... Нах линкс, фэрштэйн?

А когда машина сворачивает налево, полицейский показывает на кирпичный дом, заметно отличающийся своей добротностью от остальных строений улицы.

— Вон в той хаузе они проживают.. Мне как теперь, назад возвращаться или сбегать доложить?

— Доложите, — велит ему Огинский. — Шнэллер! Живо!

Как только полицейский уходит, майор торопливо шепчет Азарову:

— А вы не выходите из машины. Там, в их берлоге, все равно ведь ничем не сможете мне помочь. Держите лучше машину наготове на всякий случай.

НЕУДАВШИЕСЯ ИМЕНИНЫ БУРГОМИСТРА КУЛИЧЕВА

Успевший уже заметно захмелеть тучный бургомистр города Овражкова смотрит на «штурмбанфюрера» счастливыми глазами.

— Вот радость-то, честь-то какая! — слегка заплетающимся языком говорит он.— Большое спасибо, господин штурмбанфюрер, что почтили меня своим присутствием в столь торжественный день. Покорнейше прошу вас отведать нашей русской, известной во всем мире водки.

И он протягивает Огинскому большую, налитую до краев рюмку. Огинский брезгливо нюхает ее и морщится:

— Фи, самохонка!

— Да нет же, господин штурмбанфюрер, ей-же-богу — водка! Ну хоть глоточек за мое здоровье...

Но Огинский решительно отталкивает руку бургомистра, и водка выплескивается на его огромный живот.

— Найн, господин бургомистр, найн! Прежде дело, а потом водка. Есть тут среди ваш гость кто-нибудь, кто знает дойч — немецкий язык?

— Мой секретарь, господин штурмбанфюрер. Эй, Каблучков, живо к господину штурмбанфюреру!

Он манил кого-то пальцем, будто собачонку. Из-за стола не без труда вылезает поджарый, средних лет мужчина в вышитой косоворотке.

— Вот, господин секретарь,— протягивает ему Огинский документ, отобранный у Мюллера.— Форлэзэн унд юберзэтцэн.

Увидев на бланке черного немецкого орла с распростертыми крыльями и со свастикой в когтях, Каблучков заметно трезвеет и начинает медленно, с большими паузами переводить. Немецкий знает он, видимо, не очень твердо: Огинскому то и дело приходится его поправлять. А когда Каблучков кончает перевод, Огинский небрежно кивает ему:

— Данке, господин Башмячков...

— Каблучков,— деликатно поправляет секретарь.

— Фэрдайэн зи, биттэ, господин Каблучков.— Повернувшись к Куличеву, Огинский спрашивает его:— Кто тут есть из ваш подчиненный, который занимает фэрант вортлихен постэн?

— Ответственный пост,— переводит Каблучков.

— Вот два моих помощника,— показывает Куличев на стоящих неподалеку от него старомодно одетых пожилых мужчин.

Теперь вообще никто уже не сидит, все стоят, вытянув руки, по стойке «смирно». Смущенно переминаются с ноги на ногу и женщины, не зная, что им делать.

— А вот тот,— указывает бургомистр на рослого суроватого мужчину,— начальник местной полиции, господин Дыбин со своими помощниками.

— Зер гут,— удовлетворенно произносит Огинский.— Останетесь тут вы, господин бургомистр, и вы, господин начальник полиция. Остальные — шагом марш! Пусть они будут немножко погулять во дворе. Вы, господин Каблучков, тоже идите проветриваться. Мы будим как-нибудь разбираться тут сами, без ваша помощь.

Все, кроме Куличева и Дыбина, поворачиваются кругом и почти строевым шагом идут к двери.

— У меня их хабе кайне цайт... Как это? Ага! У меня нет времени ожидайт, когда кончится ваш именин...

— О, пожалуйста, господин штурмбанфюрер! — угодливо восклицает Куличев.— Именины от нас не уйдут.

— А теперь, как это у вас говорится? Ближе к делу, да? Надеюсь, вы знайт, кто есть такой господин гаулайтер Заукель?

— А как же, господин штурмбанфюрер! Кто же не знает генерального уполномоченного по использованию рабочей силы в оккупированных восточных областях? И мы с господином Дыбина честно...

— Нет, не честно! — грозно прерывает бургомистра «штурмбанфюрер».— Разве вы не получайт через рейхскомиссар ваша область указание гаулайтер Заукель? Он приказал прекратить отправка в Германия в качестве рабочей силы бывших советских железнодорожник?

— Так точно, получили, господин штурмбанфюрер, и в точности все выполнили...

— То есть наглый ложь, господин бургомистр! — снова повышает голос «штурмбанфюрер».— Вы отправил в Гер-

мания почти всех железнодорожник, проживающий в Овражков.

— Только путевых рабочих, господин штурмбанфюрер. Бог тому свидетель и вот еще господин начальник полиции. Мы это с ним вместе...

— Не совсем так, господин бургомистр,— оправдывается Дыбин.— Не совсем... Списки составляли вы лично, господин Куличев. А кого в них вписали, уж это на вашей совести. Вы всех их лично знали, потому как были при Советской власти дорожным мастером. А я только в эшелон их сажал...

— Да, правильно, списки составлял я. Но кто в них попал? Самые неквалифицированные дорожные рабочие. На их место я сразу же набрал...

— А кого? — перебивает его Огинский.— Партизан, которые сразу же начали устраивать диверсия.

— Какие же диверсии, господин штурмбанфюрер? Не помню что-то...

— А вот я буду вам сейчас припоминать. Кто поезд подорвал на перегон Горелое — Мохово?

— Партизаны, господин штурмбанфюрер...

— И я говорю то же самое. Партизаны, которых вы набрал в дорожный рабочий. Ну, а ваше какое есть мнение, господин начальник полиция?

— Это очень даже возможно, господин штурмбанфюрер,— угодливо кивает рыжей головой Дыбин.— Они могли специально завербоваться, чтобы потом нам напакостить...

— Да ей-же-богу, господин штурмбанфюрер, не дорожные рабочие это, а партизаны. Я ведь лично каждого подбирал из самых надежных, хорошо мне известных. Да ведь я... да ведь мне... — Тут Куличев бросает тревожный взгляд на Огинского и просит: — Мне нужно поговорить с вами с глазу на глаз, господин штурмбанфюрер. Пусть господин начальник полиции меня извинит, но я не имею права рассказать всего при нем.

Дыбин порывисто встал и вопросительно посмотрел на «штурмбанфюрера».

— Идите тоже погуляйт,— говорит ему Огинский.— Вам полезно немножко проветриваться. Ну-с,— поворачивается он к Куличеву,— мы теперь есть одни. Я слушаю вас.

— Вы знаете господина майора Вейцзеккера? — почти шепотом спрашивает бургомистр. — Это доверенное лицо господина рейхскомиссара и начальника тылового района группы армий «Центр»...

— А какой это имеет значение, знаю я или не знаю Вейцзеккера? — резко прерывает Куличева Огинский. — Я есть личный представитель гауляйтер Заукель, назначенного на пост главного уполномоченного по использованию рабочая сила самим фюрером. И вы не задавайте мне больше никаких вопросов, а извольте отвечать на мои.

— Умоляю вас, господин штурмбанфюрер, выслушать меня до конца. Я тут, в Овражкове, доверенное лицо господина майора Вейцзеккера... Я бы мог позвонить ему, и он подтвердил бы все это, но господин майор Вейцзеккер категорически запретил мне связываться с ним по телефону. Я езжу к нему с устными докладами тайно не только от моих коллег и начальника местной полиции, но и от немецкой гражданской администрации нашего областного комиссара.

— Ну и что же у вас за секрет с этот Вейцзеккер? — иронически усмехаясь, спрашивает Огинский.

Невольно осмотревшись по сторонам и понизив голос до шепота, Куличев сообщает:

— Господин майор Вейцзеккер поручил мне создать тут, в Овражкове, школу опытных железнодорожных диверсантов.

— Вам? — смеется Огинский. — Ну, знаете!..

— Да ей-же-богу, господин штурмбанфюрер! Везите меня в таком случае к господину Вейцзеккеру, он сам вам это подтвердит.

— Ну что ж, — после некоторого раздумья произносит Огинский, — это можно, пожалуй. Уж очень это есть неправдоподобство... Но если только...

— Нет, нет, господин штурмбанфюрер, все точно, как я говорю! Бог свидетель!

— А еще лучше, если вместо бог сам майор Вейцзеккер, — усмехается Огинский.

— Так давайте тогда поедем!..

— Да, придется. Собирайтесь.

— А чего мне собираться? Я готов!

— Ну, тогда пошли в машина. Господин Дыбин! — повышает голос Огинский.

Начальник полиции, видимо подслушивавший под дверью, торопливо входит в комнату.

— Слушаюсь, господин штурмбанфюрер,— замирает он перед Огинским по стойке «смирно».

— Вот что, господин Дыбин: мы сейчас будем поехать с господином Куличев к ваш окружной комиссар, а вы тут останетесь за господин бургомистр.

— Яволь! — ретиво восклицает Дыбин. — И не извольте беспокоиться, все будет в полном порядке.

— Включай мотор, Ганс! — выйдя на улицу, по-немецки командует Азарову Огинский.— Прошу вас, господин бургомистр! — распахивает он заднюю дверцу машины перед Куличевым и садится с ним рядом.

— Счастливого пути, господин штурмбанфюрер! — приложив руку к козырьку фуражки, восклицает Дыбин, как только машина трогается.

— Лебэн зи воль, господин начальник полиция! — отвечает ему Огинский.

ИСПОВЕДЬ КУЛИЧЕВА

Некоторое время они едут молча. А когда машина выезжает за пределы Овражкова, Огинский спрашивает:

— Вейцзеккер, как я понимайт, доверил вам свой план, конечно, по секрет?

— Под строжайшим секретом, господин штурмбанфюрер,— признается Куличев.

— Почему же вы тогда их выбалтывайт?

— Так ведь вам...

— Нет, не только один мне. Не знайт вы разве, что господин Дыбин не будет упустить случай подслушать под дверь?

— Ваша правда... Виноват, господин штурмбанфюрер! Разволновался и совсем забыл об этой привычке начальника полиции. Уж очень обидно было, что вы мне не доверяете. Но это хорошо, что мы едем к господину майору Вейцзеккеру. Уж они-то знают, чего я стою, ибо доверили бы мне разве такое дело? И не только организацию диверсионной школы. Для этого нужно было еще одну операцию провернуть.

— Какую же?

— Поручили мне заслать провокатора в местный партизанский отряд. А я послал туда двух...

— Зачем же двух? Я это не понимаю.

— Первого на явный провал, ибо второй должен был разоблачить его как провокатора, чтобы ему самому потом больше веры было. Это уже я сам, без их, господина Вейцзекера, подсказки...

«Ну и иезуит!» — с отвращением думает Огинский и, с трудом сдерживая негодование, спрашивает:

— А что было поручено первому?

— Первый должен был сообщить о готовящейся против партизан большой карательной экспедиции.

— А второй?

— Второму, для разоблачения первого, поручалось поведать партизанам, что тот ложными сведениями хотел вынудить их уйти из этих мест. И это для того вроде немцам требуется, чтобы партизаны не заинтересовались Пеньками, в которых замышляются будто бы медицинские эксперименты над военнопленными...

— Будто бы?..

— Да не на самом деле. На самом-то деле там, наверно, вообще ничего не будет или для отвода глаз что-нибудь... Зато тут, в Овражкове, начнет создаваться школа железнодорожных диверсантов.

— А когда?

— В самом ближайшем времени. И под мою ответственность, как я вам уже докладывал. До войны, как тоже вам известно, я тут дорожным мастером был, возглавлял путевой околоток. Целых восемнадцать километров главного пути со всеми его искусственными сооружениями были под моим начальством. Кое-что придумал я и для будущей школы. Станция Овражков, как вы знаете, в пяти километрах от города, так я хочу предложить специальную ветку туда проложить...

— Это с какой же целью?

— А чтобы к школе нашей внимания не привлекать. Ветка эта будет вроде для связи с городом, а на самом деле станем мы диверсантов на ней обучать. Для этого нужна ведь железная дорога с настоящим земляным полотном, верхним строением пути и всем прочим. Не на пальцах же объяснять, как выводить из строя рельсовую колею. А если на существующей уже дороге такой практикой заниматься, так это и неудобно, и в глаза кому не следует может броситься.

— Вы есть настоящий хитрец, господин Куличев. Ну, а кто унтеррихтен... кто же преподавать в этой школе будет?

— Я с племяшем моим должен был...

— Почему — должен был?

— Погиб племяш-то... Письмо от зазнобы его из Миргорода сегодня получил. Пишет, что собирался он по моему вызову в Овражков выехать, да не успел. Разбомбили его советские летчики... Жестокие бои там, оказывается, идут, и бомбят они все нещадно. Вот и попала одна из бомб в хату, в которой племяш мой квартировал. Ему бы раньше надо было, а он, видать, Галю свою надеялся уговорить, чтобы вместе с нею... А теперь вот только письмо от нее пришло с фотокарточками Тимофея...

— Оно есть при вас?

— При мне. Надо же, в такой день и такая весть! День моего ангела, именины мои имею в виду. Нате вот, почтайте сами. Даже господину Вейцзеккеру не успел еще доложить, а они большие надежды на племяша моего возлагали. Тимофея ведь помощником паровозного машиниста до войны работал, а на фронте командиром саперного взвода был.

— В советских войсках служил?

— Да уж само собой...

— А какие же еще у вас кадры?

— Остались тут кое-кто из бывших моих бригадиров-пути. Те, которые были не в ладах с Советской властью, и потому на них вполне можно положиться. Я такой списочек подготовил уже господину Вейцзеккеру.

— А они по какой же линии были не в ладах с прежней властью? — любопытствует Огинский.

— Раскулачили их в свое время... Я, между прочим, тоже по этой линии с Советской властью не сошелся. Отбыл срок в дальних краях. Вкалывал там один за троих, показал образцы трудового героизма на прокладке железной дороги через непроходимую тайгу. Заслужил несколько благодарностей, и спустя какое-то время смилиостиились надо мной начальнички, дозволили вернуться в родные края, но уже не на землю, а на железную дорогу. И опять я вкалывал за троих и дослужился до должности дорожного мастера. Тут-то я и пригрел у себя в околотке кое-кого из бывших своих односельчан, тоже вернувшихся из ссылки.

— Ну, а кто же теперь вместо ваш Тимофей будет руководить диверсионной школой?

— Пошлю еще одно письмо в Миргород. Может, и набрехала мне Галина, чтобы Тимофея от себя не отпускать. Я о ее письме никому пока, кроме вас, не сообщал. Даже Дыбину... Бургомистра Миргорода запрошу, пусть он мне лично подтвердит смерть Тимофея, тогда и оповещу о ней и Вейцзекера и Дыбина.

Машина, шедшая все это время по лесной дороге, стремительно вырвалась теперь на открытую местность, пересеченную пологими холмами, между которыми петляет речка Змейка.

— Ну, спасибо вам, господин Куличев, за чистосердечное признание,— строго произносит Огинский уже без всякого акцента, делая Азарову знак сбавить скорость.— Исповедовались ведь вы почти перед самой Советской властью.

— Что-то не понимаю вас, господин штурмбанфюрер...— растерянно улыбается Куличев.

— Не штурмбанфюрер Мюллер,— спокойно поясняет Огинский,— а майор Красной Армии. Остановите машину, товарищ Азаров.

Куличев, полагая, что его сейчас расстреляют, мгновенно покрылся холодным потом. Приказав Азарову связать его, Огинский выходит из машины.

— Надо теперь как-то замечать следы,— негромко говорит Огинский лейтенанту, показав на Куличева.

— А чего мудрить? Я бы этого гада прикончил здесь и выбросил в речку,— предлагает Азаров.

— Нет, Вася, «этот гад» может еще пригодиться нам. У вас есть взрывчатка?

— Я без взрывчатки как без рук,— усмехается Азаров.

— Заминировать мост через Змейку хватит?

— Должно хватить.

— Ну тогда заминируйте его так, чтобы на нем подорвался наш «опель» и рухнул в воду. Мы инсценируем подрыв его на «партизанских минах»...

— Все ясно, товарищ майор! А Куличев с Мюллером будут, значит, жертвами этого взрыва?

— И их шофер Ганс тоже. Жаль только, что нам не известен номер той машины, на которой действительно подорвался Мюллер.

— Как не известен? — смеется Азаров.— Тот же самый номер. Я имею обыкновение снимать номера с тех машин, которые подрываются на моих минах. У меня их целая коллекция. А мюллеровский я к нашему «опелю» приспособил, как только мы с вами в Овражков поехали.

— Молодец! Очень нам теперь это пригодится. А что бы еще для подтверждения их гибели придумать?

— Может быть, мюллеровскую фуражку и шляпу бургомистрабросить на берег?

— Маловато...

— Швырнем еще мой автомат. Он немецкий. Машину они на дне реки найдут, а тела «погибших» могло и течением унести. Река ведь быстрая.

— Ничего больше, пожалуй, не придумаешь,— соглашается Огинский.— Может быть, еще мюллеровский мундир утопить в реке, да так, чтобы он не уплыл?.. Там они и документы штурмбанфюрера обнаружат. Ну, а теперь давайте я помогу вам мост минировать: нужно торопиться.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ В ПЛАНЫ ВЕЙЦЗЕККЕРА

В тот же день вечером майор Вейцзеккер примчался в Овражков и потребовал у начальника полиции подробного доклада обо всем, что тут произошло. Общее представление о событиях минувшего дня он уже имел. Дыбин лично позвонил ему, как только получил сообщение о взорванном мосте через Змейку и обнаруженной на дне реки машине штурмбанфюрера Мюллера.

Выслушав подробный доклад Дыбина, Вейцзеккер вот уже несколько минут молча, подперев голову руками, сидит за письменным столом в служебном кабинете начальника полиции. Затаив дыхание, Дыбин ждет его вопросов, боясь неосторожным движением или скрипом своего стула нарушить раздумье майора.

— А штурмбанфюрер Мюллер каков из себя? — спрашивает наконец Вейцзеккер.— Вы хорошо его рассмотрели?

— Да, господин майор,— уверенно отвечает Дыбин, хотя от страха за свою судьбу вообще старался не смотреть на штурмбанфюрера. К тому же начальник полиции в тот день был не вполне трезв. Да и разглядеть Мюллера было нелегко. Страшная фуражка с черепом была

надвинута на самые глаза штурмбанфюрера. Кроме этого белого черепа на черном фоне оконьша его фуражки, Дыбин вообще ничего не видел.

— Он что, высокий такой, худощавый брюнет, да? — продолжает расспрашивать его Вейцзеккер, хотя и сам видел личного представителя гаулайтера Заукеля, высокомерного штурмбанфюрера СС, всего один раз в жизни и взирал на него с не меньшим, пожалуй, страхом, чем Дыбин. Штурмбанфюрер Мюллер обладал слишком большими полномочиями, чтобы не бояться заглянуть ему в глаза.

— Так точно, господин майор! — не задумываясь, отвечает на вопрос Вейцзеккера начальник полиции.

— А как он разговаривал? На каком языке?

— Больше по-немецки. Русские слова коверкал ужасно. Я даже не все понимал...

«Да, действительно Мюллер в русском был не силен», — вспоминает Вейцзеккер. А как штурмбанфюрер в Овражков попал, его даже не удивило. Он мог поехать куда угодно. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы всемогущий гаулайтер Заукель дал ему такие права. Отчета о своих поездках Мюллер не находил нужным никому давать. И нет ничего удивительного, что он заехал даже в Овражков. С отправкой русской рабочей силы в Германию у них, кажется, большие затруднения. Видно, придрались к чему-то у Куличева. А этот болван со страху мог еще и замысел наш выболтать, так что, может быть, и хорошо, что вовремя отдал он Богу душу?..

— В том, что у вас был именно штурмбанфюрер Мюллер, нет, значит, никаких сомнений? — снова спрашивает Вейцзеккер Дыбина.

— Никаких, господин майор. Я же лично видел его документы...

— Ну, а куда же они поехали? Не сообщили вам разве?

— Никак нет, господин майор. Но думаю, что к вам.

— Только думаете или есть более веские основания для такой догадки?

— Видите ли... — смущенно мнется Дыбин. — Я случайно слышал часть их разговора...

— Подслушали, — уточняет Вейцзеккер.

— Да, но совершенно случайно. Был в другой комнате, а дверь...

— Ну ладно, Дыбин, без подробностей. И что же вы услышали?

— О какой-то школе диверсантов. Но может быть, я и ослышался...

— В общем-то, это и не имеет теперь значения,— прерывает его Вейцзеккер.

— Ну, а тела Мюллера и Куличева, подорвавшихся на партизанских минах, так и не удалось, значит, найти? — помолчав немного, спрашивает Вейцзеккер, хотя Дыбин уже докладывал ему об этом.

— Обшарили все дно в районе того места, господин майор, но никаких следов. Выудили только пилотку шоффера да автомат его. А фуражку господина штурмбанфюрера нашли на берегу. Течение там бешеное, так что трупы их унесло, конечно. Через несколько дней всплынут где-нибудь в нижнем течении.

— А разве могли они из машины выскочить?

— Дверцы не были заклинены, хотя машину изрядно покорежило. Да и лежала она на боку, так что вполне могли вывалиться из нее.

— А может быть, увезли или унесли их с собой партизаны?

— Да разве можно было кому-нибудь из них остаться в живых при таком взрыве? Посмотрели бы вы на машину штурмбанфюрера. Но мы их трупы еще поищем. А может быть, и еще какие-нибудь вещички их обнаружим. Но в том, что это именно господин штурмбанфюрер и наш бургомистр Куличев на партизанской мине подорвались, у меня никаких сомнений...

Вейцзеккер снова надолго умолкает, потом решает посвятить начальника полиции в свой план подготовки железнодорожных диверсантов в Овражкове. Рано или поздно все равно пришлось бы это сделать, если бы даже Куличев и не погиб.

— А как же с партизанами быть? — с тревогой в голосе спрашивает Дыбин, внимательно выслушав Вейцзеккера.— Пока они у нас под боком, никакая школа такого рода работать нормально не сможет. Это уж я точно знаю...

— Партизан отсюда мы уведем. Это я беру на себя. Заинтересуем их другим районом. Покойный Куличев кое-что уже сделал для этого. А сам бы он очень нам пригодился как железнодорожник. Вся надежда теперь на его

племянника Тимофея Стецюка. Куличев ничего вам не говорил о нем?

— О том, что у вас такие планы на него, не говорил, конечно. Но что скоро приехать должен из-под Полтавы, об этом уведомил.

— А вы видели его когда-нибудь?

— Нет, господин майор, не видел. В Овражкове он ни до войны, ни после не был ни разу. А мать этого Тимофея, сестру Куличева, помню. Когда она еще девушкой была, подолгу гостила у своего брата.

— Надо полагать, Тимофея Стецюк прибудет скоро и явится в дом Куличева,— помолчав немного, говорит Вейцеккер.— У покойного бургомистра кто еще из родных остался?

— Да никого. Вдовцом ведь был. А в хоромах его теперь одна только домоуправительница Марфа. С хитрецой бабенка. Видать, большие планы на него имела...

— Ну так вот,— нетерпеливо прерывает разглагольствование Дыбина Вейцеккер,— за этого Тимофея Стецюка отвечаете теперь вы. Примите его и устройте где-нибудь в укромном месте.

— А дом Куличева не подойдет разве?..

— Я же сказал: в укромном месте. Русского языка не понимаете? И никому ни слова, кто он, откуда и с какой целью. Понятно вам это?

— Так точно, господин майор!

— Как только он появится, сразу же дайте мне знать.

— Слушаюсь, господин майор!

И уже в машине, возвращаясь в свою резиденцию, Вейцеккер невесело думает о Дыбине: «Не такой человек мне сейчас нужен. Этот, конечно, слепо исполнит любой мой приказ, но уж очень недалек... А мне бы таких молодцов, как партизанские подрывники, оседлавшие наши железные дороги... С выдумкой, с блеском работают! И никаких для них преград... Вот бы кого к нам завербовать. Может быть, Стецюку это и удастся... А тактикой их неизменно нужно воспользоваться...»

ДЕРЗКИЙ ЗАМЫСЕЛ АЗАРОВА

Они идут следом друг за другом. Впереди Азаров, позади Куличев со связанными за спиной руками, за ним майор Огинский. Дорога к партизанскому отряду лежит густым, труднопроходимым лесом через балки и овраги.

— Развязали бы,— хнычет Куличев,— не сбегу ведь...

— А мы и не потому вовсе,— усмехается Азаров.— Предоставляем тебе возможность побывать в шкуре тех, кого сам не только вязал, но и порол.

— А со мной-то вы что же теперь?..

— Полагалось бы на ближайшем сукు вздернуть,— спокойно говорит Огинский,— да не хотим уподобляться тем, кому вы так верно служили, господин бывший бургомистр.

— Петлю, однако, он давно уже заслужил,— зло замечает Азаров.

— Ох, виноват я, что уж тут говорить, страшно виноват...— стонет Куличев.— Только по советским законам нельзя ведь без суда...

— Вот же негодяй! — возмущается Азаров.— Советские законы вдруг вспомнил!..

— Да, у нас без суда не полагается,— соглашается Огинский.— И судить вас будут, в этом можете не сомневаться. А получите за свои грехи лишь то, что заслужили, не более того.

— Ибо более и не бывает,— смеется Азаров.— На всю катушку заработал.

— Но ведь советский суд справедлив...

— Ишь подлец, о справедливости заговорил! — плюется Азаров.

— Не зачтется разве мое чистосердечное признание и покаяние?

— А ты какой, думаешь, суд тебя будет судить? Специально, что ли, из Москвы прилетит сюда с прокурорами и адвокатами? Сами мы судить тебя будем. Я, майор Огинский, партизаны нашего отряда. А мы все твои грехи и без твоего чистосердечного признания знаем.

— А ты помолчал бы,— неожиданно строго говорит Азарову Куличев.— Молод еще меня учить. И потом; тут постарше тебя начальство есть. Вон товарищ майор, например...

— Не смейте называть меня товарищем! — с яростью, удивившей даже Азарова, кричит Огинский.

— Виноват, гражданин майор,— смиренно поправляется Куличев.— Они, гражданин майор то есть, знают, конечно, что за чистосердечное признание полагается смягчение кары...

— Ну, если только в смысле замены повешения расстрелом, — усмехается Азаров. — Но это тоже смотря в чём покаешься, какие секреты своих хозяев нам поведаешь.

— Не беспокойся, у меня есть что поведать. Они, немцы то есть, многое мне доверяли. А на тебя, мил человек, я не в обиде потому, что молод ты еще и не сдержан на язык. И потому еще, что ты мне племяша моего Тимошку напоминаешь...

— Это того, на которого майор Вейцзеккер такие надежды возлагал? — интересуется Огинский.

— Так точно, гражданин майор! Он с ним схож. И ростом и обличьем даже... Потому и не серчаю я на его неразумные слова.

— Скажите какой добренький! — смеется Азаров. — А ты, между прочим, знаешь, на кого похож?..

— Ну ладно, Азаров, — недовольно прерывает его Огинский. — Хватит вам! А вы вот что мне объясните, Куличев: как вам удалось Васяткина завербовать?

— Заподозрили мы его с Дыбиным в связи с партизанами, ну и допросили с применением кое-каких методов, позаимствованных у гестапо. Он и не выдержал... С тех пор стал на нас работать.

— А как вы его к партизанам забросили?

— Для того чтобы снова забрать его в полицию, нам, как вы и сами понимаете, никакого повода не требовалось. Это у нас запросто... Ну, а « побег» его к партизанам удалось с помощью находившегося у нас под подозрением полицейского Ерохина организовать. Дали ему возможность «упустить» Васяткина. О замысле нашем он, конечно, ничего не ведал. На другой день Дыбин ему долго «мозги вправлял». Пригрозил даже не только из полиции выставить, но и гестапо передать.

— А почему же вы не осуществили этого на самом деле, раз вам ясно стало, кто такой Ерохин?

— Чтобы партизан не настораживать. И еще одна идеяка у нас родилась — ложными слухами вас через него снабжать... Может быть, развязете руки-то?

— Развяжите его, Азаров! — приказывает Огинский.

Азаров неохотно выполняет его распоряжение, незаметно для майора дав при этом Куличеву пинка под зад.

— Премного тебе за это благодарен, — не без скрытой иронии замечает ему Куличев и, обернувшись к Огин-

скому, сообщает: — Между прочим, Васяткин этот имеет от нас задание завлечь вас в ловушку, как только вы изпод Овражкова сниметесь и в район Пеньков станете перебазироваться. Поимейте это в виду...

— Наконец-то! — радостно встречает их командир партизанского отряда.— И слава богу, как говорится, что живы-здоровы!..

— Да еще и с господином бургомистром к тому же,— посмеивается Азаров.

— Никогда еще не волновался за вас так...

— Что мы, маленькие, что ли,— улыбается Огинский.

— Не знаю даже, что бы со мной было, если бы с вами что произошло. Только вы уехали — радиограмма из штаба партизанского движения: «Срочно отправить на Большую землю в распоряжение начальника инженерных войск фронта майора Огинского. В двадцать четыре ноль-ноль приготовить посадочную площадку в квадрате ноль один двадцать два». Ну, что бы я делал, если бы вы не вернулись или хотя бы только задержались? Имел разве я право разрешить вам участвовать в этой операции?

— Участвовал же я у вас до этого в других операциях... — удивленно пожимает плечами Огинский.

— Ну, во-первых, в таких рискованных не участвовали. А во-вторых, не знал я, что вы доктор наук, крупный специалист по взрывчатым веществам.

— Никакой я не доктор, а всего лишь кандидат технических наук,— смущенно улыбается Огинский.— И вообще не такой уж крупный специалист...

— Ну так вот, дорогой майор Огинский, позвольте мне вас поздравить с присвоением вам ученой степени доктора технических наук за ваши предвоенные труды по детонации взрывчатых веществ и расчеты по изготовлению кумулятивных зарядов.

С этими словами командир крепко обнимает Огинского и звонко целует.

— Откуда это известно? — спрашивает Огинский.

— Ваш друг, подполковник Бурсов, весточку нам прислал. Спешил вас порадовать. Вы скоро с ним увидитесь. Он в штабе инженерных войск армии генерала Светлякова. Не без его участия, конечно, стало известно штабу фрон-

та, что вы находитесь в моем отряде. Рад я за вас, но расставаться с вами, право, жаль...

Счастливого Огинского тепло поздравляют комиссар и все его партизанские друзья. Последним обнимает его лейтенант Азаров.

— Чертовски привык я к вам, Евгений Александрович,— говорит он растроганно.— Очень будет мне вас недоставать...

— А знаете что? — восклицает вдруг Огинский, осененный неожиданной мыслью.— Я вас с собой заберу! Под свою ответственность. Надеюсь, в самолете хватит места для нас двоих.

— Нет, Евгений Александрович, спасибо вам, но я повоюю еще здесь. Надо сначала тут сделать что-нибудь существенное.

— Да разве ж вы...

— Нет, нет, Евгений Александрович, ничего я такого пока не сделал. А теперь представляется возможность... Знаете, какая идея меня осенила? Хочу к Вейцзеккеру явиться под видом племянника Куличева.

— Да вы что?.. Это же безумие!

— Почему же безумие? Нормальная партизанская дерзость. Во всяком случае, риску тут не больше, чем в той операции, которую только что так блестяще завершили вы.

— Ну, во-первых, не я, а мы,— поправляет его Огинский.— А во-вторых, как это взбрела вам в голову такая отчаянная мысль?

— Это только на первый взгляд кажется она отчаянной,— спокойно объясняет Азаров.— А на самом-то деле для ее осуществления нарочно не придумаешь более благоприятных обстоятельств. Давайте только присядем где-нибудь, Евгений Александрович, и спокойненько все обсудим.

— Идемте тогда в мою землянку. У меня, кстати, есть, кажется, что-то во фляге, и мы выпьем с вами по чарке за новоиспеченного доктора наук.

Они спускаются в небольшую, лично Огинским сооруженную землянку, и майор действительно обнаруживает в своей фляге несколько глотков водки.

— А теперь слушайте меня внимательно,— просит Азаров.— Я очень надеюсь, что вы потом поможете мне

уговорить командира. Он с вашим мнением очень считается.

Они устраиваются на жесткой койке Огинского. И еще до того как Азаров начинает излагать свои доводы, майор уже почти не сомневается, что лейтенант без особого труда уговорит его.

Наверно, кому-нибудь другому не сразу пришла бы в голову подобная идея, а у Азарова возникла она мгновенно. Майор Огинский не очень даже этому удивился.

— Вы сами сейчас увидите, как благоприятно складывается для нас ситуация, товарищ майор, — деловито, будто все уже давным-давно им продумано, рассуждает Азаров. — Вейцзеккер, как вам известно, затеял создать школу железнодорожных диверсантов, чтобы хоть что-то противопоставить нашей партизанской «рельсовой войне». Но собственного опыта в ведении такой войны у немцев нет. Вся надежда, стало быть, на наш. Ну, а кто же может поделиться с ними этим опытом? Конечно же, бывший лейтенант советских инженерных войск Стецюк. Им, правда, неизвестно, сведущ ли Стецюк в делах такого рода, но они не могут не знать, что подрывному делу обучают партизан наши кадровые офицеры-подрывники. Значит, интерес Вейцзеккера к племяннику Куличева, Тимофею Стецюку, совершенно очевиден.

Майор Огинский не находит достаточно веских возражений, и лейтенант Азаров продолжает:

— Пойдем теперь дальше. О том, что Стецюк погиб, не только Вейцзеккеру, но и вообще никому не известно. Это тоже не должно вызывать у нас сомнений...

— Но ведь усомнился почему-то Куличев.

— Любил, видно, племянника, вот и не хотел поверить Галининому письму. А может быть, и для перестраховки... Чтобы не Галина, а сам бургомистр Миргорода засвидетельствовал его смерть. Боялся, что Вейцзеккер не поверит письму Галины.

— А не может разве сам Вейцзеккер сделать такой запрос в Миргород, как только явитесь вы в Овражков, чтобы убедиться, тот ли вы человек, за которого себя выдаете? Если не бургомистр, то Галина могла бы дать им точное описание подлинного Тимофея Стецюка.

— А вы последнюю сводку слыхали? Наши войска заняли уже не только Миргород, но и Полтаву.

— Она могла эвакуироваться...

— Едва ли. Я внимательно прочел письмо ее Куличеву и понял из него, что Тимофей Галиной взаимностью не пользовался. Да и Куличев мне рассказал, что на неоднократные просьбы Тимофея уехать вместе с ним в Овражков или в какой-нибудь другой город она упорно не соглашалась. Я даже думаю, что дезертир Стецюк был ей просто противен, но написать это его дяде, немецкому холую Куличеву, она, конечно, не рискнула.

— Со всем согласен, кроме последнего предположения,— замечает Огинский.— В нем слишком большая доза домысла, хотя весьма вероятно, что Галя действительно осталась в Миргороде или погибла во время боев за этот город...

— А что же вам еще? Больше нам ничего и не надо. Паспорт Стецюка с моей фотографической карточкой и всеми отметками немецких комендатур любого города мы изготовим не хуже, чем сами немцы. А став инструктором немецкой диверсионной школы, сами понимаете, что я там у них натворю!

В этом у майора Огинского нет ни малейших сомнений. Он хорошо знает, на что способен лейтенант Азаров.

— Но ведь вас видели сегодня в Овражкове вместе со мною,— высказывает Огинский последнее свое опасение.

— А кто? Тупица полицай, который смотрел не столько на меня, сколько на мою и с еще большим трепетом на вашу эсэсовскую форму? А гости Куличева были пьяны, к тому же никто из них не выходил на улицу. Торчали все время на дворе куличевского дома. Да и я не выходил из машины, так что разглядеть меня никто не мог. И потом, кому же придет в голову догадка, что «погибший» шофер штурмбанфюрера Мюллера и племянник Куличева одно и то же лицо?

— Ну, а если они усомнятся в гибели Мюллера и Куличева?

— Тогда другое дело. Тогда операцию эту труднее будет осуществить. Но это мы узнаем завтра у Ерохина.

— Вряд ли Ерохин сможет нам теперь чем-нибудь помочь, раз он у них на подозрении. Его самого нужно было об этом предупредить.

— Это само собой. Я об этом уже сообщил начальнику штаба. Но у нас в Овражкове и кроме него есть люди.

Даже среди администрации городской управы. Через них мы и получим необходимую информацию.

— Похоже, что обстановка и в самом деле благоприятная,— задумчиво говорит Огинский.— А на самом-то деле, сколько там может оказаться непредвиденного? Да вот хотя бы то обстоятельство, что Стецюк был помощником паровозного машиниста...

— Понимаю ваше опасение, товарищ майор. А я до войны техником паровозного депо работал и знаю паровоз лучше Стецюка. Ну, так как — благословляете вы меня на это дело?

— Благословляю! — решительно протягивает руку Азарову майор Огинский.

— И еще есть у меня одна идея,— добавляет Азаров.— Суд над Куличевым устроить не в партизанском отряде, а в самом Овражкове. Сделать неожиданный налет на город, уничтожить полицию и судить бывшего бургомистра Овражкова на центральной его площади при стечении всех многострадальных его граждан.

— Ну, это уж вы, как говорится, загнули! — смеется Огинский.— Нет, уж вы лучше выспросите Куличева по подробнее о его племяннике, а о судебном процессе над бургомистром пусть подумают командир с комиссаром. Во всем остальном я готов вас поддержать.

«НАСЛЕДНИК» БУРГОМИСТРА КУЛИЧЕВА

Дверь Азарову открывает Марфа. На вид ей лет сорок. Открыв дверь, она долго смотрит на Азарова испытующим взглядом.

На нем серый пиджак, под ним холщовая рубаха не первой свежести. Просторные брюки неопределенного цвета заправлены в широкие голенища немецких солдатских сапог. За плечами тонкий сидор — вещевой мешок.

— Тимофея? — не очень уверенно произносит наконец Марфа.

— Он самый,— отвечает Азаров, слегка наклонив голову.— Как это вы меня узнали?

— Схож с описанием, которое от дяди твоего слыхала. Что бы тебе несколькими днями раньше...

И вдруг умолкает, подавляя подступившее к горлу рыдание. Но дрогнувшие было полные губы ее тотчас же расплываются в приветливой улыбке.

— Ну, заходи, заходи, Тимофей Богданыч, чего остановился-то? Твой теперь дом-то.

— То есть как это мой? — удивляется «Тимофей».

— А так,— загадочно произносит Марфа.— Сам потом узнаешь.

— А дядя Миша где же?

— Сейчас я за господином Дыбиным сбегаю, он тебе все объяснит. А ты пока располагайся тут, отдыхай...

И она торопливо уходит.

«К начальнику полиции помчалась,— не без волнения думает Азаров.— Похоже, однако, ни в чем пока меня не заподозрила. Как-то теперь Дыбин меня встретит?.. Надо, пожалуй, разуться и вообще держаться попроще, будто и в самом деле в доме родного дяди...»

Сбросив сапоги, он остался в одних носках с дыркой на большом пальце правой ноги. Прохаживаясь по пестрым половикам, аккуратно расстеленным по крашеному полу, осматривает добротный стол, покрытый кружевной скатертью, огромный пузатый комод, уставленный множеством безвкусных безделушек. На стенах картины, писанные маслом. Похоже, что подлинники каких-то неизвестных Азарову художников. Реквизированы, конечно, у кого-то из интеллигентных горожан. Вдоль стен тяжелые дубовые кресла. На окнах герань, петуны и еще какие-то цветы. В углу в кадке фикус почти до самого потолка.

Во второй комнате такая же громоздкая мебель и старинный, окованный медными планками сундук. Всего в доме четыре просторные комнаты и кухня с плитой и большим рукомойником над эмалированным тазом.

«Ну что ж,— невесело думает Азаров,— будем и в самом деле как у себя дома, коль я единственный наследник «покойного» бургомистра...»

На улице давно уже сумерки, в доме полумрак. Азаров включает на кухне свет, снимает пиджак и рубаху. Доливает воду в рукомойник.

А в коридоре уже слышатся чьи-то шаги и голос Марфы:

— Осторожненько, Егор Дормидонтыч, вы всегда тут спотыкаетесь. Надо бы доску сменить...

— Теперь этим молодой хозяин займется, — посмеивается Дыбин, отворяя дверь в прихожую и с любопытством заглядывая на кухню.

Азаров, обнаженный по пояс, усердно звякает рукомойником, разбрызгивая воду по всей кухне.

— С прибытием вас, Тимофей... не знаю, как по батюшке, — басисто произносит Дыбин.

— Богданыч, — подсказывает Марфа.

— Здравия желаю! — по-военному через левое плечо повернувшись к Дыбину, бодро отзыается Азаров, застыв в стойке «смирно».

— Ты вот что, Марфа, приготовь-ка нам чего-нибудь перекусить, — по-хозяйски распоряжается Дыбин.

— Это я мигом, Егор Дормидонтыч. А вы в горницу пожалуйте да присаживайтесь к столу.

Азаров торопливо вытирается поданным Марфой полотенцем и идет вслед за Дыбиным в соседнюю комнату. Не ожидая вопросов начальника полиции, он достает из пиджака бумажник, а из него паспорт. Протягивает его Дыбину.

— А это уж ни к чему, раз Марфа вас признала, — добродушно посмеивается начальник полиции, однако паспорт берет и внимательно его рассматривает. — Сколько же вы с дядей-то не виделись? Лет небось пять или и того более? Вот бы порадовали старика. Да жаль, не дождался он этой встречи...

— Почему — не дождался? — удивляется «Тимофей» — Уехал разве куда?

— Ох, Тимофей Богданыч, — тяжело вздыхает Дыбин, — туда уехал, откуда и не вертаются, царство ему небесное...

«Тимофей» некоторое время стоит безмолвно, с широко раскрытым ртом. Из кухни слышится приглушенное рыдание Марфы.

— Да как же так?.. — с трудом произносит наконец убитый горем «племянник».

— А вот так — был, да, как говорится, весь вышел. Партизаны его...

— У, гады! — скрипит зубами «Тимофей». — Ну погодите, я с вами за это!..

— Будет у тебя такая возможность,— по-отечески переходил на «ты» Дыбин.— Садись за стол, помянем душу усопшего. Лучшим другом он мне был...

— Но как же так все-таки... И когда?

— А вот выльем сейчас по чарке, и я тебе обо всем поведаю. А ты, Марфа, пошла бы прошлась перед сном или соседку навестила. А мы тут и сами управимся. Я, чай, не первый день в сим доме, знаю где что.

Когда Марфа уходит, Дыбин поясняет:

— Нужно было выставить ее, потому как разговор у нас будет не только серьезный, но и секретный. Но сначала о гибели дяди твоего, Куличева.

И он рассказывает, как партизаны заминировали мост через реку Змейку и как подорвался на нем «опель» штурмбанфюрера Мюллера вместе с находившимся в нем бургомистром Куличевым. Не уточняет только, почему Куличев оказался в машине Мюллера. Лишь замечает вскользь: «Ездили за город по делам службы...»

А «Тимофей», выслушав рассказ Дыбина, снова яростно скрипит зубами и грохает кулаком по столу.

— Ну, еще по одной за упокой его души и зайдемся делом,— поднимает свою стопку Дыбин. Выпив, продолжает: — Дядя тебе ничего не писал, зачем в Овражков так усердно звал?

— Намекал только, что предстоит заняться каким-то серьезным делом, а каким, можно было лишь догадываться...

— Оно и понятно: в письме про то не напишешь. А дело, Тимофей, такого рода: большой немецкий начальник, майор Вейцеккер, хочет поручить тебе подготовку подрывников, которые потом должны будут пошаливать в советских тылах на их прифронтовых железных дорогах. Если возьмешься за такое дело — будет это лучшей твоей расплатой за смерть дяди. Как ты насчет этого?

— Что за вопрос, Егор Дормидонович! У меня с ними и помимо дяди есть за что посчитаться. Давно об этом мечтал.

— Ну, тогда слушай дальше. Я сегодня доложу майору Вейцеккеру по телефону о твоем прибытии, и не позже чем завтра он непременно сюда приедет, так что ты будь к этому готов. С ним вы и уточните все детали организации школы диверсантов. А потом замысел его будем мы с тобой сообща осуществлять, ибо я тут, к твоему све-

дению, начальник местной полиции. К тому же на меня теперь временно обязанности бургомистра возложены.

Закусив соленым огурцом и куском ветчины, Дыбин наливает еще по стопке, чокается с «Тимофеем» и выпивает, смачно крякнув от удовольствия.

— Ну, все теперь — более трех в рабочее время не принимаю. А рабочее время у меня до поздней ночи. Продолжим наш разговор о школе диверсантов. Были в связи с этим кое- какие мысли у дяди твоего. Я тебе сейчас пришлю папку с его бумагами, там должна быть копия его докладной майору Вейцзеккеру. Ты с нею познакомься. И вообще полистай его архив, может, и еще что нужное там найдешь. После гибели дяди твоего я бумаги его из всех столов выгреб, да времени пока не было в них разобраться. А ты этим немедленно займись.

— Слушаюсь, Егор Дормидонович!

Дыбин тяжело встает из-за стола и идет к вешалке за фуражкой. Прощаясь, советует:

— Дом этот на тебя потом по всем правилам оформим как на законного наследника. А Марфу ты не выгоняй. Пусть пока ведет твоё хозяйство. Баба она работящая и благонадежная. А у тебя, видать, со сватовством твоим в Миргороде так ничего и не вышло?

— Не приняла руки моей Галина, — тяжело вздыхает «Тимофей». — Я, однако, не теряю надежды...

— А может, тем временем и из наших овражковских девиц какая приглянется, — усмехается Дыбин. — У нас их тут на любой вкус, так что по хохлушке своей особенно не горюй.

«Тимофей» в ответ на это лишь сокрушенно вздыхает.

А спустя четверть часа какой-то полицай через вернувшуюся к тому времени Марфу передал Азарову папку с архивом Куличева.

Разбирай беспорядочно сложенные в нее бумаги, Азаров вскоре нашел копию той докладной Куличева, о которой говорил ему Дыбин, и тщательно изучил ее содержание. А когда принялся за просмотр остальных бумаг, обнаружил среди прочих письмо и конверт с обратным адресом: «Миргород, улица Шевченко, дом 19, Степюк Тимофей Богданович»...

У Азарова даже лоб взмок от волнения. Вот ведь на чем мог бы погореть! Как же ни он, ни те, кто готовили его к этой операции, не подумали о возможности существова-

ния такого письма? А может быть, и не одного... Нужно будет поискать повнимательней. Ведь стоит только Дыбину или майору Вейцзеккеру сличить его почерк с этим, как все станет ясным.

Но что же делать теперь? Уничтожить это письмо? А если Дыбин видел его и читал?.. Да, похоже, что читал. В нем Тимофей изливает дяде душу, повествуя о безнадежной любви своей к Галине...

Марфа давно спит уже — из смежной комнаты слышится ее равномерное похрапывание. А Азаров все ходит по мягкому половику, безуспешно размышляя над трудной задачей...

СТЕЦЮК-АЗАРОВ ПРИСТУПАЕТ К СВОИМ ОБЯЗАННОСТАМ

Майор Вейцзеккер действительно приехал рано утром на другой день, и Дыбин сразу послал за Азаровым.

Они встретились в кабинете начальника полиции, и майор Вейцзеккер остался доволен внешним видом «Тимофея Стецюка». Его ответы на вопросы тоже вполне удовлетворили Вейцзеккера.

— А теперь я хотел бы послушать ваши собственные соображения и предложения, — говорит он Азарову.

— А можно мне сначала задать вам несколько вопросов, господин майор? — спрашивает Азаров.

— Да, пожалуйста.

— Начали ли уже строить железнодорожную ветку?

— Начали, но это будет не настоящая ветка. Будет называться так только для отвода глаз. Нам необходим лишь участок железнодорожного полотна для проведения практических занятий с курсантами.

— Но примкнуть ее к настоящей железнодорожной магистрали все-таки придется.

— А зачем?

— Для того чтобы подать на учебный участок паровоз и вагоны. Должны же диверсанты уметь минировать не только рельсы и верхнее строение железнодорожного пути, но и подвижной состав?

— Да, конечно, это очень дальняя мысль. С этим я согласен и подумаю, что можно будет предпринять. Вам надо сегодня же побывать на строительстве и подсказать, что еще нужно нам учесть.

— А учесть нужно многое. На этой ветке должны быть все элементы земляного полотна нормальной железной дороги. Особенно же выемки и насыпи, на которых эффективнее всего ставить мины.

— О, это мы слишком хорошо знаем по опыту диверсий местных партизан! — воскликнул Вейцеккер.— А каким методом вы намерены подрывать?

— Я надеюсь, вы снабдите нас фабричными минами, и нам не придется прибегать к самодельным, типа «МУВ на шомполе». Надеюсь, вы знаете, что это такое, господин майор?

— Мне приходится бороться с саботажем местных жителей, мобилизованных для работы на железной дороге, и расследовать крушения поездов. В моем распоряжении есть, конечно, технические специалисты, но я и сам неплохо в этом разбираюсь,— самодовольно улыбается майор Вейцеккер.— Вы учтите это и имейте в виду, что меня нелегко будет провести.

— Не понимаю вас, господин майор,— удивляется Азаров.— Выходит, что вы не очень мне доверяете?..

— Я шучу, шучу, господин Стецюк,— смеется Вейцеккер.— Стал бы я разве говорить вам об этом, если бы не доверял? Да, я очень хорошо знаю все заводские и самодельные мины русских партизан. И «МУВ на шомполе», и «ВПФ на палочке», и различные «Колесные замыкатели» мне уже известны. Но мы снабдим вас нашими минами промышленного изготовления. Вы ведь офицер инженерных войск и должны знать, кроме советских, наши, немецкие подрывные средства.

— Яволь, господин майор! Этому нас учили, да я и сам интересовался.

— А известны ли вам наши мины замедленного действия?

— Вы имеёте в виду поездные? С одной нас знакомили в саперном батальоне, в котором я служил. С той, что замедляется до двадцати одних суток и имеет элемент неизвлечаемости. Она безотказна в работе...

— Как и вообще вся немецкая техника! Но я думаю, что нам не следует пользоваться минами замедленного действия, несмотря на всю их надежность. Опыт советских партизан, который мы внимательно изучаем, свидетельствует о наибольшем успехе управляемых мин. А почему, господин Стецюк?

— Уж это-то яснее ясного, господин майор. Неуправляемая мина взорвётся ведь под любым паровозом, как только сработает ее часовой механизм. А управляемая по выбору, по воле минера-диверсанта. А он выберет только тот, который...

— Правильно, господин Стецюк! Мы, однако, не имеем пока возможности пользоваться всеми теми способами, какие применяют партизаны. Они держат под угрозой чуть ли не каждый километр нашего рельсового пути и изобретают все более изощренные средства его разрушения. У нас, к сожалению, нет еще такого количества диверсантов, поэтому мы должны выбирать лишь самые эффективные методы подрываания советских воинских поездов. Следовательно, пока только с помощью управляемых мин.

— Но для этого, господин майор, потребуются очень смелые, самоотверженные подрывники,— осторожно замечает Азаров.— Ведь нужно будет сидеть в засаде у самого железнодорожного пути и выдергивать чеку из взрывателя только в тот момент, когда паровоз поравняется с вами. А по путям ходят охрана... И даже когда произойдет крушение, не все же погибнут. Оставшиеся в живых сразу же начнут прочесывать местность...

— Знаю, знаю! — смеется Вейцзеккер.— Мы сами это делаем. Потому-то и нужны нам такие надежные люди, как вы.

— А во мне почему так уверены?..

— Опыт и интуиция,— снова смеется Вейцзеккер.— А попросту говоря — нюх. Я ведь за время войны не одного предателя разоблачил и отправил куда следует, а точнее — на тот свет.

— С предателями разговор, конечно, короткий,— соглашается Азаров.— Но неудачи при осуществлении диверсий и оттого еще будут происходить, что кое у кого нервы могут подвести...

— А для меня трус и предатель — одно и то же,— жестко говорит майор, решительно вставая из-за стола.— Ну, на сегодня все! Господин Дыбин отвезет вас после обеда на строительство ветки, и вы там ко всему по-хозяйски присмотритесь. А пока идите отдыхать. Где, кстати, вы его устроили, господин начальник полиции?

— Пока в доме Куличева, господин майор. И вообще, по-моему, там лучше всего. На легальном положении,

так сказать... И ведь это естественно — родной племянник Куличева, прямой наследник его имущества...

— Ну ладно! — прерывает его Вейцеккер. — Пусть пока живет там. Обеспечьте только ему охрану. Я не задерживаю вас более, господин Стецюк.

Как только Стецюк-Азаров ушел, Вейцеккер спросил начальника полиции:

— Вы не знаете, господин Дыбин, не сохранилось ли среди бумаг Куличева какого-нибудь письма, присланного Стецюком своему дяде из Миргорода?

— Одно, помнится, обнаружилось в архиве покойного,

— Ну так пришлите его мне. А Стецюку дайте написать какую-нибудь заявку и обязательно расписаться.

— Понимаю вас, господин майор. Он, значит, вызвал у вас подозрение...

— Наоборот — произвел очень хорошее впечатление, но, как говорится, доверяй, да проверяй.

— Тоже понятно, господин майор. Я дам ему заполнить анкету по учету кадров.

— Я же сказал вам — пусть напишет какую-нибудь заявку. На необходи́мую для обучения диверсантов взрывчатку, например. И никаких анкет. Пусть считает, что он у нас вне подозрений.

После сытного обеда, приготовленного Марфой, Азаров в сопровождении Дыбина выехал на его персональной машине к месту прокладки железнодорожной ветки. Так как ни подводить ее к городу, ни присоединять к главной магистрали не предполагалось, строительство велось на полпути между станцией и городом, километрах в трех от Овражкова.

Сделано пока немногое. Главным образом — земляное полотно, которое должно послужить основанием для верхнего строения пути. Из механизмов тут только тракторный скрепер да грейдер-элеватор. На работе занято всего человек двадцать пять.

— Из тех, что в твоей школе будут, здесь лишь пятеро пока, — сообщает Азарову Дыбин, кивая в сторону рабочих. — Я тебя с ними сейчас познакомлю.

— А они знают уже про эту школу?

— Я наметил их по списку твоего дяди, но с ними будет еще Вейцеккер беседовать, и они пока о школе этой ничего не ведают. Так что смотри не проговорись. Может, Вейцеккер еще и забракует кого-нибудь из них,

— А работенка тут, я вижу, не очень ударная,— скептически замечает Азаров.— Да и техники почти никакой.

— Вся техника на восстановлении главной магистрали. Партизаны ковыряют ведь ее денно и нощно. Но Вейцзеккер пообещал все же одноковшовый экскаватор завтра прислать. А ты, кстати, набросай заявку на необходимые механизмы, а главное — на взрывчатку, чтобы она у нас заранее была припасена. С нею нынче тоже не легко.

— Ладно, это я сделаю, когда вернемся. А сейчас вы меня познакомьте с будущими курсантами, но не со всей пятеркой, а лишь с тем, кого считаете самым бесспорным. Хочу иметь представление, что тут у вас за народ. А с остальными уже потом, когда майор Вейцзеккер их утвердит.

— Пожалуй, это верно,— одобряет Дыбин.— Ты, я вижу, мужик осторожный. Никиту Комолова я тебе сейчас представлю. Он в путевом околотке дяди твоего до войны бригадиром был. Потом Комолова в армию мобилизовали, а Никита оттуда драпанул вроде тебя. Да еще и застрелил кого-то из своих командиров, так что ему от Советской власти нечего ждать пощады. Тем более что один раз его уже пощадили: амнистировали за два года до отбытия полного срока за разбой. Он, правда, вкалывал в лагерях один за троих, это уж я точно знаю.

— Каким же образом? — удивляется Азаров.

— Внушил ты мне доверие, Тимофей, потому не утаю от тебя, что вместе мы с ним срок отбывали. А за что — не спрашивай. То есть он-то за разбой, а я по другой статье и по иному делу... Вон, кстати, и Никишка нас заприметил, спешит с докладом. Я его бригадиром тут определил по довоенной специальности.

— А, господин полицмейстер! — озорно кричит Комолов, протягивая Дыбину свою здоровенную, выпачканную землей пятерню.— Здравия желаем! Ну и работенку ты мне удружили. Целый день на сплошном пекле, да и работнички, прямо надо сказать, не стахановцы. К тому же еще и пропойцы. И черт их знает, где они самогон достают!..

— А ты, видать, у них за дегустатора? — укоризненно покачал головой Дыбин.— А что, если бы я сюда с господином Вейцзеккером прибыл? От тебя ведь за версту несет.

— А ты меня лучше на другую работу устрой. Возьми к себе в городовые... Или еще куда, а тут я вконец сопьюсь.

Подносят ведь, гады, а у меня силы нет отка-
заться.

— Потерпи еще малость, настоящим делом скоро займешься. Познакомься вот с племянником покойного Куличева, Тимофеем Стецюком, бывшим лейтенантом Красной Армии. Может, под его начальством служить придется.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант! — приложив руку к полям соломенной шляпы, рявкнул Комолов.

— Да ты что, совсем спятил? — рассердился Дыбин.— Какой он «товарищ»? Иди-ка проспись где-нибудь в холдке и моли бога, что господин Вейцеккер тебя не видел и не слышал. А то бы тебя... — Он опасливо оглянулся.— Ну что ты с ним будешь делать! — сокрушенно вздохнул Дыбин, как только, пошатываясь, ушел Комолов.— Не понимают ведь, паразиты, что я их от немецкого начальства оберегаю. Будь бы над ними хоть какой-нибудь захудалый немецкий унтер, он бы им показал, как нужно работать...

— А им и надо это показать, — раздраженно замечает Азаров.— Разве ж это работа? И вы хотите таких людей рекомендовать в школу? Нет уж, подбором кадров для нее придется, видно, заняться мне самому, если, конечно, господин майор Вейцеккер мне это доверит. А вам мой совет — не рекомендуйте вы ему этого Комолова. Не годится он для такого серьезного дела, как диверсии в тылу победно наступающей Красной Армии. Для этого нам нужны идейные враги Советской власти, а не уголовники, которым дорога лишь собственная шкура.

— И опять ты прав, Тимофей, — тяжело вздыхает Дыбин.— Спасибо тебе за совет...

ВЕЙЦЕККЕР ВСЕ ЕЩЕ ПРОВЕРЯЕТ СТЕЦЮКА-АЗАРОВА

На другой день Вейцеккер сам побывал на строительстве железнодорожной ветки и лично беседовал с кандидатами в школу диверсантов. Вернулся он очень недовольный результатами своей инспекции.

— Что же это такое, господин Дыбин? — сурово отчитывает он начальника полиции.— Разве это работа? Это черт знает что, а не работа! С завтрашнего дня гнать всех в шею! Набрать новых! Где взять? Я тоже не знаю где, но завтра же полный штат строительных рабочих должен быть налицо; мобилизуйте на это всех трудоспособных жителей

вашего города, в крайнем случае выгоняйте на трассу своих бездельников полицейских. Хоть раз в жизни пошевелите мозгами, господин Дыбин!..

Дыбин никогда еще не видел Вейцзеккера таким разъяренным.

Он стоит перед майором по стойке «смирно» и механически бормочет:

— Виноват... Виноват, господин майор... Завтра же будет сделано, господин майор...

— Ну что вы заладили: «виноват», «будет сделано»? — все еще негодует Вейцзеккер. — Что будет сделано? Когда будет сделано? Да разве к завтрашнему дню возможно это, будь вы даже талантливейшим организатором? А вы ведь никакой не организатор, а... Ну да ладно, не буду вам говорить, кто вы такой, — презрительно машет рукой Вейцзеккер. — Идите, господин Дыбин, и действуйте!

У него сегодня вообще тяжелый день. Ночью партизаны снова пустили под откос два воинских эшелона. Черт их знает, как они ухитряются это делать! Местность по обе стороны дороги шириной до ста метров расчищена от кустарника. Мало того, начальник тылового района группы армий «Центр» приказал еще и жителей выселить с двухкилометровой полосы каждой стороны дороги. А разве это помогло? Партизаны ухитрились сегодня пустить под откос эшелон даже на таком участке, на котором построено пять укреплений через каждые два километра с гарнизонами по шестьдесят человек. На том же участке сооружены еще и сторожевые вышки с пулеметами на всех переездах через дорогу.

А на восстановительных работах по ликвидации последствий этих крушений снова саботаж! И никакие репрессии не помогают. Видно, прав скептик Бауэр, инженер главной железнодорожной дирекции группы армий «Центр», сказав сегодня сгоряча, что все лучшие, кто остались на оккупированной нами территории, ушли в партизаны, а подонки, пошедшие к нам в услужение, ни на что не годятся. Когда-нибудь доведет Бауэра его язык до гестапо. Его бы, пожалуй, давно уже забрали, если бы не заступничество уполномоченного по военным перевозкам, считающего Бауэра незаменимым специалистом.

А этот болван Дыбин все еще стоит перед ним столбом. Похоже, что даже дар речи потерял. В его преданности нет, конечно, сомнений, но ведь дуб дубом...

— Ну, а что за публику вы подобрали для школы? — снова обращается к нему Вейцзеккер уже более спокойно.— Один Яценко, может быть, еще годится, а остальные просто шпана. Я не против уголовников, если уж нет ничего другого, но давайте тогда таких, у которых голова варит, а не пропойц. Нам не только отчаянность, но и сообразительность потребуется.

— Среди тех, кого я порекомендовал, не все ведь уголовники... — пытается оправдаться Дыбин.

Но Вейцзеккер раздраженно перебивает его:

— Я же вам сказал: пусть будут хоть уголовники, лишь бы толковые и не трусы. А эти дрожат передо мной от страха. Какие же из них диверсанты?

— Заробели слегка перед большим начальством — это же естественно, господин майор...

— А там, в советском тылу, не будут разве робеть? Это ведь просто чудо, что к нам попал такой стоящий человек, как Степюк.

— С почерком его все, значит, в порядке?..

— Да, с этим благополучно. Почек его. Но разве в этом только дело? Не верится, чтобы такой толковый человек... В общем, нужно его еще раз проверить...

Вейцзеккер согласовывает свой замысел с начальством, и оно не возражает.

А вечером он неожиданно подъехал к дому Куличева в тот самый момент, когда Азаров уже собрался ложиться спать.

— Вы извините меня, Тимофей Богданович, но у меня к вам неотложное дело.

— Слушаю вас, господин майор...

— Вы сами понимаете, что до создания школы диверсантов еще довольно далеко. А обстановка на фронте не из приятных. На нашем участке особенно. Не давая нам передышки, советские войска рвутся на Запад. Ценой больших жертв и усилий мы их приостановили на какое-то время, но они подбрасывают свежие силы. И не только по железной дороге, но и по шоссейным. Вот взгляните на карту.

Он расстилает на столе крупномасштабную карту и кратко знакомит Азарова с обстановкой.

— В такой ситуации целесообразно было бы взорвать этот или вот этот железнодорожный мост,— тычет он пальцем в обведенные красным карандашом участки карты.—

Но поскольку мы все еще надеемся, что нам удастся организовать школу железнодорожных диверсантов, нам не хотелось бы привлекать внимание советской контрразведки к железной дороге. Поэтому нас на какое-то время устроила бы ликвидация моста на одном из шоссе, по которому они подбрасывают свои войска к линии фронта. Это снизило бы темп подготовки их наступления... Короче говоря, наше командование очень заинтересовано во взрыве этого моста. Вам ясно, к чему я клоню?

— Да, господин майор. И я готов.

— А я в этом и не сомневался,— улыбается Вейцзеккер.— Весь завтрашний день в вашем распоряжении, а ночью мы перебросим вас через линию фронта.

— Слушаюсь, господин майор!

...Азаров хотя и готовился лечь спать, но не собирался засыпать. Это делалось лишь для отвода глаз Марфы. Ему предстояло в эту ночь встретиться со связным партизанского отряда. Теперь, после разговора с майором Вейцзеккером, эта встреча приобретала особое значение.

Азарову известно, что дом его охраняется полицией. Об этом сообщил ему сам Дыбин.

— Ты теперь важная персона,— почтительно улыбаясь, сказал он Азарову.— Велено охранять тебя почти также, как самого Вейцзеккера. Но мои ребята не будут мозолить тебе глаза. Ты их даже не заметишь.

Азаров действительно никого из них не замечал. Как же теперь прошмыгнет мимо них связной? Может ведь и напороться на кого-нибудь из этой засекреченной охраны...

Но вот о стекло с легким шорохом ударились горсть сухого песка. Это сигнал связного! Удалось, значит, проскользнуть.

Прислушавшись к похрапыванию Марфы, Азаров осторожно пробрался к выходу и сквозь щель почтового ящика посмотрел на улицу. Там темно и никого не видно. Бесшумно сняв крючок, Азаров слегка приоткрыл дверь.

Почти тотчас же в просвет двери просунулась чья-то голова.

— Впускай скорее, это я, Костя,— слышит Азаров торопливый шепот партизанского связного.

— А как же ты мимо охраны? — спрашивает Азаров, впуская Костя в коридор.— Ведь возле моего дома дежурит полицейский...

— А меня об этом предупредили, и он нами уже обработан...

— Что значит — обработан?

— Преспокойно спит себе. Помогла хозяйка дома, в котором его НП, угостили мы его брагой со сноторвным. Храпит теперь так, что даже на улице слышно.

— Ну тогда запоминай, что я тебе скажу.

И Азаров рассказывает о полученном от Вейцеккера задании и просит через штаб партизанского движения сообщить об этом генералу Светлякову, ибо мост, который Азарову предстоит взорвать, находится на участке его армии.

— И вот что еще, Костя: по поручению Вейцеккера Дыбин будет сейчас лихорадочно искать людей для школы диверсантов. Этим нужно воспользоваться и забросить к нему кого-нибудь из наших ребят. Хорошо бы майора Недедова и старшего лейтенанта Лукошко. Пусть они сначала завербуются на строительство железнодорожной ветки. А потом я, если благополучно вернусь с задания и оправдаю доверие майора Вейцеккера, найду способ принять их в эту школу. Ты понял меня, Константин?

— Все ясно, товарищ Азаров.

— Ну, тогда будь здоров. Ни пуха тебе, ни пера.

В ШТАБЕ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК

Майор Огинский любил посещать штаб инженерных войск армии генерала Светлякова. И не потому только, что тут находился подполковник Бурсов, с которым он так сдружился за время пребывания в плена. Тут вообще много приятных ему людей.

Капитан Трошин, например, ведавший инженерной разведкой в тылу противника. Веселый, никогда не унывающий, сегодня он, однако, необычно серьезен.

— Случилось что-нибудь? — спрашивает его Огинский.

— Штаб партизанского движения уведомил нас сегодня, что к нам в тыл должен быть заброшен лейтенант Азаров с целью диверсии...

— Значит, он вошел-таки в их доверие! — возбужденно восклицает Огинский. — Да я и не сомневался в этом. Вот уж действительно личность!

— Я наслышался от вас и подполковника Бурсова такого о нем, что и не верится даже...

— Познакомитесь с ним лично, поверите. А когда он должен быть заброшен?

— Ждем со дня на день. Может быть, даже сегодня или завтра. Мы уже поставили в известность об этом нашу разведку и контрразведку.

— Ну, тогда я остаюсь у вас. Ради того хотя бы, чтобы с Азаровым повидаться. Люблю я этого человека!

...Азаров появился в штабе инженерных войск генерала Светлякова на следующий день утром. Его привел старший лейтенант разведотдела армии и представил капитану Трошину.

— Рад познакомиться с вами! — крепко жмет руку Азарову капитан, с любопытством всматриваясь в загорелое лицо лейтенанта.— А еще более обрадуется встрече с вами майор Огинский!

— А он здесь?

— Я здесь, Вася! — радостно кричит Огинский, устремляясь навстречу Азарову и заключая его в объятия.— Разве расскажешь обычными человеческими словами, что это за человек? — обращается он к Трошину.— Если бы не он, не знаю даже, как бы мы выбрались из лагеря капитана Фогта. Да и вообще...

— Ну зачем же так преувеличивать? — смущенно улыбается Азаров.— Даже если бы я и в самом деле заслужил такую похвалу, разве ж это педагогично? Давайте лучше о деле, ибо времени у меня в обрез.

И он кратко рассказывает о том, как вошел в доверие Вейцзекера и какое получил от него задание.

«Похоже, что этот лейтенант действительно человек завидного мужества», — думает капитан Трошин.

— Если я не взорву мост, лучше мне к ним не возвращаться,— заключает свой рассказ лейтенант Азаров.— Вот какова ситуация...

— Что же мы теперь будем делать? — спрашивает капитана Трошина майор Огинский.

— Задача не из легких,— вздыхает капитан.— По этому мосту проходит больше половины наших военных грузов. И, честно вам признаться, я пока не представляю себе, как мы выйдем из положения, если взорвем его.

— Мост, однако, должен быть взорван,— убежденно говорит майор Огинский.— Кто может утвердить такое решение?

— Только командующий армией,

— А начальник инженерных войск?

— Его согласие, конечно, необходимо, но окончательно решить это может только командарм.

В это время в штаб входит подполковник Бурсов и, увидев лейтенанта Азарова, громогласно басит:

— Азаров!.. Чертовски рад вас видеть, старина!

— Доложите подполковнику ситуацию, товарищ Азаров,— попросил капитан Трошин, как только Бурсов выпустил лейтенанта из своих богатырских объятий.— Подполковник Бурсов исполняет обязанности начальника штаба инженерных войск армии, пусть он и решает, как быть.

— А что, если не взрывать его, а замаскировать под взорванный? — предлагает Бурсов, выслушав Азарова.— В нашем подчинении сейчас отдельный маскировочный батальон. Его специалисты так искусно загrimируют этот мост под разрушенный, что никакая воздушная разведка не распознает. К тому же мы приостановим на какое-то время все движение, создадим искусственные пробки на подступах к мосту...

— А если у них тут еще и наземная разведка? — сомневается Азаров.— Какой-нибудь искусно замаскировавшийся лазутчик? Могли ведь и специально послать кого-нибудь для контроля за мной. Для них сейчас очень важно меня проверить...

— При таком варианте Азаров будет, конечно, разоблачен,— замечает майор Огинский.— А мы потеряем возможность иметь своего человека во главе их диверсионной школы, с помощью которой можно было бы и у них организовать кое-какие диверсии. Азаров надеется ведь укомплектовать эту школу нашими партизанами. Как же упустить такую возможность?..

— Тогда, может быть, удалось бы наконец взорвать в их тылу железнодорожный мост через Бурную! — воскликнует Бурсов.— Это было бы чертовски здорово!

— Азарову это удастся! — убежденно говорит майор Огинский.— Нужно только сначала помочь ему оправдать доверие Вейцзекера. А для этого надо подумать, как восстановить в течение полутора-двух суток взорванный мост. Есть же у нас опыт скоростного строительства мостов подобного типа.

— В такие сроки это не реально,— сокрушается подполковник Бурсов.— Мост ведь многопролетный, грузоподъемностью до шестидесяти тонн. Товарищ Трошин, у

вас должны быть подробные данные о нем. Доложите-ка их нам.

Капитан торопливо роется в своем столе и извлекает сложенную гармошкой карту мостов и дорог в полосе армии. Расстелив ее перед Бурсовым, он указывает на обведенный черным карандашом условный знак моста, сбоку которого аккуратно выписаны его цифровые характеристики: длина и ширина, грузоподъемность. На карте «подняты» и усилены цветными карандашами ее контурные линии, подчечены условные знаки дорог, рек и искусственных сооружений, представляющих интерес для инженерных войск.

— Идите к нам поближе, товарищ Азаров,— просит подполковник Бурсов.— Вот тот самый мост, который вам надлежит взорвать. Не знаю, каковы данные о нем у немцев, а по нашим — он четырехпролетный, предназначен для пропуска всех видов грузов, вплоть до шестидесятитонных. И дорога тут бойкая, двухпутная, с асфальтированным покрытием. Разрушение моста на такой магистрали, как вы сами видите, грозит нам серьезными затруднениями.

— Весь поток грузов придется пустить тогда по этой вот дороге,— замечает капитан Трошин, проводя карандашом по карте.— А она в плохом состоянии. И я боюсь, что, как только мы переключим на нее грузы с главной магистрали, ее покрытие не выдержит.

— Но тут много и грунтовых дорог,— замечает Азаров, всматриваясь в карту.

— Да, много,— соглашается капитан.— Но ведь уже осень, а они не профицированы, и как только пойдут дожди...

— На грунтовые, конечно, плохая надежда,— подтверждает Бурсов.— Да и мосты тут не для всех типов танков.

— А вы уверены, Азаров,— спрашивает майор Огинский,— что им важен не столько взрыв этого моста, сколько возможность проверить таким образом вашу благонадежность?

— Взрыв моста для них, конечно, немаловажен,— отвечает Азаров.— Это само собой, но главное, по-моему, окончательное испытание моих возможностей...

— Почему окончательное? — не понимает Огинский.

— Они пытались уже проверить меня, и я чуть было не загремел... В бумагах Куличева имелось письмо его племянника, и стоило им сличить почерк Стецюка с моим...

— Да, черт побери! Почек подлинного Стецюка мог вас здорово подвести. Ну и как же вы вышли из положения?

— К счастью, письмо Стецюка попало ко мне раньше, чем к Вейцзеккеру, и я переписал его своей рукой. А конверт уничтожил.

— Ну, что я вам говорил об этом человеке! — обрадовался Огинский.— А Вейцзеккер, значит, обнаружив это письмо, решил проверить вас по почерку?

— Он обнаружил его вовсе не случайно,— уточняет Азаров.— Вейцзеккер знал о нем от начальника полиции, который читал это письмо до меня. К счастью, оно было написано такими же чернилами, какие были в моей авторучке, и на обычной бумаге. Да и почерк Стецюка не очень отличался от моего. Вот Дыбин и не заметил разницы, запомнил только содержание письма. А Вейцзеккер сличал мою заявку на взрывчатку уже с тем почерком, каким я переписал письмо Стецюка.

— Этот Вейцзеккер, видать, тип дотошный. И, вне всяких сомнений, послал он вас сюда не только с целью диверсии...

— Даже если у него не осталось больше сомнений, что я и Стецюк одно и то же лицо, ему, наверно, нужно проверить, чего я стою как подрывник и будущий руководитель школы диверсантов.

— Нужно, значит, сделать все возможное, чтобы убедить его в этом,— заключает Огинский, вставая из-за стола.

— А как? — пожимает плечами подполковник Бурсов.— Сами видите, какова ситуация.

А Огинский уже расхаживает по штабной комнате, отвергая идеи, слишком спешно приходящие в голову: «Бурсов прав, конечно: такой мост за двое суток не восстановишь. Если же разрушить только один его пролет, немцам это покажется подозрительным... А что, если Азарову вернуться к Вейцзеккеру и сказать, что взорвать мост не было никакой возможности?.. Нет, это тоже не годится! Во-первых, этим лишь усилишь его подозрительность, во-вторых, неизбежно снизишь цену Азарова как подрывника. Что же тогда еще?..»

— А какой дан вам срок для выполнения задания? — спрашивает он лейтенанта.

— Неделя. Но не больше. Это предел.

«Неделя... неделя,— торопливо думает Огинский.— Целых семь дней... Неужели так ничего и не придумаем за это время?»

— Ну ладно, товарищ Азаров, придумаем что-нибудь. А пока вам нужно познакомиться с офицерами разведотдела нашей армии и сообща с ними наметить объекты диверсий в немецком тылу. Если вам удастся зачислить в диверсионную школу кого-нибудь из партизан, вы многое сможете сделать.

— Если, например, взорвете железнодорожный мост через Бурную, ничего иного от вас и не потребуется,— уточняет подполковник Бурсов.— Очень бы содействовало это успеху наступательной операции, которую мы сейчас готовим. Взрыв этого моста отрезал бы отход главных сил противника, не дал бы возможности увести его бронепоезд и подвижной состав с военной техникой и награбленным имуществом.

А когда лейтенант Азаров в сопровождении связного ушел в разведотдел, капитан Трошин, с сомнением покачав головой, сказал:

— Трудно даже представить себе, как Азаров с этим справится. Мост через Бурную тщательно охраняется. Да и подступы к нему затруднены. Хоть вы, товарищ майор, и верите в вашего Азарова как в человека, которому все посильно, боюсь, что на сей раз едва ли ему это удастся. А если бы удалось, я лично считал бы это настоящим чудом.

— Ну, а я, в отличие от вас,— усмехнулся Огинский,— не верю ни в какие чудеса, но не сомневаюсь, однако, что Азаров совершил этот подвиг.

ТРЕВОГА МАЙОРА ВЕЙЦЗЕККЕРА

На третий день после благополучного перехода «Стечюка» через линию фронта, майор Вейцзеккер, ежедневно наблюдавший теперь за ходом строительства железнодорожной ветки, спросил Дыбина:

- А не надул ли нас с вами этот Стечюк?
- Не понимаю вас, господин майор...
- Не перешел ли на сторону русских?
- С его-то грехами?
- Мог ведь и скрыть их от чекистов.

— Не могу я этому поверить... Дядя его лютой ненавистью ненавидел Советскую власть...

— Так то дядя!

— И Тимофея, видать, в него пошел. Аж зубами скрипел, как только кто-нибудь заводил речь о Красной Армии. А что, нет разве от него никаких вестей?

— Все еще молчит. Мост, который мы ему поручили уничтожить, по данным нашей аэрофотосъемки, пока невредим.

— А вы ему сколько дней на задание дали?

— Неделю.

— Значит, трудно ему там. Никак подобраться к объекту не может...

— А почему рация его молчит?

— Повреждена, может быть, или боится, что запленгуют.

На следующий день майор Вейцзеккер сообщает Дыбину:

— Наконец-то подал весточку наш Стецюк. Радирует, что и в самом деле подобраться к мосту нет никакой возможности. А ведь я надеялся, что он человек находчивый...

А еще через день приходит от «Стецюка» новая радиограмма:

«По-прежнему сложная обстановка. Но появилась надежда, что задание будет выполнено не позднее седьмого дня».

«Хоть и не очень ясно, но обнадеживающе», — невесело размышляет Вейцзеккер. Ему уже досталось от начальства за этот эксперимент, придуманный им лично.

Рано утром, на седьмой день после ухода «Стецюка», через фронтовую разведку становится известно, что ночью в русском тылу был слышен сильный взрыв. Шел он со стороны того шоссе, на котором находился мост, подлежащий взрыву. А два часа спустя разведывательный «Фокке-вульф» доставил начальнику тыла группы армий «Центр» аэрофотоснимки, на которых отчетливо был виден взорванный мост и пробки на шоссе по обе стороны от него.

— Ну и слава богу! — радуется майор Вейцзеккер. — Не подвел нас Стецюк.

Узнав эту новость, облегченно вздыхает и начальник овражковской полиции, осеняя себя крестным знамением.

АЗАРОВ ЗАВОЕВЫВАЕТ ВСЕ БОЛЬШЕЕ ДОВЕРИЕ

Похоже, что Вейцеккер доволен Стецюком-Азаровым, но Азаров не успокаивает себя этим. Он по-прежнему настороже: от Вейцеккера всего можно ожидать. Они сидят в машине майора, выехавшего из Овражкова на строительство железнодорожной ветки, и Вейцеккер информирует Азарова о событиях, произошедших в его отсутствие.

— Мы тут тоже не теряли даром времени. Нужный нам участок ветки почти готов. Пришлось для этого разогнать бездельников, которых навербовал Дыбин.

— А вы не думаете, что он...

— Нет, этого я не думаю. Он просто бездарен в делах такого рода, но вполне благонадежен. Его обязанности я ограничил теперь только охраной участка строительства. Начальником школы диверсантов немецкое командование утвердило вас. Поздравляю с оказанным вам высоким доверием, господин Стецюк!

Он пожимает руку Азарову и продолжает:

— Со всеми, кто работает сейчас на строительстве ветки, я беседовал лично. Полагаю, что некоторые из них могут быть зачислены в вашу школу. Но вы проверьте каждого из них еще раз. На меня очень хорошее впечатление произвел бывший паровозный машинист Дерюгин. С негр и начните. Думаю даже, что он мог бы стать вашим помощником.

— Можно ли, однако, так сразу ему довериться?..

— Если я сказал, что он произвел на меня хорошее впечатление, то не по внешнему же виду!

— Понимаю, господин майор.

— Он не местный житель. Я его из Дубков привез. Он там на восстановительных работах после крушения двух воинских эшелонов отличился. И документы у него в полном порядке. Есть даже рекомендация немецкой военной администрации. Перед самой войной отбыл несколько лет в лагерях за политическую неблагонадежность.

«Кто же это такой? — тревожно думает Азаров. — Несужели какой-нибудь предатель вроде Куличева или Дыбина? Да, скорее всего... А нашим, видно, так и не удалось никого на эту стройку забросить...»

— В лесу, неподалеку от ветки, уже сооружается барак для школы, — продолжает Вейцеккер. — Готовим для

нее необходимое оборудование. Завозим взрыватели и замыкатели в соответствии с вашей заявкой.

— А взрывчатку?

— Привезут сегодня или завтра вместе с бикфордовым и детонирующими шнурями, которые вы почему-то не заказали. Они не понадобятся вам разве?

— Я вообще многое еще не заказал. Это была лишь предварительная заявка. А как с подвижным составом?

— Как только примкнем нашу ветку к магистрали, нам подадут вагоны. Пассажирский и несколько товарных.

— Без паровоза?

— Пока без паровоза, хотя я понимаю, как вам важно иметь паровоз. С паровозами сейчас вообще трудно. Вы ведь знаете, что главным образом именно их партизаны выводят из строя.

— Вот поэтому-то и нам...

— Я уже сказал, что понимаю, как вам важно иметь паровоз,— снова повышает голос Вейцзеккер,— но пока будет лишь мотовоз! Паровоз получим позже.

Машинист Вейцзеккера останавливается у пассажирской платформы стоящейся ветки, и дежурный полицейский спешит к майору с докладом.

— Дерюгина ко мне! — приказывает Вейцзеккер.

— Слушаюсь, господин майор!

Из толпы рабочих выходит худощавый, чуть выше среднего роста мужчина, обросший густой рыжеватой бородой, и Азаров с удивлением и радостью узнает в нем майора Нефедова.

— Вот познакомьтесь с господином Стециком,— говорит «Дерюгину» Вейцзеккер, кивая на Азарова.— И доложите ему, как тут дела. А я пройдусь по трассе.

— Дерюгин,— представляется Нефедов Азарову, слегка наклонив голову.— Машинист. Водил товарные паровозы: «Э», «ФД», «СО».

Возле Азарова и Нефедова никого теперь нет, но они не меняют ни тона, ни темы разговора. Лица их по-прежнему строго официальны. Если кто-нибудь и наблюдает за ними, ни за что не догадается, что они знакомы друг с другом.

— На какой дороге работали до войны? — продолжает расспрашивать Азаров.

— На Курской, в депо станции Тула.

«Он действительно там работал,— вспоминает Азаров,— но не машинистом, а инженером технического отдела. Даже, кажется, главным инженером... Паровоз, значит, должен знать не хуже любого машиниста...»

— Ну, а в армии служили?

— Два года срочной службы в железнодорожных войсках в довоенные годы.

— Звание?

— Младший лейтенант.

— С минированием знакомы?

— Имею представление.

— Майор Вейцеккер проверял ваши документы?

— Так точно.

— Ну ладно, с этим все пока. А как тут идут дела? — кивает Азаров на насыпь железной дороги.— Вас майор Вейцеккер прорабом, кажется, назначил?

— Так точно. Дела тут идут неплохо. Еще два дня, и ветка будет готова.

— А цель ее сооружения вам известна?

— Никак нет.

— Узнаете в свое время, а пока вы свободны.

Присмотревшись к работающим на трассе, Азаров замечает еще одного знакомого. Но чтобы не ошибиться, подходит к нему поближе. Ну да, вне всяких сомнений, это старший лейтенант Лукошко! Молодцы партизаны, сумели и его устроить на стройку. А может быть, и еще кого-нибудь?..

Азаров медленно идет по шпалам, посматривая по сторонам. Нет, все остальные ему явно не знакомы. Во всяком случае, никого из них он не видел ни разу. Но то, что тут Нефедов и Лукошко,— очень хорошо. С такими людьми многое можно сделать.

— Ну, какое впечатление произвел на вас Дерюгин? — спросил Азарова майор Вейцеккер, как только лейтенант подходит к нему.

— Затрудняюсь пока ответить на ваш вопрос, господин майор,— пожимает плечами Азаров.— Поживем, а вернее, поработаем — увидим.

— Согласен с вами,— одобрительно кивает головой Вейцеккер.— Не будем торопиться. Должен, однако, отметить, Дерюгин неплохо показал себя в работе. Успешным строительством ветки мы обязаны именно ему. Помог он и от бездельников избавиться. Кстати, дружков-приятелей

господина Дыбина. Еще два-три дня работы в таком темпе, и ветка будет готова.

— А нужно ли вообще заканчивать эту работу? — неожиданно спросил Азаров, будто его внезапно осенила какая-то мысль.

— Что-то не понимаю вас, господин Стецюк, — удивленно поднимает брови майор Вейцеккер. — Вы сами торопили, а теперь...

— А теперь я подумал: есть ли в этом смысл? Не лучше ли сбавить темп работы и начать подготовку кадров для основной нашей цели? Мы отберем тех, кто может быть зачислен в нашу школу, и начнем с ними занятия по утвержденной вами программе.

— А как быть с теми, кого не зачислим? Не все ведь окажутся пригодными для этого.

— Оставим только тех, кого зачислим и кого можно будет зачислить позже, когда присмотримся к ним получше. Кое-кого придется в связи с этим отчислить, но это не беда. Нам и не нужно много рабочих. Работать вообще нужно будет не торопясь, всячески затягивая завершение строительства.

Вейцеккер некоторое время размышляет, потом удовлетворенно кивает головой:

— Ваша идея с затяжкой работ по сооружению ветки принимается, господин Стецюк. Это надежно замаскирует курсантов нашей школы. Они ведь по-прежнему будут числиться всего лишь путевыми рабочими. Так я вас понял?

— Так точно, господин майор! Тогда и учебные взрывы не станут привлекать ничьего внимания. Взрывные работы на строительстве железной дороги — обычное дело.

— Все это вы очень толково придумали, господин Стецюк. Сегодня же отдайте все необходимые распоряжения Дерюгину. И подготовьте новый график работы на строительстве с учетом учебных занятий.

— Я думаю, господин майор, целесообразнее всего разбить курсантов нашей школы на две группы. Одна будет продолжать строительство, другая начнет заниматься по программе подрывников-диверсантов. Действия этих групп будут чередоваться в соответствии с учебной программой. Вам ясна моя мысль, господин майор?

— И эта ваша мысль утверждается, господин Стецюк! Мы с вами сегодня же просмотрим личные дела всех работающих на стройке и отберем тех, кого уже можно за-

числить. Поскольку все работающие у нас на строительстве так или иначе скомпрометированы перед Советской властью, на них вполне можно будет положиться...

— А я бы полагаться на всех не стал. Даже на тех, кого мы зачислим в школу. Сначала поработаем с ними, а потом уже видно будет, на кого следует полагаться, да и то лишь очень условно, до окончательной проверки их на боевом задании в тылу Красной Армии.

— Это тоже принимается!

«Ну кто бы мог подумать, что у такого болвана, как покойный Куличев, может быть такой толковый племянник?..» — невольно удивляется Вейцзеккер.

— А вы не задумывались над названием нашей школы? — после небольшой паузы спрашивает Азарова Вейцзеккер, протягивая ему пачку сигарет. — Нужно бы назвать ее как-то для конспирации. Может быть, каким-нибудь мифическим именем — «Аид», например, или «Тартар».

— А что это такое, господин майор? — делая вид, будто он впервые слышит подобные слова, простодушно спрашивает Азаров.

— Так называлась у древних греков преисподняя, царство мертвых, — охотно объясняет Вейцзеккер. И, желая блеснуть знанием украинского языка, спрашивает с усмешкой: — А вы про цэ нэ чулы?

— Ни, нэ чул, пан майор, — улыбается Азаров. — Но я бы назвал нашу школу как-нибудь попроще. А то ведь в русском языке имеется слово «тартары» и употребляют его в тех случаях, когда хотят послать кого-нибудь на тот свет. «Провались ты в тартары!» — говорится в таких случаях. Не слышали вы разве подобных выражений?

— Этого я действительно не учел, — смущенно признается Вейцзеккер. — Ну, а как бы вы сами назвали нашу школу?

— Да хотя бы «Костыль».

— Костыль? — удивляется Вейцзеккер. — Почему «Костыль»? Это непонятно...

— Вот и хорошо, что непонятно. Пусть поломают голову, что это за «Костыль». То ли опора для хромых, то ли стержень для крепления рельсов к шпалам. А курсантам нашим можно и так название это объяснить: с помощью диверсий можно, мол, боеспособных солдат если и не на тот свет отправить, то уж наверняка превратить в калек,

нуждающихся в костылях. Вот вам и смысл секретного названия для посвященных. К тому же слово «костыль» вполне железнодорожное и очень ходовое на железнодорожном строительстве.

— Все! — заключает Вейцзеккер. — Принимается и утверждается и это ваше предложение, господин Степюк! Кодовым названием нашей школы будет «Костыль».

А вечером на квартире начальника полиции майор Вейцзеккер отчитывает Дыбина:

— Есть же толковые люди, черт побери! Настоящие русские умельцы, и они могут работать не только на большевиков, но и на нас. Их только нужно хорошо искать, господин начальник полиции. Я имею в виду в данном случае такого человека, как Степюк. Найдутся, наверное, и другие.

— А вам не кажется, господин майор... — робко начинает Дыбин.

Но Вейцзеккер не дает договорить:

— Нет, не кажется, господин Дыбин! Я уверен, что нашел наконец именно такого человека, которого давно ищу. А вас не считаю находкой, хотя и не сомневаюсь в вашей преданности немецкой власти и мне лично.

— Спасибо вам, господин майор, за доверие!.. Я всегда рад стараться!..

— Ваша задача теперь, господин Дыбин, — раздраженно прерывает его майор, — обеспечить надежную охрану строительства ветки и школы. А все распоряжения Степюка выполнять беспрекословно.

— Слушаюсь, господин майор! — покорно говорит Дыбин, а сам с завистью думает: «Сумел-таки этот ловкач влезть к нему в доверие...»

АЗАРОВА ПОВЫШАЮТ В ЧИНЕ

Поговорить с майором Нефедовым-Дерюгиным, без опасения быть кем-нибудь подслушанным, Азарову удается только к концу следующего дня:

— Я очень рад, Андрей Сергеевич, что мы снова вместе, — тепло говорит он Нефедову, крепко пожимая его руку.

— И снова я под вашим начальством! — Майор Нефедов вспоминает недавнее свое пребывание в концлагере капитана Фогта.

— Везет мне на руководящие посты, — усмехается Азаров. — Давайте, однако, поговорим о деле. Из наших, кроме вас и Лукошко, никого больше нет?

— Еще двое.

— Кто же?

— Молчанов и Залужный. Вы их не знаете, они к нам прибыли из отряда Белоусова. Опытные подрывники. И биографии их должны Вейцеккеру понравиться. Документы?.. Тоже в строгом соответствии с биографиями.

— Тогда я их включу вместе с вами и Лукошко в первую группу.

— А сколько же будет всего таких групп?

— Пока две по семь человек. Вас назначу старшим первой группы. В вашу же группу включу трех самых опасных предателей. Когда они пройдут весь курс диверсионной науки, нужно будет сделать так, чтобы на экзаменах они подорвались на собственных минах. Это поручается вам лично. Ну вот и все пока. Нам с вами нельзя подолгу уединяться. И вообще такие встречи лишь в крайних случаях.

— Яволь, господин начальник школы! — лихо щелкнув каблуками, отчеканил майор Нефедов.

А когда Азаров возвращался домой, в безлюдном переулке, неподалеку от куличевского особняка, ему в руку всунул небольшой пакет какой-то парнишки. В сумерках позднего вечера лейтенант не мог разглядеть его лица, но не сомневался, что это кто-то из партизанских связных.

Азаров по-прежнему живет в доме Куличева на правах его законного наследника. Хотя от Марфы лучше было бы избавиться, но он решил не делать этого, чтобы не вызвать подозрений у Дыбина. Она, наверно, была его осведомительницей еще при Куличеве.

Азаров сообщил об этом партизанам, и они никого к нему больше не посыпают. Да и Марфа держится по отношению к нему вполне деликатно. Ни о чем не спрашивает и даже не заходит к нему, когда он бывает дома, но, видно, прислушивается и присматривается ко всему, что он говорит и делает.

Сегодня, однако, присутствие ее в доме мешает Азарову ознакомиться с содержанием полученного пакета.

Лишь дождавшись, когда Марфа легла спать, он решился вскрыть его.

Как лейтенант и полагал, это было послание от командира партизанского отряда с подробной схемой того участка железной дороги, к которому примыкает овражковская ветка, и чертеж моста через Бурную.

Еще не читая письма, Азаров догадывается, зачем прислано ему эта схема. Конечно же из-за этого «неприступного» моста, который ни партизанам, ни войсковой разведке так и не удалось взорвать.

Схема вычерчена в масштабе, и Азаров без труда вычисливает расстояние до него. Это ровно пять километров от того места, где стоящаяся ветка примыкает к главной магистрали. А вот и основные данные о нем: металлический, трехпролетный, опоры железобетонные, фермы с ездой по низу: Проставлены и размеры основных параметров моста.

Записка командира отряда тоже лаконична:

«Знаю о вашем задании. Мы и сами, как вам известно, пытались сделать это, но безуспешно. Не представляю себе, как вы справитесь с этим, но от всей души желаю удачи».

Этого Азаров и сам еще не знает. Но как бы ни было трудно, он должен...

Азаров хорошо понимает, что здесь, в тылу врага, он может сейчас сделать больше, чем на фронте, будучи всего лишь лейтенантом инженерных войск. И хоть очень хочется снова в действующую армию, его долг — находиться пока здесь и во что бы то ни стало выполнить задание штаба инженерных войск и разведотдела армии.

Он научился быть безжалостным к себе и гнать прочь все мысли, расслабляющие волю. Поддайся им только, как сразу же нестерпимо захочется увидеть близких или хотя бы получить от них весточку по полевой почте. Где сейчас его мать? Что ей известно о нем? Но мать все еще ждет, конечно, и верит... А Даша? Она как?..

Нет, нет, не думать лучше! Все прочь из головы, кроме этого чертова «неприступного» моста!

Там, в нашем тылу, ему помогли решить трудную задачу его друзья: Бурсов и Огинский. Особенно Огинский.

И Азаров вспоминает, как ломали они головы над этим в штабе инженерных войск армии. Никто из них не знал,

как выйти из положения. И вдруг Огинский напомнил Бурсову:

«А ведь мы прислали вам отличный мостовой батальон из резерва инженерных войск фронта. Батальон Героя Советского Союза Онучина. Вспомните-ка, как он навел мост через Студеную?»

«Вы полагаете, что Онучин тем же способом смог бы и тут?..»

«Не сомневаюсь!»

«Позвольте, позвольте... — все более оживлялся подполковник Бурсов.— Давайте тогда прикинем...»

«И прикидывать нечего: посильна его батальону такая задача».

«Я тоже полагаю, что Онучин с этим справится», — поддержал Огинского капитан Трошин.

А сам Азаров все еще ничего тогда не понимал.

«Значит, вы решаетесь на взрыв, чтобы потом...» — неуверенно спросил он майора.

«Нет, совсем наоборот,— загадочно улыбнулся Огинский.— Сначала построим новый, а потом взорвем этот. Не понимаете? Сейчас объясню. В последнее время наши саперные части для скоростного строительства мостов стали применять сборку их из заранее заготовленных деталей. Этот способ используем и мы. Прежде чем ваш мост взлетит на воздух, все основные детали его будут заготовлены батальоном майора Онучина. А взрывать тоже нужно будет с таким расчетом, чтобы уцелели такие детали его, которые трудно восстановить, или те, что могут пригодиться при восстановлении».

«Тогда, значит, все в порядке?» — повеселел Азаров.

«В общем, да,— подтвердил подполковник Бурсов.— К сожалению, тут есть одно, а может быть, и не одно «но». Во-первых, все это нужно еще согласовать с начальником инженерных войск. Думаю, что это нам удастся. Во-вторых, его решение придется утверждать у командарма, а то и в Военном совете армии. Весьма возможно, что потребуется еще и согласие командующего фронтом».

«Да...» — почесал затылок Азаров.

«Но вы не унывайте,— успокоил его Огинский.— Я почти не сомневаюсь в успехе нашего замысла».

И все действительно удалось. А как же теперь сам он, без помощи друзей, выйдет из положения?..

Утром он спешит к подъему своих «курсантов», разместившихся в бараке неподалеку от конторы строительства ветки. Его встречает дежурный полицай и докладывает, что ночь прошла без происшествий.

— Разбудите господина Дерюгина, и пусть он объявляет подъем,— распоряжается Азаров.

Спустя две-три минуты слышатся гулкие удары металлическим стержнем по подвешенному рельсу, и почти тотчас же из дверей барака высекиваются немногочисленные курсанты школы диверсантов. Они еще не знают кодового названия и придумали свое — «шкоди», а для удобства произношения просто «шкоды» или «шкодники».

Выстроив их перед бараком, Дерюгин-Нефедов строевым шагом идет к Азарову с докладом.

— Господин начальник школы, курсанты выстроены для утренней поверки. Докладывает... — Нефедов делает паузу, не зная, как себя именовать.

— Старшина школы,— подсказывает ему Азаров.

— Докладывает старшина школы Дерюгин.

— Сегодня можете начать прямо с поверки,— разрешает Азаров.— А с завтрашнего дня все строго по воинскому уставу, господин старшина.

— Слушаюсь, господин начальник! С завтрашнего дня все строго по уставу.

— После завтрака,— продолжает Азаров,— займитесь с первой группой изучением взрывчатых веществ и средств взрывания. Практические занятия по минированию буду проводить я сам. Но это уже после того, как они усвоят теоретические основы подрывного дела.

В десять утра прибывает майор Вейцзеккер в сопровождении Дыбина.

— Ну, как дела, господин Стецюк? — весело спрашивает он Азарова.— Похоже, что занятия в вашей школе идут полным ходом?

— Так точно, господин майор.

— Могу вам сообщить приятную новость. По моему ходатайству вам присвоено звание обер-лейтенанта немецкой армии.

— Благодарю вас, господин майор! Рад стараться!

— Примите в связи с этим самое сердечное мое поздравление, господин обер-лейтенант,— протягивая потную руку Азарову, льстиво говорит Дыбин. А в глазах его по-

чи не скрываемая зависть: видно, немецкое начальство не балует его чинами.

— А как обстоит дело с обеспечением нашей школы взрывчаткой и средствами взрывания, господин майор? — спрашивает Азаров Вейцзеккера.

— Разве она еще не доставлена?

— Кое-что получено. Подрывные шашки и стандартные заряды. Несколько деревянных пеналов с капсюлями-детонаторами и электродетонаторами. А нам сейчас особенно нужны взрыватели. Не доставлена и подрывная машинка. Вернее, доставлена громоздкая, пятнадцатикилограммовая итальянская, а нам нужна портативная немецкая весом в четыре и семь десятых килограмма. Надо неизменно ее раздобыть.

— А еще что?

— Кумулятивный заряд с магнитами.

— Он разве тоже потребуется для диверсий?

— А чем же мы будем выводить из строя паровозы в депо? Минны там не всегда подложишь. А конический кумулятивный заряд, предназначенный для прожигания танковой брони, годится и для пробивания паровозных котлов. Он имеет магнитные присоски и специальный запал с замедлителем. И еще раз осмелюсь напомнить вам — очень нужен паровоз...

— Чтобы вы взорвали его этим кумулятивным зарядом с учебной целью? — смеется Вейцзеккер. — А знаете ли вы, как у нас обстоят дела с паровозами?

— Знаю и потому не собираюсь взрывать их с учебной целью. Но они нам совершенно необходимы для отработки подрывания локомотивов.

— А мотовоз разве вас не устроит?

— Только на первое время. Он ведь в три раза легче паровоза и не сможет своей тяжестью прогнуть рельсы настолько, чтобы замкнуть электрическую цепь поездной мины. Да и не в этом только дело. Курсанты должны психологически, так сказать, привыкнуть к виду паровоза, идущего как бы на них... Особенно в тех случаях, когда будет необходимо производить взрыв управляемой миной.

— Все ясно, господин обер-лейтенант, — говорит майор Вейцзеккер. — По опыту диверсий местных партизан я и сам знаю, как важно вывести из строя именно паровоз. Приму все меры, чтобы раздобыть его. А какой бы вы хотели? Я имею в виду серию.

— Поездной не дадут, конечно. А из маневровых хорошо бы «Щуку». В крайнем случае «Овечку».

— «Щука» — это серия «Щ»? — уточняет Вейцзеккер, считающий себя большим специалистом по советскому железнодорожному транспорту.— А «Овечка» — это, конечно, «Ов»?

— Так точно. Вы неплохо разбираетесь в русском железнодорожном транспорте, господин майор,— льстит Вейцзеккеру Азаров.— Знаете « клички» русских паровозов даже столь древних конструкций.

— Еще бы! — самодовольно усмехается Вейцзеккер.— Я ведь не один год пробыл в России, резидентом германской разведки, собирающей сведения о советском железнодорожном транспорте.

БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ...

— Значит, это твердо, товарищ подполковник? — спрашивает Бурсова его помощник капитан Трошин.— «Ч» назначено на двадцать пятое в пять утра?

— Да, штаб фронта утвердил наступление нашей армии в этот день и час. Вот когда лейтенант Азаров смог бы значительно облегчить нашу задачу...

— Немцы повысили его в чине, товарищ подполковник,— смеется Трошин.— Он теперь у них обер-лейтенант. Разведотделу армии сегодня сообщили об этом партизаны.

— С его способностями он у них и до генерала скоро дослужится, — говорит подполковник Бурсов.— И раз они ему такой чин присвоили, значит, дела его идут неплохо и есть надежда, что он справится со своей задачей. И не потому, что ему везет. Я вообще не признаю сплошного везения, понимая под везением благоприятное стечениe обстоятельств или то, что мы обычно называем счастливым случаем. Но так повезти может раз, два раза, в крайнем случае три. А ведь ему везет почти все время. Значит, не в слепом случае тут дело. Это Суворов, кажется, сказал: «Везение, везение, помилуй бог, надобно же и умение!»

Подполковник Бурсов широко шагает по штабной избе, попыхивая сигаретой. В связи с ранением начальника штаба инженерных войск армии он временно исполняет его обязанности. Бурсов строг и требователен, но капитану Трошину легко с ним. Они понимают друг друга с полуслова.

— На меня Азаров тоже произвел впечатление личности незаурядной,— замечает капитан.— И я думаю, что он...

— Можете не сомневаться! Он обязательно придумает какой-нибудь трюк! И не путем долгих размышлений, а внезапно осененный удачной мыслью. Опасность, необходимость немедленно действовать, принять быстрое решение будто озаряют его. Тут ему уже не до размышлений, на это просто не хватило бы времени. Здесь что-то интуитивное... В общем, верю я в этого человека. Разведчики уже поставили его в известность о дне нашего наступления?

— Так точно, товарищ подполковник.

— А каковы сведения из нашего гидрометеорологического отдела?

— Обещают на эти дни ливневые дожди. Так что, если даже у немцев наготове тяжелые понтонные парки...

— Если Азаров взорвет железнодорожный мост, им не помогут уже никакие понтоны. По данным разведки, у немцев все станции забиты составами с награбленным у нас добром. Предполагается также отправка в Германию нескольких эшелонов с гражданским населением. Значительную часть немецкого военного имущества и техники тоже ведь можно вывезти только по железной дороге. Вот каковы будут результаты взрыва железнодорожного моста через Бурную, товарищ Трошин!

— А они не успеют его восстановить, пока мы...

— Не успеют. Даже если в первый день нам удастся преодолеть всего десять километров, этот мост уже будет под огнем нашей артиллерии.

В разведотделе армии тоже возлагали большие надежды на взрыв моста через Бурную.

— Инженеры, значит, почти не сомневаются, что это удастся их лейтенанту? — спросил начальник разведотдела своего помощника.

— Верят в него, как...

Помощник не нашел подходящего слова для завершения своей мысли, но начальник и так понял его.

— Вот именно! — воскликнул он.— Это-то мне и не нравится. Мало ли что может с ним случиться? Или ка-

кие-нибудь непредвиденные обстоятельства... И потом, не случайно ведь этот мост называют неприступным. И наши разведчики пытались его взорвать, и партизаны, а он все стоит. Конечно, если бы этому Азарову... Так, кажется, его фамилия?

— Так точно, товарищ полковник.

— Если бы Азарову действительно это удалось, большее бы дело он сделал. Читали копию приказа германского окружного комиссара, присланную нам партизанами? В нем сказано: «Все жители, как мужчины, так и женщины, рождения девятисотого — девятьсот двадцать седьмого годов должны явиться двадцать пятого октября к десяти часам утра в свои уездные управы для освидетельствования и отправки на работу в Германию. Взять с собой одежду, обувь и маршевое питание на три-четыре дня. Кто не явится, будет заподозрен в бандитизме, и с ним поступят соответствующим образом».

— Мало того, товарищ полковник. Председатели районных управ, так называемые «районные шефы», дали указания старостам сельских управ об отправке в концентрационные лагеря родителей, дети которых уклоняются от мобилизации в Германию. Остается также в силе операция «Сено», цель которой — вывоз с оккупированных территорий Советского Союза подростков десяти — четырнадцати лет для онемечивания.

— Видите, какое значение приобретает взрыв моста в квадрате ноль шесть сорок один! — заключил начальник разведотдела.

Он подошел к большому столу, на котором была разослана крупномасштабная тактическая карта района предстоящих боевых действий армии генерала Светлякова, и синим карандашом обвел мост через Бурную и пересечение двух железных дорог в населенном пункте, расположенному восточнее моста.

— Тут хоть и не крупный, но все же железнодорожный узел, — не отрывая взгляда от карты, сказал полковник. — Мы к нему выйдем на второй, а может быть, и на третий день наступления. Следовательно, не раньше двадцать шестого — двадцать седьмого, а они постараются вывезти по железной дороге мобилизованное гражданское население двадцать пятого. И не только население. Помните приказ рейхсфюрера СС Гиммлера?

— Это тот, по которому немецкая армия в связи с отступлением должна вывозить на Запад все, что только возможно, отдавая предпочтение продовольствию?

— Да, он самый. А с копией телеграммы окружного комиссара, добытой нашей разведкой, вы еще не знакомы? — спросил полковник, доставая из стола папку с секретными документами.— Он просит у директора имперских железных дорог около тысячи вагонов для вывоза грузов военного значения и фольксдойче. Часть этих вагонов уже прибыла на узловую станцию и находится под погрузкой. Если Азарову удастся совершить чудо и взорвать мост, все это не будет отправлено на Запад. Немцы не смогут вывезти и оборудование железнодорожных мастерских, аппаратуру связи и автоблокировки.

— Будем надеяться, что Азаров совершил этот подвиг,— с надеждой заметил помощник начальника армейского разведотдела, не очень веря, однако, в такую возможность.

АЗАРОВ ГОТОВИТ КАДРЫ ДИВЕРСАНТОВ

Вот уже целую неделю курсанты школы диверсантов, или «шкоды», как они сами себя называют, ведут занятия по подрывному делу под руководством Стецюка-Азарова и Дерюгина-Нефедова. Майор Вейцзеккер вполне удовлетворен их успехами. Только однажды он выражил свое неудовольствие, да и то сдержанно.

— Мне жаловался на вас начальник полиции, господин обер-лейтенант,— сказал он Азарову. Теперь он вообще называет Азарова только по новому званию, полагая, что ему это очень приятно.— Вы, оказывается, заминировали подступы к своим баракам, и на ваших минах подорвались два его полицая. Почему вы не поставили начальника полиции в известность об этом минировании?

— Виноват, господин майор. Просто не успел сообщить ему, ибо минирование это произвели мы только сегодня ночью в порядке учебного занятия. И, честно говоря, для самозащиты, так как на подчиненных господина Дыбина не велика у нас надежда. Я почти не сомневаюсь, что по ночам его полицейские преспокойно спят.

— Но двое из них подорвались же на ваших минах, значит, они ходили вокруг бараков.

— Это ничего еще не значит, господин майор. Подорвались ведь не те, которые должны были охранять нашу школу, а совсем другие, которым Дыбин поручил шпионить за нами.

— Шпионить?

— Да, господин майор. Он приказал им подглядывать да подслушивать... И не столько за курсантами, сколько лично за мною. Впрочем, может быть, это по вашему поручению, тогда...

— Нет, господин обер-лейтенант! — прервал его Вейцзеккер. — Это не по моему поручению. Если бы у меня возникла необходимость следить за вами, я бы не назначил вас начальником школы. А если возникнут хоть какие-нибудь сомнения, я просто сниму вас с этого поста безо всякой слежки и подслушивания. И, как вы сами понимаете, не только сниму... Учтите это, господин Стецюк!

— Понятно, господин майор.

В тот же день у Азарова состоялся секретный разговор с Нефедовым. Майор сообщил ему, что вместо Мельникова, «по неосторожности» подорвавшегося на учебном занятии, в его отделение зачислен партизан Буранов, принятый недавно на строительство ветки и показавший образец дисциплинированности и производительности труда. Биография его тоже вполне приемлема.

— Вот и отлично! — обрадовался Азаров. — С этим, однако, следует пока повременить.

— С чем — с этим? — не понял его Нефедов.

— С подрыванием на минах «по неосторожности». Это может привлечь внимание Вейцзеккера. А нам сейчас нельзя вызывать ни малейших подозрений. У нас теперь одна цель — мост. И не позже двадцать пятого. Вернее, в ночь на двадцать пятое.

— А как?

— Вот об этом и должны быть все наши мысли. Одно пока бесспорно — с помощью паровоза, который наконец отвоевал для нас Вейцзеккер.

— А я снова спрашиваю: как?

— Нужно, видимо, использовать то обстоятельство, что дважды в сутки, выходя из депо узловой станции и возвращаясь в него, он проходит по этому мосту.

— А машиниста вы не имели в виду?..

— Нет, машинист исключается. Меня предупредили, чтобы мы и не пытались даже вступать с ним в какие-либо

отношения. Он пошел на службу к немцам добровольно.

— Но ведь паровоз без машиниста мало чего стоит...

— А я бы этого не сказал. Во всяком случае, будьте готовы к тому, чтобы начинить его тендер взрывчаткой. К ночи на двадцать пятое она должна быть наготове.

— Вы думаете, что нам удастся использовать мину замедленного действия?

— А вот этого я как раз и не думаю. Разве рассчитаешь так точно, чтобы она сработала в тот момент, когда паровоз будет проходить через мост?

— Да, едва ли... — с сомнением покачал головой Нефедов. — Для этого нужно, чтобы паровоз шел со специально заданной скоростью.

— В том-то и дело! Но об этом мы еще подумаем. Позаботьтесь пока о взрывчатке.

— Сколько же ее понадобится? У меня ведь нет расчетных таблиц, а память может и подвести. Я уже столько лет не занимался такими расчетами!..

— Давайте вспомним сообща, — предложил Азаров. — Насколько мне помнится, для подрываия одного пролета стального моста длиной до сорока метров требуется примерно восемьдесят — сто килограммов взрывчатки.

— Это в тех случаях, если мы будем подвязывать ее к элементам мостовой фермы, — уточнил Нефедов. — Но и тут без учета размеров сечения ее поясов, раскосов и связей. Думаю, что с поправкой на это общий вес заряда должен составить не менее двухсот килограммов тола. И тоже лишь в случае крепления взрывчатки к элементам мостовой фермы. А у нас будет лишь начиненный взрывчаткой паровоз...

— Но ведь мы взорвем и котел этого паровоза. Следовательно, четырнадцать атмосфер его пара, выпущенные на волю, тоже сделают свое дело.

— Все равно вес заряда нужно увеличить до двухсот тридцати килограммов. На это уйдет все, что есть на складе нашей школы. А как же мы потом...

— «Потом» для нас уже не будет. Как только взорвется мост, нас уже не должно быть в этой школе.

Вот уже третий день работает на учебном участке овражковской железнодорожной ветки не раз побывавший

в ремонте товарный паровоз. Все это время курсанты отрабатывали на нем методы установки управляемых мин разных типов. Сегодня они будут проделывать это в ночное время.

— И вообще с сегодняшнего дня для нас будет существовать только ночь,— торжественно говорит перед строем курсантов Азаров.— Пора привыкать к жизниочных хищников, зрение, слух и жестокость которых мы возьмем на свое вооружение. И уж только от нашего усердия будет зависеть, станем мы по ту сторону границы бесстрашными тиграми или трусливыми шакалами.

Майор Вейцеккер, слушающий эту речь, одобрительно кивает головой.

С каждым днем он проникается все большим доверием и даже уважением к Азарову. Нравится ему и метод его практических занятий. Конечно, под паровоз кладут пока очень слабые заряды, не приносящие ему никакого вреда, но ведь взрыватели, капсюли и замыкатели срабатывают под ним безукоризненно. Значит, боевые мины, когда придет время, будут разрушать железнодорожное полотно и сбрасывать паровозы под откос безотказно.

Тревожат теперь Вейцеккера лишь занятия по технике радиосвязи. Их проводит пока Дерюгин, но он и сам считает себя плохим специалистом по этой части. А где найти хорошего? Не приглашать же кого-нибудь из немецких связистов? Это нарушит принцип комплектования школы только из русских, пожелавших добровольно и честно служить Германии.

НОЧНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Первыеочные занятия начинаются в двадцать два ноль-ноль. Моросит начавшийся еще с вечера мелкий, холодный, ни на минуту не перестающий дождь.

— Такой на всю ночь,— мрачно пророчит начальник полиции Дыбин, приехавший на первое ночное занятие вместе с Вейцеккером.

— А вам-то что? — удивляется Азаров.— Вам можно и не мокнуть. Господин майор и без вас тут...

— В самом деле, Дыбин, ехали бы домой,— оборачивается к нему Вейцеккер.— Я вас не держу.

— Как прикажете, господин майор. Домой-то мне еще рановато, но в городе есть кое-какие дела... А с вами тут Козюра побудет. Один из моих помощников.

И он с плохо скрываемым удовольствием уезжает, а Вейцзеккер в сопровождении полицейского Козюры и Азарова идет к месту ночных занятий. Черный непромокаемый плащ майора с накинутым на фуражку капюшоном делает его почти невидимым. Не видно вообще ничего — ни балластного слоя дороги, ни курсантов, распростершихся на мокрых шпалах и рельсах. Даже бараки и опушка леса растворились во тьме.

— Ну и ночка, — зябко поеживается под своим плащом Вейцзеккер.

— Самая ночка для диверсий, господин майор, — бодро отзыается Азаров. — Надо, чтобы наши ребята привыкли к тьме, дождям и прочим ненастьям. Теперь их зрение выключается полностью. Один лишь слух, а вернее, интуиция — шестое чувство сапера-подрывника. Этому нужно учиться, и я их этому научу.

— Что у них сейчас?

— Установка колесного замыкателя.

— На ощупь?

— Да, на ощупь, и притом так, чтобы охрана не смогла его обнаружить. Слышите свисток? Это Дерюгин подает сигнал охране. Она пойдет сейчас по шпалам с фонарями, и, если обнаружит мину, тем, кто устанавливал ее, придется проделать это еще раз. А может быть, и много раз, пока не научатся работать без брака. Вон охрана приступила к поискам колесного замыкателя!

Во тьме тускло поблескивают лучи двух фонарей. Слегка покачиваясь, они освещают часть песчаного балласта, темные полоски рельсов, лесенку пропитанных креозотом шпал. Овальные пятна света останавливаются на некоторое время на подозрительных местах пути и плывут дальше.

Но вот в небо взвивается ракета, освещая зеленоватым светом значительную часть железнодорожной ветки и стоящий вдалеке паровоз.

— Это сигнал машинисту, — объясняет Азаров. — Значит, охрана ничего подозрительного не обнаружила и через заминированный участок пути пройдет сейчас «поезд».

Не успевает ракета дрогнуть, как раздается свисток паровоза, и вскоре сквозь дождевую завесу начинают про-

свечиваться буферные фонари локомотива. По тусклым пятнам их света теперь можно следить за движением паровоза на насыпи. Набирая скорость, он приближается к заминированному участку.

А вот и вспышка пламени под передними его колесами! Гул взрыва негромок, да и сила его невелика, так как учебная мина начинена не толом, а небольшим количеством пороха. Но не составляет большого труда представить себе, что стало бы с паровозом, если бы мина была настоящей.

— Четко сработано,— одобряет майор Вейцзеккер.

— С колесным замыкателем это не так уж и хитро,— трезво оценивает действия своих курсантов Азаров.— А вот с управляемыми минами в такие ночи будет посложнее. Но мне хотелось бы еще более усложнить обстановку, господин майор.

— Каким же образом?

— Чтобы все было как в натуре, как при подрывании настоящего поезда в тылу настоящего врага. Когда советские партизаны пускают под откос немецкие воинские поезда, по ним открывают ведь огонь.

— Это естественно.

— Вот я и хочу, чтобы на наших учениях тоже все было совершенно естественно. Нужно обстреливать наших курсантов, как обстреливают партизан, чтобы они привыкали к огню. Не боевыми патронами, конечно.

— Мне нравится эта идея. Но как вы представляете себе это практически?

— А проще простого, господин майор. Посадим несколько человек на паровоз, и пусть они палят по «диверсантам». Нужно только, чтобы вы дали указание паровозной бригаде пустить к ним на тендер наших курсантов.

— Ну что ж, это можно,— охотно соглашается Вейцзеккер.— Давайте сделаем это сегодня же. Я передам мой приказ машинисту, а вы распорядитесь приготовить «автоматчиков».

И они расходятся: Вейцзеккер к паровозу, остановившемуся неподалеку от их наблюдательного пункта, а Азаров к Нефедову. Сообщив майору о возникшей у него идее, Азаров понижает голос до шепота:

— Понимаете, для чего я это?

— Не очень.

— Нужно же как-то втащить завтра на тендер взрывчатку. Вот автоматчики это и сделают. Отберите человек трех наших, и пусть они сегодня же прикинут, куда там ее можно будет запрятать.

— Теперь все ясно. А вы еще поимейте в виду помощника машиниста. Наши разведали, что его сестру в Германию должны отправить... Не думаю, чтобы он после этого служил немцам верой и правдой. Может быть, можно будет сделать что-нибудь и с его помощью...

— Это на крайний случай. Не будем пока рисковать. У нас еще целая ночь и день в запасе. К завтрашней ночи что-нибудь придумаем.

Но придумать что-нибудь достаточно надежное оказалось не так-то просто. Не только то, что приходило в голову самому Азарову, но и то, что придумывали Нефедов и Лукошко, после тщательного анализа отвергалось. И даже когда майор Нефедов в конце дня предложил Азарову, казалось бы, вполне надежный способ, лейтенант забраковал и его:

— Не годится и это! Нет уверенности, что предложенный вами механизм сработает безотказно. А мы должны придумать что-то такое, в чем не должно оставаться ни малейших сомнений.

— Ну тогда нужно, значит, кому-то из нас взорвать себя вместе с паровозом и этим чертовым мостом.

— А может быть, придется прибегнуть и к этому.

И Нефедов не сомневается, что Азаров сделает это, если не придумает ничего более надежного.

ПОСЛЕДНИЕ РАСЧЕТЫ

Вот и вечер. Однако Нефедов все еще ничего путного не придумал, хотя ломал голову над этим буквально весь день. Похоже, что и Азарова не осенила блестящая идея. Но он спросил для чего-то, удалось ли Лукошко увеличить время замедления кумулятивного заряда конической формы.

Старший лейтенант Лукошко искусный механик. Он придумал вместо ввинчиваемого в головку кумулятивного заряда стандартного запала замедлением на четыре секунды свой, продлевавший замедление до двух минут. Но что это даст? Даже если удастся прикрепить такую мину с помощью ее магнитных присосок к котлу паровоза, хватит

разве двух минут для того, чтобы паровоз успел за это время дойти до моста? Для этого он должен делать не менее ста пятидесяти километров в час, а его конструкционная скорость всего шестьдесят пять. А сколько он делает на самом деле — это только машинисту известно. Но уж никак не более пятидесяти.

Когда до началаочных занятий остался всего один час, Азаров вызвал Дерюгина-Нефедова к себе в угловую комнату барака, именуемую кабинетом начальника школы.

— Ну-с, господин Дерюгин, — серьезно, как на допросе, спрашивает он Нефедова, — придумали что-нибудь?

— Никак нет, господин обер-лейтенант.

— Распорядитесь тогда, чтобы у дверей подежурил кто-нибудь из наших, и послушайте мой план.

Когда Нефедов возвратился, Азаров шепотом изложил свою идею:

— Ничего гениального, конечно, не придумал. Но раз вы вообще ничего не предлагаете, будем осуществлять мой замысел. Ночные занятия у нас сегодня до четырех ноль-ноль. С этого момента и начнем действовать. К этому времени Вейцеккер должен уехать. Не уедет, нужно будет его ликвидировать. Поручите это кому-нибудь из самых надежных наших ребят. А машинисту дадим возможность связаться по телефону с поездным диспетчером и, как только он получит разрешение возвратиться в депо, снимем его и помощника с паровоза.

— Но ведь в будке стрелочника дежурит полицейский, — замечает Нефедов. — Он охраняет телефон и стрелочный перевод у выхода на основную магистраль.

— К тому времени там должен дежурить наш человек.

— Ясно. А кто же поведет паровоз, когда мы снимем машиниста?

— Когда-то ведь и вы водили поезда.

— Но ведь я...

— Понимаю, давно не держали в руках ни рукоятки паровозного регулятора, ни ручки крана машиниста. Но это не страшно, придумаем что-нибудь, чтобы дать вам возможность потренироваться. Какие еще вопросы?

— Вопросов больше нет. Я готов!

— К чему вы готовы? — невольно улыбается Азаров. — К самопожертвованию? К тому, чтобы вести паровоз на самый мост? Думаю, что не понадобится. Смотрите сюда.

Азаров расстилает на столе присланную ему командиром партизанского отряда схему участка железной дороги, на котором находится мост через Бурную.

— Вот наша ветка, примыкающая к основной магистрали. Она как раз перед километровым столбом с цифрой двести пять, а центр моста находится на двухсотом. Значит, до моста отсюда ровно пять километров. По имеющимся у меня сведениям, работающий у нас паровоз развивает на этом участке скорость всего лишь в тридцать километров, а не пятьдесят, как мы предполагали. Значит, за минуту он проходит пятьсот, а за две — тысячу метров. Именно на эти две минуты и отрегулировано замедление нашей кумулятивной мины. Паровоз, стало быть, нужно довести только до двести первого километра. И поведем его мы с вами вместе.

— Я могу и один...

— Нет, мы сделаем это вместе, товарищ Нефедов, — твердо повторяет Азаров.

— А когда погрузим взрывчатку?

— После того, как снимем с паровоза машиниста и его помощника. Взрывчатку нужно будет сосредоточить у выхода на основную магистраль. Сколько ее у нас?

— Около двухсотпятидесяти килограммов. Да еще три кумулятивных заряда параболической формы весом по двенадцать с половиной килограммов. Это не считая того кумулятивного заряда, замедлитель которого переоборудовал Лукошко.

— Они ведь начинены смесью гексогена с тротилом и обладают огромной взрывной силой?

— Да, пробивают броню толщиной более трехсот миллиметров и железобетонные стены до полутора метров. Котел паровоза разлетится под струями их ударной волны, как консервная банка, начиненная порохом.

НЕФЕДОВ СДАЕТ ЭКЗАМЕН НА ПАРОВОЗНОГО МАШИНИСТА

Часа в два ночи на следующий день майор Вейцзеккер, вполне удовлетворенный ходом ночных занятий школы диверсантов, решает отбыть в Овражков.

— Надеюсь, вы тут и без меня... — говорит он Азарову.

— Можете быть вполне спокойны, господин майор. Вот только о чем хотел попросить вас... Для полной уверенности в Дерюгине, мне хотелось бы проверить его...

— Как, вы все еще в нем сомневаетесь?

— Я сказал для полной, а вернее, для окончательной уверенности.

— В чем же вы еще сомневаетесь?

— Действительно ли он машинист? Я ведь, как вам известно, был помощником машиниста. Мы сегодня беседовали с ним об этом, и мне показалось, что паровоз он знает не очень твердо.

— Мог и забыть кое-что. Не молод ведь, да и когда ездил в последний раз! Он просидел несколько лет в лагерях и вырвался из них только перед самой войной.

— Это само собой. Но мне все-таки хотелось бы посмотреть, как он поведет себя на паровозе. Вот если бы вы дали указание машинисту...

— Ну что ж, это можно. Я прикажу ему пустить вас к нему на паровоз. Только сделать это нужно будет как-нибудь так, чтобы Дерюгин не догадался, что мы его проверяем.

— Понимаю вас, господин майор. Я постараюсь его не настороживать... А вот и он идет сюда, легок на помине, как говорится. Послушайте-ка, Дерюгин, вы хвалились как-то, что хоть давно на паровозе не были, а сможете на полном ходу притормозить его так, что...

— Ну, это я, признаюсь, прихвастнул,— смущенно улыбается Дерюгин-Нефедов.

— А не разучились ли вообще? — спрашивает Вейцзеккер.— Может, попробуете?

— Хоть и давненько не держал я в руках кран машинаста, но, если позволите...

— Эй, Каленов! — кричит Вейцзеккер машинисту, высунувшемуся из окна паровозной будки.— Мы сейчас поднимемся к вам и разыграем пари. Вот господин Дерюгин уверяет, что он затормозит ваш паровоз на полном ходу не хуже, а может быть, лучше вас.

— Ну что вы, господин майор! — испуганно воскликнет Нефедов.— Куда мне...

— Уж это верно,— убежденно подтверждает Каленов.— Паровоз — он как скрипка. Руку на его тормозном кране нужно каждодневно упражнять. А без этого...

— Ну, это мы еще посмотрим,— посмеиваясь, прерывает его Вейцзеккер.— Прошу вас на паровоз, господа,— делает он жест в сторону Азарова и Нефедова.— И давайте устроим маленькое соревнование.

А когда все взбираются в будку машиниста, Вейцзеккер приказывает:

— Ну-с, господин Каленов, покажите-ка нам сначала вы свое искусство.

Машинист не без самодовольства берется жилистой рукой за надраенную до блеска рукоятку регулятора впуска пара в цилиндры паровой машины. Другая его рука лежит на ручке крана машиниста. Нефедов замечает, что она пока на первом положении. Значит, тормоза полностью отпущены. Сейчас Каленов отожмет рукоятку регулятора от себя и впустит пар в золотники машины.

До того как поступать в институт инженеров железнодорожного транспорта, Нефедов работал паровозным машинистом. Немало времени провел он на локомотивах и во время студенческой практики. Доводилось иногда водить поезда и потом, когда был уже инженером. Давно, однако, не был Нефедов в будке машиниста, давно не видел арматуры паровозного котла...

Нет, не все еще забыто! Даже беглый взгляд на многочисленные его приборы воскрешает в памяти Нефедова все, что он знал о паровозе и управлении его механизмами. Стрелки котлового и тормозных манометров, уровень воды в водомерном стекле, цвет пламени в шуроочном отверстии топки почти исчерпывающе точно отвечают ему на все его вопросы о состоянии паровоза. Давление пара пока невелико: всего десять атмосфер. Воды в кotle вполне достаточно — более половины. А вот уголь в топке, судя по коптящему пламени, явно не первосортный.

Замечает низкое давление пара в кotle и тусклое пламя в топке Азаров. Будучи человеком решительных действий, он сразу же распахивает топочные дверцы, забирает лопату из рук помощника машиниста и начинает ловко забрасывать уголь из тендера в топку.

— Да, топка у нас не в порядке,— мрачно говорит машинист Каленов.— Помощник мой весь день сегодня в расстройстве чувств.

— Чего же это? — интересуется Вейцзеккер.

— Какие-то семейные неприятности.

— Какие же, господин помощник машиниста? — резко поворачивается к нему Вейцзеккер.

— Сестренку в Германию... — только и мог произнести помощник машиниста.

— Так вы, значит, из-за этого забастовку объявили? — повышает голос Вейцзеккер.

— Я стараюсь, господин майор! — испуганно произносит помощник машиниста.

— Отдайте ему лопату, господин обер-лейтенант, а мы посмотрим, как он старается.

Паровоз уже набрал значительную скорость, и Каленов перекрыл доступ пара в машину.

— Это что, предельная скорость?

— Да, тридцать километров. Больше из этого самовара на таком угле не выжмешь.

Тормозит он хоть и без особого мастерства, но Нефедов сокрушается:

— Ну, куда мне так!

Однако, проделав те же манипуляции с регулятором и краном машиниста, он тормозит локомотив почти так же, как и Каленов.

— Напрасно скромничали,— хвалит его Вейцзеккер.— По-моему, ничуть не хуже, чем Каленов. А вы что скажете, господин обер-лейтенант?

— Согласен с вами, господин майор. Будем, однако, справедливы к господину Каленову. У него класс работы повышен. Да и не мудрено — Дерюгин давно не держал руку на кране машиниста...

Каленов улыбается, а Вейцзеккер смотрит на часы:

— Ого, уже третий час! Мне пора возвращаться в Овражков, а то, кажется, снова собирается дождь.

— Не собирается, а уже... — уточняет Азаров, высываясь из окна паровозной будки.

Давно накрапывавший дождь льет теперь всерьез. Струи его, сносимые порывами шквального ветра, заливают окно и двери паровозной будки, жестко стучат по ее металлической обшивке. Майор Вейцзеккер торопливо прощается, натягивает на голову капюшон и спешит к своей машине.

— Ну, а мне что теперь делать? — спрашивает Каленов.

— Сейчас четверть третьего, — говорит Азаров, взглянув на часы.— Подежурьте еще полчаса и можете возвра-

щаться. Вам ведь нужно еще с поездным диспетчером связаться?

— Он предупредил меня, что в его графике будет «окно» между четырьмя и пятью часами. Я свяжусь с ним поближе к четырем.

— Тогда вам придется раздавить еще парочку наших мин,— шутит Азаров, спускаясь вместе с Нефедовым с паровоза.— Ну как? — спрашивает он майора.

— Все в порядке — не подведу.

— К четырем все должно быть подтянуто к будке стрелочника Михеева. Надеюсь, на него можно положиться?

— Вполне. Это наш человек.

— А полицай по-прежнему дежурит у телефона в его будке?

— Полицая мы ликвидируем, как только машинист получит от диспетчера разрешение на выезд.

— А Лукошко пусть обеспечит ликвидацию «шкоды», как только мы взорвем мост.

— А если...

— Никаких «если» быть не должно, Андрей Сергеевич! С мостом сегодня все должно быть кончено.

КОНЕЦ «НЕПРИСТУПНОГО»

Без пяти четыре машинист Каленов подгоняет свой паровоз к будке стрелочника и спрыгивает на землю.

— Стой! — окликает его полицай, с головы до ног укутанный в мокрый от дождя плащ.— Пароль!

— Дыня. Отзыв?

— Свекла,— отзыается полицай, опуская винтовку.— Домой, значит, Каленов?

— Созвонюсь вот только с диспетчером. Эй, Михеев; ты что, спиши, что ли? Свет почему не горит?

— Светомаскировку соблюдаю,— отвечает стрелочник Михеев.— Советские самолеты недавно пролетали.

— Подумаешь, какой важный стратегический объект для авиации твоя будка! — смеется Каленов.— Давай зажги что-нибудь, диспетчеру звонить буду.

Стрелочник Михеев зажигает ручной сигнальный фонарь и направляет свет на телефонный аппарат.

Каленову не сразу удается дозвониться. Наконец диспетчер отзыается на его вызов:

— Ну что, Каленов, хочешь в стойло? Только без промедления. В твоем распоряжении всего полчаса. Жду воинский. Не мешкай. Все!

Едва Каленов вешает трубку на рычажок телефонного аппарата, как на голову его обрушивается приклад автомата. Удар хоть и не очень сильный, но машинист теряет равновесие и падает.

— Вяжи его! — приказывает Нефедов Михееву.

А на паровозе Азаров стыдит помощника машиниста:

— Его сестру в немецкое рабство угоняют, а он сопротивляться вздумал.

— Так разве же я знал, кто вы такие?..

— А кто же еще, кроме партизан, мог захватить ваш паровоз, дурья твоя башка? — спрашивает скрутивший ему руки за спину здоровенный парень в мокром немецком маскхалате.

— Ну ладно, Евграфов, потом ему все это втолкуешь, — прерывает партизана Азаров. — А сейчас пусть он ответит на мои вопросы, если у него осталась хоть крупица совести.

— Я готов ответить на любой...

— С какой скоростью ходили вы к мосту?

— Больше тридцати километров ни разу не удавалось... Даже когда очень спешили.

— А высоко ли от крыши паровозной будки горизонтальные ветровые связи моста?

— Примерно метра полтора.

— А ты какую мне рейку приготовил? — обращается Азаров к Евграфову.

— Двухметровую, товарищ лейтенант.

— Понижашь его в чине, — смеется майор Нефедов, выходя из будки стрелочника. — Не знаешь разве, что немцы ему чин обер-лейтенанта пожаловали?

— А я чхал на их чины, — сердито отзыается Евграфов. — Я признаю лишь советские воинские звания.

— Некогда сейчас об этом! — торопит парня Азаров. — Крепи поскорее рейку к крыше паровозной будки. Я все-таки решил продублировать взрыв паровоза еще и тем способом, о котором вы мне рассказывали, Андрей Сергеевич, — обращается он к Нефедову, поднявшемуся в будку машиниста. — Ну как, Евграфов, укрепил уже рейку? Тогда помоги грузить взрывчатку на тендер.

— Как со стрелкой, Михеев? — спрашивает Нефедов.

— Все в порядке, товарищ майор, можно ехать!

— А у вас как? — оборачивается Нефедов к Азарову.—
Тоже все готово? Ну, тогда — вперед!

И он трогает паровоз с места. А Азаров заканчивает крепление взрывателя к нижнему концу рейки, установленной на крыше будки машиниста. Как только она заденет за верхние ветровые связи моста, предохранительная чека будет выдернута из корпуса взрывателя и ударник его пробьет капсюль-воспламенитель толового заряда.

Паровоз идет теперь по главной магистрали. Регулятор его открыт на большой клапан, обеспечивающий работу паровой машины на предельной мощности.

— Следите за километровыми указателями,— отрывисто бросает Нефедов Азарову.— У вас зрение получше.

Азаров высовывается в окно будки машиниста, всматриваясь в мелькание пикетных столбиков, установленных через каждые сто метров.

— Проезжаем двести третий километр,— сообщает он Нефедову.— Прыгать будем на двести первом.

Паровоз развивает теперь предельную скорость. В свете его буферных фонарей все чаще мелькают пикетные столбики. А вот и двести второй километр!

— Прошли двести второй! — кричит Азаров.— Приготовьтесь!

Через две минуты нужно спрыгнуть. Им известно, что откос насыпи тут песчаный и пологий, но без ушибов, наверное, не обойтись, даже если не подвернутся ноги. Чтобы смягчить падение, они заблаговременно натянули на себя ватные брюки и толстые стеганые телогрейки.

Теперь в окно смотрит Нефедов, а Азаров держит на готове кумулятивный заряд, чтобы прилепить его к котлу, как только паровоз сровняется с указателем двести первого километра.

— Двести первый! — кричит Нефедов.

А лейтенант прилепил уже кумулятивный заряд и машет Нефедову рукой:

— Прыгайте!

Майор прыгает вперед по ходу поезда и, чтобы погасить инерцию тридцатикилометровой скорости, сразу же падает на зыбкий песок откоса и катится вниз. А паровоз с грохотом несется дальше...

Докатившись до основания откоса, Нефедов больно ударяется обо что-то и не может подняться на ноги. А впереди его с глухим шумом быстро катится Азаров, Не успевает

Нефедов окликнуть лейтенанта, как тот сам уже склоняется над ним:

— Что с вами, Андрей Сергеевич?

— Ударился обо что-то... — с трудом сдерживая стон, отзывается майор Нефедов.

— Нас должны ждать тут партизаны. Полежите немного, я поищу их...

Но в это время страшный грохот сотрясает землю, а небо озаряется ослепительной вспышкой.

— Ну, вот и все... — радостно заключил Азаров.

— Представил я вас с майором Нефедовым к награде, товарищ лейтенант, — пожимая руку Азарову, говорит начальник инженерных войск армии. — Надеюсь также, что командарм поддержит мое ходатайство о зачислении вас в нашу армейскую инженерно-саперную бригаду на должность командира разведроты. Найдем должность и для майора Нефедова, как только он выпишется из госпиталя.

1968

ГЛАВА ПЕРВАЯ



ы понимаете, что говорите? — сердито смотрит на старшину Костенко майор Васин.— Как мог Чукреев подорваться? На чем?

— На чем он подорвался — этого я не знаю, товарищ майор, — хмуро отвечает старшина.— Но факт остается фактом — ефрейтор Чукреев действительно подорвался.

Взрыв все слышали, а я собственными глазами видел воронку и... тело...

— Но на чем же все-таки, черт побери? — уже ни к кому не обращаясь, повторяет майор Васин.

А спустя полчаса тот же вопрос задает ему начальник полигона подполковник Загорский.

— Может быть, ваши саперы проводили там занятия и случайно оставили какую-нибудь мину? — строго спрашивает он.

— Ну как это — мину забыть, товарищ подполковник? Да ведь за это... И потом, кто же проводит занятия с боевыми минами? А взрыв этот вы слышали? Разве рвутся так мины? Я в армии не первый год, не то что по звуку — по запаху вам определю, что взорвалось: тэн, гексоген, тротил или мелинит...

— Что вы мне читаете лекции по подрывному делу! — раздраженно прерывает майора подполковник.— Вы мне лучше скажите, как это могло произойти? Ваш ефрейтор взорвался ведь на пустом месте, в километре от пусковых установок и стендов, почти в трех километрах от лаборатории и складов. Там не могло быть ничего такого... А сам он не притащил туда что-нибудь?

— Об этом не может быть и речи! — решительно возражает майор Васин. — У меня военное подразделение, а не детский сад. И потом я же докладываю вам: звук взрыва совершенно незнакомый. А ефрейтор Чукреев был дисциплинированным, серьезным сапером.

Подполковник Загорский знает Васина давно. Он уважает его как хорошего специалиста по многим вопросам саперной техники, и ему досадно, что майор не может определить причины взрыва. Мало того, он еще считает, что взорвалось что-то незнакомое, необычное. Этого только не хватало! Может быть, таинственная мина свалилась с неба? Оттуда теперь может упасть все, что угодно.

Майор Васин тоже очень расстроен. Это хорошо видно по его помрачневшему лицу. Пожалуй, не нужно было говорить с ним так резко.

Тяжело вздохнув, подполковник Загорский садится за свой стол, заваленный какими-то схемами и чертежами, и устало произносит:

— Бросьте все свои дела и немедленно займитесь этим взрывом. Привлеките всех, кого найдете нужным. Завтра, не позже двенадцати ноль-ноль, я жду вашего заключения.

С шести часов утра и почти до полудня лучшие специалисты по минно-подрывному делу исследуют каждый квадратный метр участка полигона, где подорвался ефрейтор Чукреев. Прощупана каждая былинка, просеяна каждая горсточка почвы, подобраны и исследованы все осколки стекла и обломки металла.

А в час начальник полигона уже держит в руках акт расследования вчерашнего ЧП. Он, перечитывает его дважды. Затем опускает на стол исписанные аккуратным почерком майора Васина листки и задумывается. Он знает, что Васин и его помощники сделали все возможное. Ими подтверждается факт взрыва. Определена и приблизительная его температура по состоянию обгоревшей растительности и оплавленным песчинкам грунта. Но ведь это ничего практически не дает. Найдены, правда, осколки металла, стекла и пластмассы, входившие в состав взорвавшейся «мины», но они настолько мелки, что установить по ним ее конструкцию не представляется никакой возможности. Одним словом, что именно и каким образом взорвалось, по-прежнему остается тайной.

— Значит, все сплошной туман и никаких догадок? — мрачно произносит подполковник Загорский, нервно разглаживая складки на бумаге акта.

— Одно предположение можно все-таки сделать, — не очень уверенно заявляет Васин. — Оно, правда, настолько выбкое, что я даже не решился внести его в акт...

— Выкладывайте! — оживляется Загорский. — А уж я решу, включать его или не включать...

Майор не спеша расстегивает левый карманчик своей гимнастерки, достает аккуратно сложенную бамажку и осторожно разворачивает ее. Загорский видит в складках бумаги какие-то коричневые кристаллики и поднимает на майора удивленные глаза.

— Вы знаете, что это такое? — спрашивает Васин.

Загорский пожимает плечами.

— Кремний, — почему-то шепотом произносит майор.

— Полупроводник?

— Да. Его кристаллы высокой химической чистоты.

— А не мог он оказаться там случайно?

— Весьма возможно. Мы ведь широко применяем полупроводниковые приборы.

Подполковник Загорский долго ходит по канцелярии, тяжело вздыхает несколько раз и наконец решает:

— Давайте все-таки включим в ваш акт и эту находку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Никогда еще лицо генерала не казалось полковнику Астахову таким суровым, как сегодня. Вот уже несколько минут неподвижно сидит он за своим письменным столом и, не произнося ни слова, внимательно рассматривает какую-то иллюстрированную немецкую газету. Судя по выражению глаз генерала, он не читает ее текста. Значит, интересуется только фотографиями. Несомненно также, что они тревожат его — он почти не скрывает своего волнения. Такое случается с ним не часто.

Тот, кто плохо знает генерала, может подумать, что смотрит он на эти фотографии впервые. Но Астахов хорошо знает своего начальника и не сомневается, что он давно уже изучил эти снимки досконально. Астахову не известно пока, что на них изображено, но он уже предчувствует неприятности.

— Вот, полюбуйтесь,— произносит наконец генерал, протягивая Астахову газету.

Это западноберлинский «Шварц адлер». Полковник внимательно всматривается в помещенный в нем крупный снимок полигона, недоумевая, что тут могло привлечь внимание генерала.

— Обыкновенный полигон ракетного оружия...— медленно произносит он, не отрывая глаз от снимка и все еще надеясь заметить на нем хоть какую-нибудь деталь, ускользнувшую от его внимания.

— Вот именно,— недовольно перебивает его генерал,— самый обыкновенный полигон. Но ведь это же наш советский испытательный полигон тринацать дробь три! Не скажете ли вы, полковник Астахов, каким образом снимок его попал в «Шварц адлер»?

Да, это действительно полигон тринацать дробь три. Астахов даже краснеет от досады. Как же он сразу не обратил внимания на хорошо знакомый ему следящий телескоп, смонтированный на поворотном лафете зенитного орудия? Вспоминает он и расположение пусковых установок, испытательных стендов, смотровых вышек.

— Разве не на этом полигоне были вы всего три дня назад? — вскидывает генерал строгие глаза на Астахова.

— Так точно, товарищ генерал. На этом...

— Мало того,— снова перебивает его генерал,— полигон этот сфотографирован именно в тот день, когда вы на нем находились. На пусковой установке тут изображена ракета «Тау-21», испытание которой началось тридцать первого июля. Полюбуйтесь-ка на это сами!

Генерал достает из стола лупу и протягивает ее полковнику. Вооружившись ею, Астахов отчетливо видит теперь характерные очертания действительно запускавшейся в тот день ракеты «Тау-21».

— Да-с,— мрачно продолжает генерал, все еще не глядя на Астахова,— пикантная получается ситуация: прославленный контрразведчик, ответственный работник Комитета государственной безопасности едет проверять состояние секретности испытаний, производимых на полигоне ракетного оружия. Возвращаясь, докладывает, что все вполне благополучно, что вражеской разведке не подбирается к полигону и на пушечный выстрел. А тем временем полигон этот фотографирует кто-то как раз в момент запуска новой ракеты.

Пораженный полковник Астахов лишь сокрушенно разводит руками.

Генерал барабанит по столу кончиками пальцев. Астахов никогда еще не видел его таким взволнованным. Надо бы сказать хоть что-нибудь в свое оправдание, но что? Как могло произойти такое?

— Я пока не требую от вас объяснений, — сухо заключает генерал, — но приказываю немедленно заняться этим делом и не позже понедельника доложить, как это могло произойти.

— Слушаюсь, товарищ генерал...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

У капитана Уралова еще не иссяк юношеский задор, студенческая ершистость, но полковнику Астахову именно это и нравится в нем. К тому же он очень эрудирован, этот капитан. В области физики и математики никто из отдела Астахова не может с ним тягаться. Даже инженер-полковник Шахов. Для Астахова просто непостижимо, когда только успевает этот мальчишка читать всю новую литературу. Главное же увлечение капитана — кибернетика. Он ведь защитил недавно кандидатскую диссертацию по теории информации.

— А вот посмотрим, как ты с криптограммами будешь справляться, — задирают Уралова товарищи.

— Времена корпения над криптограммами вообще уже миновали, — немедленно парирует капитан. — Этим с гораздо большим успехом занимаются теперь вычислительные машины.

Не задумывается он и над вопросом: все ли посильно электронным устройствам?

— Почти все! С простыми кодами вообще не может быть никаких затруднений. Подобные задачи электронные машины решают, опираясь на статистические свойства текстов. В случае же сложных кодов, в которых для изменения статистической структуры используются таблицы случайного набора символов, расшифровка ведется пробами на разных кодах. При колоссальных скоростях современных счетных машин это не занимает много времени.

Говорить о вычислительных машинах, о теории информации и о математической логике капитан может в любое время дня и ночи. Но сегодня, к удивлению Астахова, он

молчалив. Вот уже второй час едут они в отдельном купе скорого поезда, а Уралов не обмолвился еще ни единим словом, если не считать кратких ответов на вопросы полковника.

— Что это вы такой мрачный сегодня? — с любопытством спрашивает его Астахов, хотя и у самого настроение неважное.— Рассказали бы что-нибудь новенькое... Выяснилось наконец, могут ли «электронные мозги» быть совереннее человеческих?

Капитан вздыхает.

— Не ожидал я, Анатолий Сергеевич, что и вы будега надо мной подшучивать...

— А я и не шучу вовсе. С чего это вы взяли? Я ведь тоже физиком себя считаю. Во всяком случае, учился когда-то на физико-математическом.

— Знаю я это,— недовольно бурчит Уралов.— Потому и удивляюсь, что вы мне такие банальные вопросы задаете...

— Ну, ладно, ладно,— смеется Астахов.— Мне не нравится только, что вы такой хмурый сегодня.

— Почему же хмурый? — пожимает плечами Уралов.— Просто не хочется надоедать. Знаю — вам теперь не до меня.

— Слыхали, значит, о наших неприятностях?

Капитан молча кивает.

Полковник высовываетя в окно, подставляя голову встречному ветру. За окном непроглядная ночь, лишь цепочки электрических фонарей четким пунктиром прорезывают улицы невидимого поселка.

Вспоминая недавний разговор с генералом, полковник молча стоит некоторое время у окна, потом, повернувшись к капитану, спрашивает:

— А вы, кажется, не очень довольны, что я вас от лаборатории оторвал?

— Можно мне тоже вопрос задать?

— Пожалуйста.

— Могу я узнать, с какой целью вы сделали это?

— Просто так. Решил, что вам не мешает проветриться.

Капитан смотрит на Астахова долгим, недоверчивым взглядом. Говорит задумчиво:

— А Шахов сказал, что вы хотите на оперативную работу меня перевести...

— А если бы и так?

Теперь высовывается в окно капитан и, не отвечая Астахову, долго всматривается в ночную тьму. Она беспросветна — ни огонька на земле, ни звездочки в небе. Поселок с бусинками электрических лампочек остался где-то позади, и не понять уже, что там во тьме — поля или леса. А поезд все мчит вперед, не сбавляя хода даже на станциях. Сильно бьет в лицо встречный ветер.

Астахов терпеливо ждет. Он догадывается, почему капитан так медлит с ответом.

— Не способен я к оперативной службе, товарищ полковник, — скучным голосом произносит наконец Уралов.

— Не способны или не имеете желания?

— Могу я быть с вами откровенным, Анатолий Сергеевич? — резко поворачивается к нему Уралов и, не ожидая ответа, взволнованно продолжает: — Не в оперативной работе дело — вообще все нужно по-другому... Не то время! И не улыбайтесь, пожалуйста, я знаю, что вы мне возразите. Дайте, однако, закончить. Я ведь не против той работы, которую вы называете оперативной. Нужна и она... Но нужно быть готовыми и к новым формам разведки и контрразведки. Время подвигов Вильгельма Штибера и Мата Хари — далекое прошлое. Мы живем в век термоядерного оружия, космических полетов, электронных машин. Все теперь иного масштаба, иного качества, иных возможностей.

Полковник слушает, не перебивая и не удивляясь, — ему ясно, куда клонит капитан. А Уралов, опасаясь, что его могут прервать, не дослушав, сыплет торопливые и не очень складные слова:

— Повторяю — пока нужны все формы. И те, у кого есть способности, а может быть, даже талант контрразведчика старой школы, пусть продолжают... Но ведь меня учили на физико-математическом, а потом в аспирантуре, я кандидат наук, зачем же и меня на это?..

— Теперь только я вижу, как мудро я поступил, взяв вас с собой, — добродушно смеется Астахов. — Засиделись вы в лабораториях и современную оперативную работу представляете себе, видимо, по не очень удачным приключенческим книгам. Надеюсь, однако, поездка наша поможет вам кое в чем разобраться. Ну, а теперь спать!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Больше всего беспокоит Загорского неразговорчивость полковника Астахова, хотя совершенно очевидно — приехал он неспроста. Неужели в прошлый раз не понравилось ему что-то на полигоне?

Действует ему на нервы и долговязый капитан Уралов. Скептически смотрит он на все прищуренными глазами и хотя бы слово вымолвил.

Они обходят те же самые объекты, которыми интересовался Астахов в свой первый приезд. А когда подполковник смотрит на часы, то вспоминает, что именно в это самое время Астахов осматривал полигон неделю назад. Случайно ли такое совпадение? У Загорского и так много неприятностей сегодня, а тут еще эта головоломка...

Удивляет Загорского и то обстоятельство, что полковник вдруг останавливается именно в том месте, на котором неожиданно заспорили они в прошлый раз. Разговор тогда зашел об одной новой книге. Но нет, не похоже что-то, чтобы полковник собирался продолжить прежний спор. Осмотревшись по сторонам, достает он из своей полевой сумки иностранную газету. Развернув ее, пристально рассматривается в какую-то фотографию. Видимо, и капитан Уралов не понимает, в чем дело, — он смотрит на Астахова с явным недоумением.

— Как, по-вашему, — обращается к нему полковник, протягивая газету, — откуда мог быть сделан этот снимок?

Загорский, заглядывая через плечо капитана, видит на снимке свой полигон в момент запуска ракеты «Тау-21». Ничего не понимая, он почти вырывает газету из рук капитана, но полковник решительным движением отбирает ее и возвращает Уралову.

— Потом посмотрите, товарищ Загорский. Пусть капитан ответит сначала на мой вопрос.

Уралов внимательно рассматривает снимок. Конечно, сделать его можно было только на виду у всех со стороны поля, совершенно голого до самого горизонта.

— Итак?..

— Фотографировали метров со ста — ста пятидесяти... Вон примерно с той точки, — кивает капитан в сторону ромашек, украшающих макушку небольшого холмика.

— Ну, а если с помощью телескопа?

— В этом случае съемку можно было бы вести с расстояния трехсот и даже четырехсот метров. Но опять-таки на виду. Перед нами ведь на несколько километров ровное поле.

— Да, тут действительно все как на ладони,— подтверждает подполковник Загорский. На продолговатом, сухощавом лице его не только удивление, но и явный испуг.— Ума не приложу, как в таких условиях смогли сфотографировать мой полигон.

А капитан уже мерит поле своими длинными ногами. Ходит взад и вперед возле холмика, на котором растут ромашки. Опускается даже на колени, ощупывает траву вокруг.

— Вы, конечно, понимаете мое положение, товарищ полковник,— оправдывается Загорский.— Я ведь...

— Да, я понимаю,— перебивает его Астахов,— потому и не спрашиваю вас ни о чем. Этого никто пока не может объяснить. Или, может быть, вы рассеете наше недоумение? — обращается он к подошедшему капитану.

— Нет, я тоже ничего пока не понимаю,— признается Уралов.

— Тогда сфотографируйте, пожалуйста, общий вид полигона,— просит полковник Астахов, передавая капитану немецкую газету.— Постарайтесь, чтобы снимки были в том же ракурсе, как и на фотографии, помещенной в этой газете.

— Ясно, товарищ полковник! — прикладывает руку к козырьку фуражки капитан Уралов.— Позвольте также обследовать и другие участки полигона.

— Делайте все, что найдете необходимым,— разрешает Астахов и поворачивается к подполковнику: — А вы, товарищ Загорский, учтите, что вашу технику и все ваши действия на полигоне кто-то тайно фотографирует в любое время дня, а может быть, и ночи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Инженер-полковник Шахов несколько лет подряд давал себе слово заняться «приведением в порядок своего фюзеляжа». Он имел в виду ежедневную физзарядку и регулярные занятия спортом. Конкретно — теннисом. Составля-

лись программы максимум и минимум, ни одна из коих не была осуществлена. Мешали этому и чрезмерная занятость, и некоторые другие обстоятельства, главным же образом элементарная леность. А когда перевалило за пятьдесят, Шахов вообще махнул на все рукой, стал только китель заказывать попросторнее.

Лишний вес между тем все чаще давал себя знать. Сказывалось это не только на работе сердца, но и на нервах. Поэтому-то скверное настроение, не покидавшее его в последние дни, Шахов был склонен приписывать своей тучности.

Скверно у него на душе и сейчас. Изнемогающий от жары и усталости, вот уже более получаса лежит он на диване и хмуро смотрит в потолок. Весь день сегодня пришлось ему нервничать, доказывая свою точку зрения, а зачем? Если полковник Астахов склонен больше считаться с фантастическими теориями капитана Уралова, а не с его, Шахова, опытом, то какой смысл во всех этих спорах? Нужно, пожалуй, пойти к самому генералу и доложить ему свою точку зрения...

Уралов, конечно, толковый малый. Начитанный, знающий. Но зачем же быть еще и фантазером? Он воображает, что вражеская агентура оснащена чуть ли не карманными электронными машинами, и не сомневается, что испытательный полигон ракетного оружия фотографировался какими-то кибернетическими средствами. Практика показывает, однако, что вражеские агенты великолепно обходятся и обычным фотоаппаратом. А каким образом удалось им сфотографировать не только полигон, но и самого полковника контрразведки Астахова, это уж результат споровки агента, производившего съемку. Вот послушаем завтра, что скажут эксперты, изучавшие эти снимки, тогда и будем делать выводы...

Но ждать до завтра не приходится. Раздается звонок, и Шахов слышит веселый голос полковника Астахова:

— Извините, что беспокою вас так поздно, Семен Ильич, но экспертиза уже готова, эксперты у меня, а за вами послана машина.

Приходится вставать с уютного дивана, и весьма вероятна перспектива снова провести всю ночь без сна. А ведь вчера и позавчера было то же самое. Другой бы похудел от такой жизни безо всякой физкультуры..

Машина приходит через десять минут. Шахов, ждавший ее на улице, молча распахивает дверцу и тяжело плюхается на заднее сиденье.

Конечно, эксперты доложат что-нибудь такое, что подтвердит точку зрения Уралова, в противном случае Астахов не стал бы так торопиться. Будет, видимо, допущено, что вражеская разведка использует какую-то новую аппаратуру. А как они завезли ее к нам? Разве над этим кто-нибудь из наших «поборников нового» задумывается? Все буквально загипнотизированы этими самонастраивающимися, самообучающимися и, кажется, даже самомонтирующимися кибернетическими машинами, для коих будто бы все возможно...

«Физики и лирики», — невольно вспоминает Шахов заголовки недавних дискуссионных статей и задает себе вопрос: «А я-то кто же: физик или лирик?» И усмехается: «Лирик, наверно. Лирик испытанных старинных методов разведки и контрразведки. Ну что ж, послушаем теперь физиков и не станем без особой нужды омрачать их нашим скептицизмом. Любопытно, однако, чем, кроме смутных догадок, подтверждают они свою точку зрения...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

У Астахова действительно все уже в сборе. Спокойно сидят в его кабинете и пьют чай. Полковник умеет проводить свои совещания в спокойной, почти домашней обстановке.

— Угощайтесь, Семен Ильич, — протягивает он чашку инженер-полковнику. — И начнем, пожалуй. Прошу вас, товарищ Павлов.

Майор Павлов — худощавый, подтянутый — типичный штабной офицер. В компетентности его у Шахова нет ни малейших сомнений. В вопросах фототехники он непрекаемый авторитет. Не торопясь, монотонно читает майор машинописный текст заключения экспертов, из которого следует, что все снимки полигона ракетного оружия сделаны... не фотоаппаратом! Далее следует длинное объяснение причин такого заключения.

Все действительно может быть и так, но кое-что можно толковать по-иному. И Шахов столь же неторопливо, как и Павлов, принимается излагать свои возражения.

А капитан Уралов со скучающим видом пьет чай. Астахов краем глаза наблюдает за ним. Бесстрастие капитана кажется ему напускным. Не может он оставаться равнодушным к тому, что говорит Шахов. Окажись прав инженер-полковник — гипотеза Уралова потеряет весь смысл...

— Ну хорошо,— спокойным голосом замечает наконец капитан, как только умолкает Шахов,— допустим, что вы правы и снимки нашего полигона действительно сделаны обычным аппаратом. Когда они в таком случае могли попасть в редакцию западноберлинской газеты «Шварц адлер»?

Шахов молчит, прикидывая что-то в уме, а Уралов продолжает после небольшой паузы:

— Нам ведь известно, когда они были сделаны. Было это тридцать первого июля примерно в четыре часа дня. Известно нам и время выхода из печати западноберлинской газеты.

— Мы действительно можем точно все подсчитать,—оживляется и Астахов, поняв мысль Уралова.— Вот газета «Шварц адлер». На ней стоит дата: первое августа.

— Значит, с момента съемки до выхода этой газеты из печати времени было не более суток,— все тем же спокойным голосом заключает Уралов.— Мог ли тот, кто производил эту съемку, преодолеть расстояние более чем в три тысячи километров в течение двадцати четырех часов?

Для Шахова уже ясно, что его точка зрения не верна, но он все еще не хочет сдаваться.

— А почему бы не допустить, что агент, производивший съемку, покрыл это пространство самолетом? — спрашивает он, поворачиваясь к Астахову и избегая пристального взгляда Уралова.

— На каком самолете? — пожимает плечами полковник Астахов.— Не на собственном же?

— Я имею в виду обычный самолет ближайшего аэродрома.

— Ну что ж,— одобрительно кивает Уралов,— нужно обсудить и такую возможность. Так как военным самолетом тайный агент явно не мог воспользоваться, ему, следовательно, нужно было преодолеть расстояние до ближайшего гражданского аэродрома, равное примерно двумстам километрам. Создадим ему для этого наиболее благоприятные

условия и посадим его на попутную машину. По местным дорогам на такую поездку ушло бы не менее трех часов. На аэродром он прибыл бы, значит, не раньше семи вечера. На запад в это время не летит ни один самолет — последний отправился в три часа дня, ближайший уходит только в четыре утра. А в четыре утра — это уже первое августа. Мог ли он в оставшееся время...

— Нет, не мог, — перебивая Уралова, заключает Шахов и поднимает руки. — Я капитулирую и готов принять версию капитана Уралова. Однако теперь мне хотелось бы услышать, как он ее аргументирует. О его точке зрения мне известно пока лишь со слов полковника Астахова.

Заметив, что победитель не злорадствует и не торжествует, Шахов смотрит на него уже без предубеждения. Сам бы он не упустил случая поддеть капитана.

Все теперь поворачиваются к Уралову, который мелкими глоточками не спеша пьет чай.

— Аргументы? — спрашивает он, ставя свою чашку на блюдце. — Разве и без того не очевидно, что имеем мы дело с каким-то электронным устройством?

— Это догадки или есть конкретные доказательства? — шурится инженер-полковник Шахов.

— А помните таинственный взрыв на полигоне у Загорского?

— Это когда погиб ефрейтор?

— Да, ефрейтор Чукреев.

— Но ведь это когда было! — пренебрежительно машет рукой Шахов. — Почти полгода назад.

— Зачем же полгода — всего три месяца. Но то, что тогда было непонятно, теперь предстает совсем в другом свете. Помните кристаллики кремния, найденные майором Васиным на месте взрыва таинственной мины?

— Вы полагаете, следовательно...

— Вот именно! У меня нет никаких сомнений в том, что тогда взорвалось электронное устройство, которое вело передачи с нашего полигона. А о том, что было оно электронным, свидетельствуют кручинки чистейшего кремния.

— Допустим, что это действительно так, — не очень охотно соглашается инженер-полковник. — А каков, по-вашему, его внешний вид?

Капитан задумчиво смотрит некоторое время в темный прямоугольник окна, потом берет синий карандаш из дере-

вянного стакана, стоящего на письменном столе Астахова, и торопливо набрасывает на листе бумаги какие-то эскизы.

— Внешний вид его может быть какой угодно. Такая вот танкетка, например. Или подобие приплюснутого шара — сфероида. Вероятно даже, что эта штука сама, автоматически, так сказать, окрашивается под цвет окружающей местности.

— Обладает своеобразной мимикрией?

— Да, нечто в этом роде,— уверительно кивает капитан.

«Принципиально это, конечно, возможно», — мысленно соглашается с ним Шахов. Вслух он спрашивает:

— Ну хорошо, допустим, что такая управляемая на расстоянии закамуфлированная танкетка действительно вкатилась на один из наших полигонов. А как же она передает изображение? Вы, конечно, ответите: с помощью телевидения. Допускаю и это, но как? Размеры ее не могут быть велики. Где же она берет энергию для передач? Ведь телепередачи требуют огромных затрат энергии...

Шахов задал Уралову вопрос, который интересует всех. И эксперты, давно уже забывшие о своем чае, и полковник Астахов — все выжидательно смотрят на капитана. Этот пункт его гипотезы кажется им особенно уязвимым.

— Я не думаю, что «электронный шпион» ведет обычную телепередачу, — задумчиво произносит капитан. — На это действительно потребовалось бы слишком много энергии. Видимо, тут найдено какое-то иное решение. Современная теория информации дает возможность выработать очень простые, экономные коды. С помощью таких кодов любую информацию, в том числе телевизионную, можно передать в сжатом виде в течение нескольких секунд. А телевизионные приемники, расшифровав ее, воспроизведут затем на своих электронно-лучевых трубках в натуральных масштабах времени.

— Дело тут, значит, в статистическом составе информации? — спрашивает Астахов, имеющий некоторое представление о теории связи.

— Да, конечно, — кивает Уралов и наливает себе еще чашку чая. — Несмотря на необычайную сложность статистического состава телевизионной информации, она все же поддается исследованию методами общей теории связи. Информацию эту можно измерить и установить наименьшее количество единиц для ее передачи.

— М-да, — задумчиво произносит Шахов, отодвигая пустую чашку. — Не очень конкретно, конечно, но вполне вероятно.

— Можно, значит, начинать поиски «электронного шпиона»? — спрашивает Астахов.

— Полагаю, что можно, — отвечает Шахов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Казалось бы, кроме капитана Уралова, некого было послать на такое задание, и все-таки полковник Астахов не очень уверен, правильно ли он поступил, послав именно его. Капитану придется иметь дело не только с техникой. За этой техникой — люди, опытные разведчики врага. Как-то он справится с этим? А тут еще Шахов смотрит весь день укоризненным взглядом. Надо поговорить с ним, пожалуй...

— А вы бы кого послали? — без всяких предисловий спрашивает Астахов инженер-полковника.

Шахов молчит, раздумывая. Кроме Уралова, послать на такое дело действительно некого...

— Я, собственно, не против Уралова, — говорит он наконец. — Но надо бы не одного. Я бы вместе с ним обязательно кого-нибудь из опытных оперативных работников послал. Одному ему трудно будет. Он ведь неопытен в делах оперативного характера. Да и точка зрения у него слишком уж...

Не закончив мысли, Шахов широко разводит руками и замолкает.

— А вы, значит, все еще не разделяете этой точки зрения?

— Не вполне, — признается Шахов. — Она отрывается от сегодняшнего дня, от повседневной практики нашей работы, хотя и выглядит весьма прогрессивной. Но вы не думайте, что я совсем уж погряз в будничной работе. Я слежу за всем новым. Допускаю даже теоретическую возможность телеграфной передачи человеческого тела, высказанную Норбертом Винером.

Он произносит это без улыбки, и нелегко понять, шутит он или говорит серьезно.

— Представляю себе, как усложнится работа контрразведок, — усмехается Астахов, — если тайных агентов начнут забрасывать таким способом. К счастью, сам же Ви-

нер опровергает такую возможность. Любое «развертывание» организма должно ведь представлять собой процесс прохождения электронного луча через все его клетки. А это неизбежно разрушит живые ткани, и, если кому-нибудь удастся «протелеграфировать» в наш адрес тайного агента, мы получим лишь труп его. А мертвый агент не так уж страшен.

Оба смеются. Потом Шахов замечает задумчиво:

— Может быть, и к лучшему, что Уралов поехал один. Это приучит его к самостоятельности.

— А в существование «электронного шпиона» вы верите?

— Весьма возможно, что он и существует, — уклончиво отвечает инженер-полковник. — Во всяком случае, современная техника дает возможность осуществить разведку подобным образом. Но даже если это и не так, не сомневаюсь, что это всего лишь эксперимент. Основные методы разведки, конечно, все те же. Они себя еще не изжили.

— Согласен с вами. Но согласитесь и вы, что прежними методами агентурной разведки работать становится все труднее и труднее. Секреты современных лабораторий и испытательных полигонов уже не получишь так просто, как получала их в свое время «Филд информейшн э́дженси текникал».

— О, этот офис я хорошо помню! — смеется Шахов. — Его руководитель полковник Путт еще в сорок шестом хвастался, что ему было доставлено из Германии двести тридцать тонн документов и около трех тысяч тонн оборудования.

Мог бы и Астахов рассказать кое о чем, с чем сталкивался за время своей долгой работы в контрразведке. О том, например, что директор Американского национального фонда Уотерман проговорился как-то, что усовершенствование радара, атомной бомбы, реактивных самолетов и пенициллина осуществлялось в Соединенных Штатах на основе иностранных открытий и исследований, к которым американцы имели легкий доступ. Но не Шахову же сообщать об этом! Его такими фактами не удивишь. Он знает их побольше, пожалуй, чем сам Астахов.

— Научно-технической разведке, — продолжает между тем инженер-полковник, медленно прохаживаясь перед Астаховым, — и сейчас предписывается уделять наибольшее внимание сбору информации в области ядерной физики,

электроники, аэродинамики сверхзвуковых скоростей и ракетной техники. Добывать эти сведения будут они, конечно, всеми методами — и новыми, и старыми, так что работы хватит даже таким консерваторам, как я,— заключает он с усмешкой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Загорский беседует с Ураловым уже около часа и не перестает удивляться странным вопросам капитана. Уралов спрашивает о вещах, не имеющих, казалось бы, ничего общего с фотографированием полигона. Заинтересовался вдруг происшествиями. Просит перечислить все, что произошло на полигоне за последние три месяца.

Можно было бы посмотреть рапорты дежурных по полигону, но Загорский и без них отлично помнит все маломальски значительные события за весь год. А так как угадать, что именно нужно капитану Уралову, почти невозможно, начинает перечислять все подряд.

Некоторое время капитан сосредоточенно слушает и вдруг задает вопрос:

— А почему вы не сообщаете о происшествии с ефрейтором Чукреевым?
— Так ведь мы же донесли вам об этом.
— Меня интересуют подробности.
— Какие же подробности? — удивляется Загорский.— В донесении я достаточно подробно изложил, как это произошло.

— Да, вы действительно подробно изложили, но лишь техническую сторону дела,— уточняет Уралов.— А меня интересует ефрейтор Чукреев. Можете вы рассказать что-нибудь о нем?

Загорский задумывается, вспоминая погибшего ефрейтора, потом решает:

— Пригласим лучше старшину Костенко.

Старшина является через несколько минут. Узнав, чем интересуется капитан, принимается рассказывать биографию Чукреева.

— Этого сейчас не требуется, товарищ старшина,— останавливает его Уралов.— Меня интересует пока лишь последний день его жизни. Видели вы его в тот день? Что он делал, где был? Нес службу или отдыхал? Как оказался в том месте, где произошел взрыв?

— Под вечер это было, товарищ капитан, уже после занятий. Я его тогда по делу одному к связистам посыпал. Потом отпустил отдыхать. Ушел он от меня, а минут через десять грохнул взрыв...

— А куда ушел и, главное, зачем?

— Ну, куда — это ясно теперь. Туда, где подорвался. А вот зачем, этого он прямо мне не сказал. Только так, в шутку, наверно, обронил: «Ежа побегу ловить, товарищ старшина».

— И все?

— Да, все. А уже потом от младшего сержанта Егорова я узнал, что он и ему пообещал ежа поймать. Больше никто его не видел и не слышал...

— Ну, а как вы поняли эти его слова о еже?

Старшина пожимает плечами:

— Может, он действительно ежа в поле заметил, когда от связистов возвращался, да вот... так и не поймал...

В полночь капитана Уралова вызывает к телефону полковник Астахов.

— Какие у вас успехи? — спрашивает он капитана.

— Кое-что проясняется, — неопределенно отвечает Уралов.

— Ну, а все-таки?

— Похоже на то, что «штука», которой мы интересовались, действительно кончает жизнь «самоубийством», как я и предполагал.

Некоторое время в трубке слышится лишь сухое потрескивание электрических разрядов, а когда капитану начинает казаться, что Астахов его не понял, снова раздается голос полковника:

— Чем подтверждается подобное предположение?

— Подробностями гибели ефрейтора Чукреева.

— Значит, «общение» с этой «штукой» небезопасно?

— Да, в какой-то мере.

Снова молчание, на этот раз более короткое. Затем строго, почти в форме приказа:

— Будьте предельно осторожны. Зря не рискуйте.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Командир подразделения связистов старший лейтенант Джансаев, к которому заходит капитан Уралов, очень молод. Он внимательно слушает капитана, не сводя с него

пристального взгляда. Скуластое, смуглое лицо его сосредоточенно, черные, слегка раскосые глаза прищурены.

— Нет, не было за это время ничего такого, — уверенно говорит он. — Ни одной подозрительной передачи. У нас хорошая аппаратура, непременно бы засекли.

— Ну, а если не передачи? Сигналы какие-нибудь? Или просто помехи? Что-то, мешающее вашим передачам?

— Такие помехи были, конечно, — почему-то смущенно признается Джансаев. — На ультракоротких принимались одно время подозрительные импульсы.

— Так что же вы не донесли нам об этом? — удивляется Уралов. — Разве вы не знаете инструкцию?

— Знаю. И донести собирался. Но ведь все это через начальство идет. Через подполковника Загорского. А он прочитал мое донесение и говорит: «Зачем панику поднимать? Еще раз проверить надо». Стали проверять, а импульсы больше не повторились. Получилось,仿佛 я придумал все это. Распекал меня потом подполковник. «Хотите, говорит, чтобы опять у нас ЧП было?..»

— А долго эти импульсы длились?

— Секунд десять примерно.

— Вы их один раз засекли?

— Нет, два раза и все в одно и то же время.

Капитан задумывается, прикидывая что-то в уме, а Джансаев, помолчав немного, добавляет:

— Как хотите, а я все-таки убежден, что это не случайность.

— Интуиция или есть еще какие-нибудь факты? — серьезно спрашивает капитан, хотя Джансаеву почему-то кажется, что он шутит.

— Есть и факты. Примерно в то же время на экранах местных телевизоров появлялись помехи. В течение нескольких секунд два или три дня подряд корежилось на них изображение, хотя никаких естественных причин к тому не было.

— Во всех телевизорах?

— Нет, не во всех, а лишь в определенном секторе. Я специально опрашивал владельцев телевизоров не только нашего военного городка, но и рабочего поселка в тридцати пяти километрах от нас.

Сообщение это еще более настораживает Уралова. Он достает свой блокнот и, торопливо набросав на нем распо-

ложение полигона, военного городка и рабочего поселка, протягивает старшему лейтенанту авторучку:

— Изобразите на этой схеме хотя бы приблизительные очертания сектора, в котором обнаруживались телевизионные помехи. Из какой примерно точки исходили его радиусы?

— Точно я не укажу, но приблизительно точка эта могла быть где-то вот тут.

И он не очень уверенно чертит на блокноте капитана две линии, исходящие из точки, находящейся в районе стартовой площадки полигона.

— Я догадываюсь, товарищ капитан, почему вас это интересует,— замечает он, возвращая Уралову авторучку.— Едва ли, однако, стал бы кто-то вести свои передачи на диапазоне волн нашего телевидения. Да и никакого изображения, кроме помех, в те дни никем замечено не было.

«И не могло быть,— думает Уралов.— Там ведь иной принцип передачи. Она шифрованная, потому и не страшно вести ее на любых ультракоротких волнах».

— То, что вы рассказали,— говорит он вслух,— чрезвычайно важно для нас. Кстати, когда это было?

— Примерно четыре месяца назад. После вообще не замечалось ничего подозрительного.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На другой день, запросив телеграммой у инженер-полковника Шахова пеленгатор ультракоротких волн, Уралов направляется в радиомастерскую старшего лейтенанта Джансаева. Внимательно осмотрев ее оборудование, особенно установки для обнаружения ультракоротковолновых передач, он с трудом скрывает свое разочарование. Старший лейтенант, ревниво наблюдающий за выражением его лица, обиженно замечает:

— Это вы зря, товарищ капитан. Такую радиомастерскую, как у нас, разве только в штабе округа найдете...

— А я разве сказал о ней что-нибудь плохое?

— Зачем же говорить, и так видно...

— Ишь какой обидчивый! — смеется капитан.— Мастерская у вас хорошая, а вот пеленгаторы УКВ неважные. Такими трудновато кого-нибудь обнаружить.

— Но ведь обнаружили же! Я, правда, и сам в этом немного сомневался — аппаратура у нас действительно не очень совершенная. Но теперь, после этих снимков нашего полигона, попавших в иностранную газету, ручаюсь, что засекли мы тогда какую-то шпионскую передачу. Может быть, попробуем еще раз поохотиться?

Хотя капитан Уралов не намного старше Джансаева, старший лейтенант заметно робеет перед ним. Он знает, что Уралов кандидат наук, и это кажется Джансаеву недостаточно степенью учености. Он почти не сомневается, что капитан непременно высмеет его. Но Уралов, видя, что Джансаеву очень хочется хоть чем-нибудь ему помочь, неожиданно соглашается:

— Ну что же, давайте попробуем. Думается мне только, что тот аппарат, с помощью которого велась засеченная вами передача, погиб, как только его обнаружил ваш ефрейтор.

— А разве ефрейтор его обнаружил? — удивляется Джансаев, и черные глаза его становятся совсем круглыми. — Это ведь Чукреева имеете вы в виду? Прямо-таки не верится! Думали же, что мина... А это, значит, передающий аппарат какой-то?

— Да, кибернетическое существо, — улыбаясь, поясняет Уралов. — Электронное устройство с элементами функций, имитирующих нервную систему. Оно заключено, видимо, в маленькую танкетку или в шар, свободно передающуюся с места на место...

— Похожий на ежа, да? — не сдержавшись, перебивает Уралова Джансаев. Теперь только понял он наконец связь между гибеллю ефрейтора и «электронным шпионом».

— Да, весьма возможно, что оболочке этого устройства придана форма ежа — типичного обитателя степной полосы. Отличная маскировка!

— А почему же этот «еж» взорвался при встрече с Чукреевым?

— Похоже, что он покончил «самоубийством». Взорвался, чтобы скрыть тайну своего устройства. В связи с этим новый «еж», наверно, не ведет больше передач ни на одной из прежних волн коротковолнового диапазона.

— Вы думаете, что гибель ефрейтора их насторожила?

— Гибель не ефрейтора, а «ежа». О ефрейторе они, пожалуй, и не подозревают даже.

Чувствуя, что Джансаев его не понял, Уралов объясняет подробнее:

— Приемная телевизионная камера «ежа» работает, видимо, не все время, а периодами, в целях конспирации и экономии энергии.

— А все заснятые ею кадры тотчас же передаются?

— Едва ли. Скорее всего, они хранятся в запоминающем устройстве «ежа» до тех пор, пока он не получит радиокоманду о посылке их в эфир остронаправленной антенной.

— Почти так же, значит, как при приеме информации с наших искусственных спутников? Там она тоже хранится либо в кратковременной, либо в долговременной «памяти», — пользуется случаем Джансаев продемонстрировать свою осведомленность в вопросах современной техники связи.

— Да, принцип, видимо, один и тот же, — соглашается Уралов.

— Ну, а если информация с «ежа» передается какое-то время спустя после произшедшего события, кто же подал «ежу» сигнал, что ему грозит опасность? — любопытствует Джансаев, щуря свои раскосые глаза.

— А никто. В такой ситуации некогда ждать команды. Тут необходимо немедленное действие. Это, конечно, учли конструкторы «ежа». Решить же такую проблему нетрудно. Достаточно для этого снабдить «ежа» фотоэлементом, а уж он мгновенно включит взрывное устройство, как только «ежу» будет угрожать опасность. По такому принципу действовали многие минные устройства еще в ту войну.

— А те, кто послал к нам «ежа», так и не знают, что с ним произошло?

— Если бы он не покончил «самоубийством», блок его «памяти» проинформировал бы их потом, как наш ефрейтор охотился за ним. Не зная же этого, они могли предположить, что «еж» был обнаружен, скорее всего, с помощью пеленгаторов. В связи с этим их новый «электронный шпион» ведет теперь передачи на каких-то других волнах и в иное время.

— Но на метровых все-таки?

— Почему же? Может быть и на дециметровых или даже на сантиметровых.

В тот день Уралов с Джансаевым пытаются запеленговать «ежа» на дециметровых и сантиметровых волнах. На

это уходит весь вечер и значительная часть ночи. Все, однако, оказывается безрезультатным.

— Видно, действительно слишком маломощна моя техника,— вздыхает Джансаев, печально глядя на свои пеленгаторы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Утром неожиданно приезжает Шахов с несколькими сотрудниками своей лаборатории. Не ожидая вопросов Уралова, кратко объясняет причину своего приезда:

— Даны команда — разобраться во всем в самый кратчайший срок. Что тут у вас нового?

Уралов лаконично докладывает обстановку.

— Все, значит, на том же месте,— разочарованно вздыхает Шахов, пухлыми пальцами набивая трубку душистым табаком.— Ничего конкретного, одни догадки...

Заметив удивленный взгляд капитана, обращенный на трубку, инженер-полковник смущенно улыбается:

— Пятнадцать лет не курил и вот снова... Может быть, поможет от излишеств избавиться.

Он похлопывает себя по животу и добавляет со вздохом:

— А ведь когда-то и я таким же стройным был, как вы... Ну-с, а теперь за дело!

С помощью приехавших с Шаховым техников капитан Уралов к полудню налаживает привезенные пеленгаторы. К работе приступают тотчас же. Разбившись на три группы, все рассаживаются по машинам, предоставленным подполковником Загорским в распоряжение Уралова, и разъезжаются по полигону.

Капитан работает со старшим лейтенантом Джансаевым. Этот любознательный смышленый офицер нравится капитану. Льстит ему и то, что Джансаев прочел почти все его статьи о применении кибернетики в военном деле. Он о многом спрашивает Уралова, задавая то наивные, то неожиданно серьезные вопросы, свидетельствующие о живом уме. А капитан рад слушаю поговорить о своем любимом предмете.

Они разговаривают весь день, не спуская глаз с экрана осциллографа. Но экран не регистрирует ни единого импульса. К вечеру капитан мрачнеет.

— Это ничего,— успокаивает его Джансаев.— Вы же сами говорили, что «он» передает не непрерывно, а по

чей-то команде. Я даже думаю, что в целях наибольшей скрытности передачи эти ведутся не более одного-двух раз в сутки. Так что придется набраться терпения.

Капитан Уралов связывается по радио с инженер-полковником Шаховым и инженер-капитаном Серегиным. У них тоже никаких успехов.

— Вы полагаете, что нужно продежурить еще и ночь? — спрашивает Шахов.

— Непременно, — убежденно заявляет Уралов. — Ночьюто и может все произойти...

— Ну, если вы в этом так уверены, попробуем, — без особого энтузиазма соглашается инженер-полковник. — Хотя, сказать вам по правде, я бы с гораздо большим удовольствием провел ночь в постели.

— Тогда вместо вас можно кому-нибудь из ваших техников это поручить.

— Нет, нет, зачем же! Я ведь похудеть собираюсь, — смеется Шахов.

Но и ночь не приносит успеха. На рассвете все собираются в штабе Загорского. Капитан все еще бодрится, а инженер-полковник совсем приуныл. Вид у него какой-то помятый.

— Поручим это дело связистам, — устало говорит он. — Вы только хорошенько проинструктируйте их. А нам пора и отдохнуть.

...Никаких результатов не приносит и следующий день. Теперь уже и Уралова начинают одолевать сомнения. Один только Джансаев по-прежнему непоколебимо верит в удачу.

Вечером Уралову передают телефонограмму от полковника Астахова. Полковник сообщает, что завтра лично прибудет в хозяйство Загорского.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Астахов прилетает на специальном самолете в девять утра. За ночь на полигоне не происходит никаких перемен. Зато Астахов привозит еще один номер «Шварц адлера» со снимком полигона Загорского, добытый им в Министерстве иностранных дел. На газете стоит дата: двадцатое мая.

— Это, конечно, старый снимок, — замечает Уралов. — Об этом свидетельствует не только дата на газете, но и ка-

чество изображения. Наверно, они тогда еще только осваивали технику своего первого «ежа».

С любопытством и огорчением рассматривает снимок и подполковник Загорский.

— И чего они в меня вцепились? — недоуменно разводит он руками.— Непонятно! Что тут можно выведать? Ракеты делаются ведь не у меня. Секрета их изготовления тут, следовательно, не подсмотришь. Ну, а с теми ракетами, которые монтируются у нас, все необходимые операции производятся в далеко отстоящих друг от друга зонах. С одной позиции их не обозришь. Полета их тоже не увидишь. Мы и сами фиксируем его лишь с помощью киноаппаратов, телескопических установок да спаренных радиолокаторов.

— А за ракетой особенно важно проследить в течение всего ее полета,— замечает инженер-полковник Шахов.— Только это дает возможность определить ее траекторию и скорость.

— Вот именно! — оживленно кивает обрадованный поддержкой Загорский.— Мы применяем для этого не только радиолокаторы, но и специальный следящий телескоп, смонтированный на поворотном лафете. Так что, в общем, не знаю, что они тут могут высмотреть, кроме разве только вспышек при запуске ракет.

— А вы не успокаивайте себя этим,— строго замечает полковник Астахов.— Если им и не удается с помощью «ежа» выведать что-либо существенное, то для пропагандистских целей он себя вполне оправдывает.

— А почему все вы с такой уверенностью говорите об этом гипотетическом «еже»? — удивляется подполковник Загорский.— Его ведь никто не видел.

— Его видел ефрейтор Чукреев,— убежденно говорит Уралов.

Полковник Астахов достает из своей полевой сумки отпечатанные на машинке листки и медленно читает:

— «В наш век кибернетики и абсолютного оружия возникает вопрос о необходимости абсолютной разведки. Такой разведки, от беспристрастного и всевидящего ока которой не укроется ни один секрет. Мы успешно решаем сейчас эту задачу. Свидетельство тому получаемые нами изображения советского полигона ракетного оружия. До недавнего времени ни один из наших агентов не мог и мечтать достаточно близко подобраться к подобным объектам...»

Это перевод статьи одного из руководителей НАТОвской разведки,— поясняет Астахов.— Ясно вам теперь, что мы на верном пути?

— Да уж яснее ясного,— мрачно произносит подполковник Загорский.— В последнее время проваливались они много раз со своей разведкой, а теперь, видно, норовят взять реванш...

— Ну-с, а что же мы предпримем в связи с этим? — нетерпеливо спрашивает Шахов.

— Нам нужно будет не только обезвредить, но и взять, так сказать, живьем этого «электронного Пауэрса»,— усмехается Астахов.— Таков, во всяком случае, приказ. Я не знаю, как мы это сделаем, но приказ должен быть выполнен. Мы сможем тогда продемонстрировать «ежа» иностранным журналистам на пресс-конференции, как когда-то демонстрировали им обломки пауэрсовского У-2. Думаю, что это произведет на них впечатление, ибо НАТОвский бюллетень расписывает их «электронного шпиона» как абсолютно неуязвимого. Считают они также, что никому не удастся раскрыть секрет его конструкции. Тут, конечно, имеется в виду его способность к «самоубийству». Но они в свое время и У-2 считали неуязвимым, а Пауэрса тоже ведь снабдили всем необходимым для самоубийства.

— А не попытаются они перевести «ежа» в другое место? — с тревогой спрашивает Уралов.

— Не думаю. Это ведь не так просто. На всякий случай, однако, все наши полигоны и соответствующие организации уже оповещены и находятся настороже. А чтобы подольше удержать этого «ежа» здесь, мы попробуем заинтересовать его хозяев возможностью обнаружить на полигоне Загорского какие-нибудь новинки.

Все с недоумением смотрят на Астахова. Особенно встревожен подполковник Загорский.

— Почему бы, например, не инсценировать нам подготовку к испытанию совершенно нового типа ракет? — поясняя свою мысль, хитро улыбается Астахов.

Ночевать полковник устраивается в той же комнате, в которой уже обосновался капитан Уралов. Они решают лечь пораньше, с тем чтобы завтра подняться на рассвете. Заснуть, однако, долго не удается ни капитану, ни полковнику.

нику. Астахов часто переворачивается с боку на бок, проклиная шумные пружины своего дивана.

— Вы все еще не спите? — негромко окликает его Уралов.

— Не спится, няня... — кряхтит полковник.

— Может быть, поговорим тогда?

— Давайте попробуем.

Под Ураловым резко скрежещут пружины, и Астахов видит, как стремительно возникает на фоне оконного переплета силуэт его головы с всклокоченными волосами.

— А не могли мы прозевать все это?.. — безо всяких предисловий спрашивает он полковника. — Не заметить, что нам «ежа» подбросили?

— Вначале и мне казалось, — признается Астахов. — Я тогда думал, что генерал случайно послал меня проверить состояние секретности на полигоне Загорского.

— А разве было не так?

— В том-то и дело, что это не было случайностью. Конечно, генерал и сам тогда ничего еще не знал конкретно, но у него уже были основания насторожиться. Ему, оказывается, было известно, что наша станция «Дельта-17», контролирующая эфир западнее полигона Загорского, трижды засекала какие-то подозрительные импульсы. Разгадать их назначение не удалось, но было все же установлено, что излучались они остронаправленной антенной. Удалось также совершенно точно определить их «трассу», так сказать. Тут-то и выяснилось, что начинается она на полигоне Загорского, так как станция «Дельта-16», расположенная несколько восточнее, приняла только случайные отражения, «зайчики» от этих импульсов. Следовательно, даже до снимков полигона Загорского, появившихся в печати, мы заподозрили неладное и начали искать «электронного шпиона», хотя и не знали тогда, что он электронный.

— Да, теперь мне это ясно, — с облегчением произносит Уралов, и силуэт головы его так же стремительно опускается вниз, — видимо, капитан снова ложится. — И знаете, что еще меня убеждает в том, что мы все равно этого бы не прозевали? — уже спокойным голосом продолжает он. — Не только совершенство аппаратуры наших станций «Дельта», но и бдительность наших войсковых связистов. Старшего лейтенанта Джансаева, например...

— А ефрейтора Чукреева вы не считаете разве?

— Да, и ефрейтора Чукреева тоже, конечно,— соглашается Уралов.— Вряд ли стал бы он охотиться за подобной кибернетической штукой, если бы думал, что это обычный еж. Я спрашивал солдат — ежей здесь сколько угодно, стало быть, никого этим не удивишь...

— Ну, а теперь спать! — тоном приказа произносит полковник и натягивает на голову простыню.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Весь следующий день капитан Уралов усердно изучает фотографию полигона, сделанную почти три месяца назад. С помощью подполковника Загорского ему удается установить, что снимок этот был произведен в период между первым и пятым мая, так как на нем обнаруживаются первомайские плакаты и лозунги, висевшие в эти дни на стенах одного из зданий.

— Похоже, что время съемки определено правильно,— соглашается полковник Астахов, выслушав капитана.— Ну, а каковы выводы?

— А выводы таковы, товарищ полковник,— с необычной для него торжественностью произносит Уралов,— теперь уже не остается никаких сомнений, что майские и июльские снимки нашего полигона были сделаны конструктивно разными «ежами».

— Объясните.

— Такой вывод напрашивается не только в связи с различной четкостью изображения, но и вследствие разности между временем фотографирования и опубликованием их в «Шварцадлере».

— Тоже не очень понятно.

Довольно улыбаясь, капитан поясняет:

— Снимок нашего полигона, на который мы впервые обратили внимание, появился в газете примерно через сутки. А тот, что был сделан три месяца назад, только через две недели.

— Ну, знаете ли, это еще не доказательство,— качает головой полковник.— Могло быть множество причин, по которым майский снимок оказался опубликованным так поздно.

— А вы выслушайте меня до конца... Да, конечно, причин к тому могло быть немало. Но дело-то как раз в том,

что тогда они и не могли доставить этот снимок в Западный Берлин так же быстро, как июльский.

Уралов умышленно делает паузу, ожидая удивленного вопроса Астахова, но полковник лишь поднимает брови.

— Да, тогда они не имели такой возможности, — убежденно повторяет капитан, — ибо тот «еж» вел передачи на ультракоротких волнах, устойчивый прием которых ограничен радиусом в сто — сто пятьдесят километров. Сверх дальние передачи на этих волнах случаины, спорадичны. Устойчивый прием их возможен лишь в периоды наибольшей солнечной активности, увеличивающей концентрацию ионов и свободных электронов в ионосфере.

— Это вы мне не объясните. Это я и сам знаю, — нетерпеливо говорит полковник. — А не могли они разве вести передачу диффузно-рассеянными ультракороткими волнами?

— Едва ли. Для этого потребовался бы передатчик огромной мощности, а энергетические ресурсы «ежа», конечно, ограничены. По этой же причине не могли они использовать и «метеорные следы» — облака ионизированных частиц, остающихся от сгоревших в атмосфере метеоров. Облака эти, как известно, являются идеальными зеркалами для радиоволн. В общем, все здесь упирается в мощность передатчика и в его габариты.

— Ну хорошо, — сдается Астахов. — Допустим, что они действительно не могли тогда осуществить дальнюю передачу. А теперь?

— Теперь они используют более «дальнобойные» короткие волны.

Брови полковника опять вздымаются. Ему еще не известно ни одного случая телепередач на коротких волнах.

— Да как же удалось им втиснуть в коротковолновый диапазон частоту телевизионной передачи, составляющую сотни миллионов герц? — удивленно спрашивает он.

У капитана Уралова необычный для него важный вид. Видимо, он очень доволен своей догадкой. Полковнику Астахову стоит большого труда сдержать улыбку, хотя он хорошо понимает чувства Уралова.

— Если передавать по телевидению все точки изображения, для этого действительно потребуются большие частоты, — солидно объясняет Уралов. — Но в этом и нет необходимости, так как не все точки телевизионного изображения движутся. Гораздо проще передать полным только

первый кадр, а из каждого последующего «вычитать» все, что уже было передано, и посыпать в эфир лишь «остаток». Это дает возможность вести передачу специальным кодом, сообщая только о том, как и что меняется в кадрах.

— Так, так,— оживляется Астахов, начиная понимать идею Уралова.— Возможно ведь, что они вообще передают только отдельные неподвижные кадры. Тогда им и вычитать ничего не нужно.

— Ну конечно же, товарищ полковник! Таким образом резко сокращается частота сигналов, что дает возможность осуществлять телепередачи на коротких волнах. Вот почему последние снимки, сделанные «ежом», попадают прямо в Западный Берлин, а не через резидента их разведки на нашей территории...

— Считайте, что вы меня окончательно убедили! — весело восклицает полковник Астахов.— Попробуем в таком случае запеленговать «ежа» на коротких волнах. Узнайте, кстати, все ли готово у подполковника Загорского. Думаю, наше «представление» должно привлечь внимание хозяев «ежа» и вынудить их вести более частые передачи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Но и на коротких волнах запеленговать «ежа» оказывается не просто, хотя «приманка» для него уже пущена в ход: на полигоне идет энергичная подготовка к запуску «новой» ракеты. Роль «новой» играет прошлогодняя, не оправдавшая себя, но внешне очень эффектная конструкция. Ее привозят из зоны заправки на гигантских транспортерах и не торопясь устанавливают на стартовой площадке.

На центральном контрольном пункте весь день суетятся кинооператоры, устанавливают свою аппаратуру. Радиотехники приводят в боевую готовность ажурные антенны спаренных локаторов. Вся эта напряженная деятельность умышленно затягивается до позднего вечера, чтобы создать впечатление, что запуск ракеты будет осуществлен ранним утром.

— Ну, удалось вам что-нибудь засечь? — без особой надежды спрашивает Уралова Астахов, как только утихает суета на полигоне.

— Пока все по-прежнему,— спокойно отвечает капитан. Теперь он уже не теряет надежды на успех, и это радует

полковника.— Я не сомневаюсь, что «еж» все уже отснял, а передачу будет вести ночью, когда лучше распространяются короткие волны.

— Вы связывались с «Дельтой-17»?

— Связывался, но они засекли пока только один очень короткий импульс, пришедший с запада. Видимо, это какая-то команда «ежу».

— На какой волне?

— На короткой, как я и предполагал.

— Частота известна?

— Известна, но едва ли это нам пригодится. Не думаю, чтобы «еж» вел передачи на такой же волне.

— Ну что же, наберемся терпения и посмотрим, что принесет нам ночь,— с напускным спокойствием произносит Астахов, хотя Уралову известно, что утром ему предстоит не очень приятный разговор с генералом.

После жаркого дня ночь оказывается неожиданно холодной. Астахову, страдающему хроническим бронхитом, полученным еще на фронте, приходится надеть шинель. Уралов набрасывает плащ-накидку. Медленно разъезжают они по степи от одной пеленгаторной установки к другой, различая их в темноте лишь по цветным точечкам сигнальных фонарей.

Резко пахнет травами и полевыми цветами. Звонко стрекочут кузнечики. Трепетно блещут крупные южные звезды в темном небе. Клонит ко сну... Чтобы не заснуть, Астахов спрашивает Уралова, запрокинув голову:

— А как вы по части астрономии, Василий Иванович?

— Кое-что смыслю,— улыбается Уралов.— Физика и астрономия в наши дни продвинули свой фронт дальше всех других наук — как же этим не интересоваться?

— Читал я где-то, что американская радиообсерватория «Грин Бэнк» уже второй год ведет наблюдение за какими-то звездами в надежде принять оттуда сигналы разумных существ.

— Такие наблюдения действительно ведутся,— подтверждает Уралов.— И не только американцами, но и нами. Звезды эти — тау Кита и эпсилон Эридана. Это соседи нашего Солнца.

Облокотившись на руль медленно двигающейся автомашины, капитан пристально всматривается в сигнальные огоньки пеленгаторных станций, разъезжающих по полигону. Потом замечает с глубоким вздохом:

— Вот бы на что направить все усилия ученых! А мы чем занимаемся из-за этих негодяев?..

Слышно, как он плюет в темноте и даже скрипит зубами.

— Радиогалактики, квазизвездные источники радиоизлучений, поиски нейтронных звезд — ведь это же черт знает как интересно! А мы выслеживаем тут каких-то паршивых шпиков, пусть даже электронных...

Уралов снова умолкает, а Астахов напряженно ждет, что он скажет дальше. Что это с ним такое — результат усталости, перенапряжение или в самом деле ему все надоело, стало казаться ничтожным?...

— Вы не подумайте только, что я разочаровался в нашей работе,— словно угадав мысли Астахова, продолжает капитан.— Я знаю, что это очень нужно. Это нужно потому, чтобы позже, может быть уже после нас, люди могли спокойно смотреть на небо, изучать звезды, покорять космос...

«Значит, я не ошибся в нем», — тепло думает Астахов и хочет сказать Уралову что-нибудь ободряющее, но замечает вдруг частое мигание сигнального огонька одной из самых дальних пеленгаторных установок.

— Смотрите-ка! — толкает он в плечо капитана, но Уралов уже и сам выруливает машину и прибавляет газу.

— Ну что?! — почти выкрикивает полковник, как только они останавливаются возле газика Джансаева.

Старший лейтенант, поднявшись во весь рост, официально докладывает:

— Товарищ полковник, координаты «ежа» засечены! В течение пятнадцати секунд он излучал импульсы на частоте девять и двадцать пять сотых мегагерца.

— Это где примерно? — взволнованно спрашивает Астахов, пристально глядываясь в темную степь.

— Вон в том направлении, только сейчас не разглядишь ничего. Но у меня есть точный план территории полигона. Вот, взгляните, пожалуйста.

Полковник некоторое время сосредоточенно рассматривает ватман, который развернул перед ним Джансаев. Родной лейтенант-связист подсвечивает им электрическим фонарем.

— Сейчас, конечно, идти туда нет смысла, — задумчиво, будто размышляя вслух, замечает Астахов.— Можем только все дело испортить. Впотьмах ничего не заметишь,

а освещать опасно. Но и ждать до утра рискованно — «еж» может переменить позицию... А вы как считаете, товарищ капитан?

— Я не разделяю ваших опасений, товарищ полковник,— спокойно произносит Уралов. В последние дни он очень нервничал, всячески скрывая это от других. Теперь же, когда его гипотеза почти подтвердилась, прежнее хладнокровие вернулось к нему.— Найти позицию с хорошим обзором местности в степи, да еще при ограниченных размерах «ежа», ему не так-то просто. Думаю, что без крайней надобности ночью он не двинется с места.

— А тот импульс, который засекла «Дельта-17»?..

— Он, скорее всего, означает команду «внимание», предписывая этим стабильность позиции «ежа», чтобы не прозевать завтра запуск «новой» ракеты. Весьма возможно, правда, что импульсом этим изменяется режим его работы.

— Вы полагаете, что от него теперь потребуется более частая информация?

— Да, весьма возможно.

— Ну что ж,— заключает Астахов,— будем в таком случае считать, что мы достигли первого существенного успеха. А теперь — спать! Пусть только ваши радисты, товарищ старший лейтенант, дежурят у пеленгаторов всю ночь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

На рассвете в помещение, в котором спит Уралов, осторожно входит старший лейтенант Джансаев. Опасаясь потревожить полковника Астахова, он идет очень тихо, на цыпочках. Ему не приходится долго будить капитана — тот мгновенно просыпается, едва старший лейтенант приоткрывает дверь.

Повинуясь жесту Уралова, Джансаев осторожно садится возле него на диван и прерывающимся от волнения шепотом докладывает:

— Обнаружил я его, товарищ капитан... Зеленый весь, как жаба. А по форме на дыню похож, шар такой приплюснутый...

Но тут вдруг грохочут пружины дивана, на котором лежит Астахов. Хрипловатым со сна голосом полковник спрашивает:

— Вы что это там шепчетесь? Вместо того чтобы разбудить меня, улизнуть, наверное, собираетесь?

Он проворно вскакивает с дивана и начинает торопливо одеваться.

— А у Джансаева новость,— очень веселым голосом объявляет капитан.— Он уже «ежом» любовался!

— Как любовался?! — круто поворачивается к Джансаеву Астахов.— Кто позволил? Вы ведь могли спугнуть его!

— Не спугнул, товарищ полковник,— успокаивает Астахова счастливый Джансаев. Широкоскулое мальчишеское лицо его сияет, раскосых глаз почти совсем не видно — одни только черные щелочки.— Я его в бинокль наблюдал. Только он совсем на ежа не похож...

— Ведите нас туда поскорее! — приказывает Астахов и первым выбегает из комнаты.

— А инженер-полковника не надо будить? — озабоченно спрашивает Уралов.

— Не надо,— досадливо машет рукой полковник.— Это не так-то просто сделать, а нам время дорого. У вас что, один только бинокль?

— Два, товарищ полковник,— отвечает Джансаев.— Один вам, другой товарищу капитану.

Джансаев идет так быстро, что полковник с капитаном едва поспеваю за ним. А когда он наконец останавливается, они с удивлением видят, что в траве рядом с младшим лейтенантом связи расположился Шахов.

— Думали, наверно, что я безмятежно храплю? — смеется инженер-полковник.— А я всю ночь глаз не мог сомкнуть и, как только стало рассветать, поспешил к связистам. Они и проводили меня сюда. Нате вот, берите мой бинокль — я уже насмотрелся на этого зверя.

Солнце еще не взошло, а в степи уже совсем светло. Уралов не без трепета подносит к глазам бинокль и находит его на ориентиры, которые указывает ему Джансаев. Там на небольшом холмике, поросшем зеленым ежиком травки, видит он что-то похожее не то на продолговатый зеленый камень, не то на дыню.

«Да, вряд ли бедный Чукреев мог принять его за настоящего ежა», — думает Уралов.

На гладкой издали поверхности зеленого сферида в бинокль видны темные впадины — видимо, отверстия для объективов. И, словно крошечный растрепанный кустик,

неподвижно торчит сложная фигурная антенна, тоже выкрашенная под цвет травы. Заметить такой предмет случайным взглядом трудно, пожалуй, даже невозможно...

— Ну-с, что же мы теперь будем делать? — нарушает размышления Уралова инженер-полковник Шахов, зябко поеживаясь.— Каким образом подступимся к нему?

— Может быть, осторожно сетку набросим? — предлагает Джансаев.

— Нет, это не годится! Даже если при этом не сработают его фотоэлементы, ему все равно сразу же подадут команду к «самоубийству», как только он передаст хоть один кадр сквозь эту сетку.

— Разве он передаст это тотчас, а не будет ждать ночи?

— Сегодня он может вести передачи и днем, — убежденно заявляет Уралов.— Его хозяева непременно захотят знать возможно раньше все, что тут будет происходить.

— Значит, нужно получше присмотреться к нему, может быть, и обнаружится где-то слабое звено,— решает полковник.

Распорядившись оставить тут старшего лейтенанта Джансаева, всем остальным Астахов приказывает идти завтракать, чтобы с семи часов продолжать инспектировку запуска «новой» ракеты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Старший лейтенант Джансаев смотрит на «ежа» с таким вниманием, что боится даже глазом мигнуть, чтобы не прозевать какое-нибудь его движение. И хотя «еж» по-прежнему неподвижен, Джансаеву все время кажется почему-то, что он лишь притаился до поры до времени, чувствуя себя под надзором людей. Стоит, однако, отвести от него взор, как тотчас же предпримет он что-то...

Так ли это было на самом деле или произошло все дальнейшее совершенно случайно, только «еж» действительно пришел вдруг в еле заметное движение, едва Джансаев отвел глаза от бинокля, чтобы взглянуть на часы. Может быть, правда, «еж» и раньше совершал это движение, но так медленно и осторожно, что глаз старшего лейтенанта не улавливал его. Однако, прервав на какое-то мгновение наблюдение за ним, Джансаев замечает теперь, что ноздреватое тело его сместилось немного вправо.

«А что делать, если он вдруг покатится? — тревожно думает старший лейтенант. — Неизвестно ведь, какая у него скорость. К тому же вон там, правее, густая трава. Ищи его потом!..»

Положение усложняется еще и тем, что к «ежу» нельзя подойти близко, чтобы не попасть в поле его зрения. Мало ли что может он предпринять, увидев возле себя человека... Но вот он, кажется, снова замер. Надолго ли? Готовится, может быть, предпринять что-то более решительное?

Летят секунды, минуты, а он по-прежнему неподвижен. Не померещилось ли Джансаеву, что «еж» двигался? Движение было ведь таким незначительным. Он сместился, видимо, всего на несколько сантиметров. Но что это происходит с его антенной?.. Она, кажется, поворачивается вокруг своей оси? Ну да, конечно! Очень медленно, но определенно поворачивается. И еще какая-то былинка вырастает из центра его корпуса... Очень тоненькая, зеленая, с небольшим утолщением на вершине.

Джансаев торопливо отстраивает окуляры своего бинокля на еще большую резкость. Утолщенная головка стерженька видна теперь совершенно отчетливо: Похоже, что она так же, как антenna, медленно вращается.

«Уж не перископ ли это? — думает Джансаев. — Он выдвинулся на целых полметра. Осматривает местность, наверно».

Предположив такое, старший лейтенант невольно прижимается к земле, опасаясь попасть в поле зрения «ежа». А «еж» снова приходит в движение, но не катится, а разворачивается примерно на сорок пять градусов то вправо, то влево. Перемещаясь зигзагами, он взбирается вскоре на холмик, покрытый выгоревшей на солнце желтой травой.

«Наверно, может он и перекатываться, — размышляет Джансаев, не отрывая глаз от окуляров бинокля. — Сейчас ему антenna и перископ мешают. Но они, конечно, убираются, когда ему нужно преодолевать большие расстояния».

А «еж» вполз уже на вершину холмика и, повернувшись в разные стороны, занял, видимо, более выгодную, чем раньше, позицию для наблюдения за стартовой площадкой полигона.

«Начинает он, кажется, и желтеть, — замечает вдруг Джансаев. — Прав, значит, Уралов — «еж» обладает ми-

микрией, раз окрашивается под цвет местности. Совсем как хамелеон!»

Постепенно он действительно становится почти таким же желтым, как и выжженная солнцем трава на холмике. Его уже нелегко отличить от нее.

Увлеченный наблюдением за «ежом», Джансаев не замечает, как подходят к нему Астахов с Ураловым.

— Ну-с, что у вас нового, товарищ старший лейтенант? — спрашивает его Астахов.

Джансаев даже вздрагивает от неожиданности. Пытается вскочить, чтобы доложить полковнику обстановку, но вовремя вспоминает о перископе «ежа» и лишь поворачивается с живота на бок. Сделав им знак лечь рядом, старший лейтенант сбивчиво от волнения сообщает полковнику о поведении «ежа».

— А не в связи ли с только что засеченными нами импульсами проделал «еж» эти эволюции? — спрашивает Астахов Уралова.— Когда это было, товарищ старший лейтенант?

— В шесть тридцать пять, товарищ полковник,— отвечает Джансаев.— Я как раз в это время на часы посмотрел.

— Время совпадает,— подтверждает Уралов.— Неужели «ежа» корректирует кто-то, находясь неподалеку от нашего полигона?

— Почти не сомневаюсь в этом,— убежденно произносит Астахов.— Импульсы были ведь на ультракоротких волнах. При столь малых размерах антенны «ежа» она могла принять их лишь с расстояния двадцати пяти — тридцати километров. А то, что кто-то должен был корректировать перемещение и позицию «ежа» — это для меня всегда было несомненно.

Некоторое время он смотрит в бинокль, потом спрашивает:

— А инженер-капитану Серегину, обнаружившему эти импульсы, не удалось запеленговать район их излучения?

— Они были слишком краткими,— отвечает полковнику капитан Уралов.— Первый длился всего полторы секунды, второй — полсекунды.

— Это очень осложнит нашу работу,— задумчиво произносит полковник Астахов.— Хорошо, однако, что мы теперь хоть знаем об этом.

— А разве корректировщиков нельзя обнаружить без пленга? — спрашивает Джансаев. — Если они подавали сигналы с расстояния тридцати километров, то это ведь в зоне нашего полигона. А если это так, то их легко будет найти и ликвидировать.

— А нужно ли, вернее, разумно ли ликвидировать их? — спрашивает Уралов.

И Астахов понимает его.

— Да, я тоже об этом подумал, — говорит он. — Пока это нецелесообразно. Мы ничем не должны настороживать тех, кто ведет прием информации с «ежа». Они ведь связаны, наверно, с корректировщиками какой-нибудь сигнализацией. А вот обнаружить, где именно могут находиться эти корректировщики, необходимо! Подумайте, как можно это сделать, товарищ Уралов. Посоветуйтесь с начальником охраны полигона.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Начальник охраны полигона тринадцать дробь три капитан Хасанов, разостлав на столе большую крупномасштабную карту территории полигона, водит по ней карандашом, знакомя Уралова с рельефом:

— Топография здешней местности, как вы сами видите, степная, равнинная, хорошо просматривается во всех направлениях. Тут все как на ладони. А в радиусе тридцати километров она вообще переходит в голую пустыню.

— Да, маскироваться тут, конечно, нелегко, — соглашается Уралов.

— А вы не знаете, удалось ли установить направление импульсов, поданных «ежу» на ультракоротких волнах? — спрашивает Хасанов.

— Инженер-капитан Серегин установил это совершенно точно. Они шли с юго-востока.

— А что же у нас тут на карте? — оживляется капитан Хасанов. — Ага, вот какая картина! Видите направление бергштрихов на горизонталях? Они показывают понижение местности. Да это видно и по отметкам высот. Весь этот район лежит, значит, значительно ниже, чем стартовая зона полигона. Не думаю, чтобы отсюда без высокой антенны можно было бы вести передачу ультра-

короткими волнами на расстояние не только в тридцать, но и в двадцать километров.

— А откуда, по-вашему, можно было бы с помощью УКВ подать какой-нибудь сигнал «ежу»? — спрашивает Уралов, проникаясь уважением к рассудительности Хасанова.

Начальник охраны полигона еще ниже склоняется над картой, глядываясь в ее юго-восточный участок.

— Полагаю, что это может быть где-то за пределами территории полигона, — произносит он наконец и, усмехнувшись, добавляет: — Не думайте только, что я это утверждаю потому...

— Ну что вы, товарищ Хасанов! — смеясь, перебивает его Уралов. — Я и не думаю подозревать вас в защите чести своего мундира. Приглядевшись к вашей карте, я и сам теперь вижу, что, скорее всего, подошел бы для передачи сигнала «ежу» ультракороткими волнами вот этот район. Тут местность идет на подъем, много холмов и растут, кажется, деревья.

— Да, тут есть даже рощи, — подтверждает Хасанов.

— Значит, можно вести передачу не только с одного из этих холмов, но еще и с вершины какого-нибудь дерева?

— А мы это сейчас подсчитаем, — склоняется над картой Хасанов. — Определим сначала взаимное превышение точек интересующих нас районов. Тут есть абсолютные отметки высот, так что сделать это нетрудно. Расстояние между стартовой площадкой и этими холмами тоже известно. Прикинем теперь приблизительно и высоту дерева. Ну вот, пожалуйста.

Капитан Хасанов протягивает Уралову листок бумаги, на котором записал результаты своих вычислений.

Уралов раздумывает некоторое время, прикидывая что-то в уме. Потом чертит на карте прямую линию, соединяющую стартовую зону полигона с самым высоким холмом в юго-восточном углу карты.

— А тут нет никаких возвышенностей, которые могли бы помешать прямолинейному распространению радиолуча? — спрашивает он Хасанова. — Ну, в таком случае передача могла вестись и с расстояния до пятидесяти километров.

— Нужно, значит, принять какие-то меры для обнаружения лиц, ведущих эти передачи? — спрашивает Хасанов.

— Этим займется сам полковник Астахов. Я сейчас доложу ему наши соображения.

...Выслушав Уралова, Астахов удовлетворенно кивает головой и сообщает капитану:

— А я уже связался с республиканскими работниками государственной безопасности. Нужно будет только дать им теперь более точные координаты. Ну, а у нас все готово для продолжения «спектакля», который, судя по всему, уже заинтересовал «ежа».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Полдень. Немилосердно печет солнце. Капитан Уралов и старший лейтенант Джансаев, мокрые от пота, лежат в густой траве с биноклями в руках. Русую голову капитана стискивает стальной обруч телефона полевой радиостанции. Уралов только что доложил полковнику Астахову обстановку и теперь, переключившись на прием, слушает его указания.

— Ну, что там у них? — спрашивает Джансаев, как только капитан выключает радиорацию.— Собираются они запускать эту бутафорию?

Он кивает в сторону стартовой площадки, на которой, окруженное ажурными фермами направляющих, возвышается грозное тело ракеты. Вокруг нее давно уже кипит энергичная деятельность. Пожалуй, еще ни одна из ее предшественниц не привлекала к себе такого внимания механиков. Одни из них внизу, у стабилизаторов, возятся с воздушными и газовыми рулями, другие на подъемных кранах причудливой конструкции осматривают что-то в ее носовой части. Суетятся вокруг и электрики с радиостанциями. Впечатление такое, будто и в самом деле на стартовой площадке происходит что-то очень значительное.

— Да,— улыбаясь, произносит капитан Уралов, вытирая пот со лба,— зрелище внушительное. Из подполковника Загорского вышел бы неплохой режиссер. Думаю, они на это клюнут. Для них ведь важен не столько сам запуск, сколько подготовка к нему, позволяющая строить догадки о конструкции. Запускать ее мы, конечно, не будем, а примерно через часок можно сделать вид, будто у нас что-то не ладится, и начать опускать ракету на землю.

— А они не догадаются, что мы хитрим?

— Не думаю. Со стороны ведь все выглядит очень правдоподобным. А что касается неполадок, то на полигонах Вумера в Австралии и на атлантическом побережье Америки это самое обычное явление...

Джансаев приглушенно смеется, прильнув глазами к окулярам бинокля. А солнце будто рассвирепело — печет все ожесточеннее. Лишь легкий ветерок, приносящий многообразные запахи степи, слегка освежает потные спины офицеров. Уралов не высился, его клонит ко сну, но он героически сопротивляется, бесплодно размышляя о том, как обезвредить «электронного Пауэрса», не дав ему взорваться...

— А я вот о чем вдруг подумал, товарищ капитан, — прерывает его размышления Джансаев. — Если они публикуют снимки нашего ракетодрома, то должны же допустить, что мы как-то на это отреагируем?

— Допускают, конечно, такую возможность, но лишь посмеиваются, наверное, не сомневаясь, что мы не разгадаем принцип их электронного шпионажа. А раз так, то надеются, должно быть, на то, что мы заподозрим кого-нибудь из наших ракетчиков в предательстве.

— Будто бы предатель этот фотографирует тут все и им каким-то образом пересыдает? — уточняет Джансаев.
— Наверно, считают даже, что мы уже пересажали половину обслуживающего состава нашего ракетодрома.

— Да, пожалуй, — рассеянно отзыается Уралов.

А «еж» лежит совершенно неподвижно, будто пожелавший от времени булыжник. Лишь кустик замысловатой антенны шевелится иногда не то от ветра, не то под воздействием каких-то скрытых внутри него механизмов. Уралов хочет обратить на это внимание Джансаева, но тут в рации, все время включенной на прием, раздается щелчок. Капитан плотнее прижимает наушники и слышит напряженный от волнения голос радиотехника:

— «Ежик» (за «электронным шпионом» осталось прежнее прозвище) ведет передачу!.. «Ежик» ведет передачу!.. Включаю метроном. Выключу его, как только передача прекратится.

Уралов слышит теперь монотонный звук маятника метронома, аккуратно отмеряющего полусекунды.

— Следите за ним внимательнее, Ахмет, — торопливо шепчет капитан Джансаеву. — «Еж» ведет передачу...

Уралов и сам поспешил хватить бинокль, но в это время раздается испуганный крик старшего лейтенанта:

— Куда же ты, мерзавец! Назад, Шайтан, назад!..

Теперь и Уралов видит, как через поле стремглав несется к нему черная лохматая собачонка. Он узнает в ней пса Джансаева по кличке Шайтан. Утром Шайтана закрыли в сарае, но он каким-то образом вырвался на волю и вот мчится к своему хозяину прямо через холмик, на вершине которого лежит «еж».

— Ложитесь, капитан!.. — хриплым от волнения голосом кричит Джансаев, видя, что собаку не остановить. А Шайтан уже возле «ежа». Еще мгновение — сработает фотоэлемент, и «электронный шпион» вместе с Шайтаном взлетят на воздух!..

Джансаев плотнее прижимается к земле, а Уралов лишь втягивает голову в плечи, не отрывая глаз от бинокля. Но вот Шайтан перемахивает через «ежа», слегка задев его мохнатым хвостом, и... ничего не происходит. Еще несколько прыжков, и Шайтан уже радостно повизгивает возле хозяина, норовя лизнуть его в нос.

— Ну просто форменный шайтан! — недоуменно восклицает Джансаев. — Не взорвался!..

И как раз в это время умолкает метроном. Передача с «ежа» кончилась. Капитан жестом просит старшего лейтенанта замолчать и настороженно прислушивается. Но телефоны наушников молчат.

Лишь через несколько томительных секунд раздается голос радиотехника:

— Все. Кончилась передача. Длилась она дольше обычного — целых двадцать пять секунд. А как там у вас? Есть что-нибудь новое?

— Все по-прежнему пока, — отвечает капитан, не вдаваясь в подробности.

— Как же это так могло произойти, товарищ капитан? — растерянно произносит Джансаев, едва Уралов прекращает разговор с радиотехником. — Почему «еж» не взорвался? Или он не реагирует на собак?

— А какая разница? — невольно улыбается Уралов. — Фотореле «ежа» все равно должно было сработать, ибо ваш Шайтан на какое-то мгновение перекрыл доступ света к фотоэлементам.

— А может быть, этот «еж» и не взрывается вовсе?..

— Не думаю, не думаю... Нужно, однако, сообразить, почему же он не взорвался...

— Тогда выходит, что этот чертов пес чуть все дело нам не испортил,— грозно смотрит Джансаев на Шайтана, поджавшего хвост и виновато опустившего морду.

А капитан Уралов восклицает вдруг:

— А может быть, наоборот, дорогой Ахмет! Может оказаться, что ваш Шайтан хорошую службу нам сослужил.

Джансаев удивленно мигает черными глазами.

— Непонятно, товарищ капитан...

Уралов некоторое время молчит, обдумывая неожиданно родившуюся догадку и сам еще не веря в ее достоверность. Потом произносит уже более спокойно:

— Мне думается, Шайтан остался жив только потому, что ему очень повезло.

— Как вся кому шайтану,— смеется Джансаев. А опальный пес, почувствовав, что гроза миновала, подползает поближе к своему хозяину, кладет морду ему на спину и тяжело вздыхает.

— Насчет прочих шайтанов не знаю, а этому определенно повезло,— серьезно повторяет Уралов.— Ваш Шайтан перемахнул через «электронного шпиона» как раз в то время, когда он вел передачу. На это, видимо, уходила вся энергия «ежа», и остальные его механизмы, в том числе и фотореле, бездействовали. Вот почему не сработал его взрывной механизм и уцелел Шайтан. Как по-вашему, естественно такое допущение?

— Еще как естественно! — восторженно восклицает Джансаев.— Ничего другого и придумать невозможно! Ай, молодец Шайтан! Будет тебе за это весь мой шашлык до последнего кусочка! При свидетелях говорю.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Выслушав Уралова, полковник Астахов задумчиво качает головой. Он не очень верит в догадку капитана. Уж очень все просто получается. Зато инженер-полковник Шахов, который еще совсем недавно больше всех во всем сомневался, сразу же всему поверил.

— А меня убеждает именно эта простота объяснения происшествия с Шайтаном,— твердо заявляет он.— В связи с этим я хотел бы предложить следующий план дальнейших действий.

Торопливо расстегнув гимнастерку, он вытирает потную шею огромным носовым платком и продолжает:

— Поскольку нам теперь известно, что во время передачи «еж» безопасен, в это-то время, следовательно, его и можно взять... Подождите улыбаться, я ведь не все еще сказал. Как, однако, это сделать в короткие двадцать пять секунд, не зная его устройства?

Он снова делает паузу.

— Да не выматывайте вы наши нервы,— полуушутя, полусерьезно просит Астахов.— Драматизма тут и без того хватает.

— Ничего, ничего,— усмехается Шахов,— для нервов это хорошая закалка, ибо то, что я предложу, потребует от нас большого хладнокровия. А теперь я хочу напомнить вам, что я когда-то работал экспертом в отделе научно-технической экспертизы военной прокуратуры.

Все смотрят на него с удивлением. Старший лейтенант Джансаев даже рот открывает в ожидании чего-то сверхъестественного. А изнемогающий от жары тучный Шахов снова расстегивает гимнастерку.

— Вот мы и воспользуемся теперь моим опытом в этой области и произведем техническую экспертизу «ежа»,— очень просто заключает инженер-полковник, будто речь идет не о рискованном эксперименте, а об исследовании вещественных доказательств какого-то заурядного уголовного дела.

Полковник Астахов, начиная злиться, собирается даже заметить Шахову, что сейчас не до шуток, а инженер-полковник, покопавшись в своем чемодане, торжественно кладет на стол небольшой свинцовый контейнер цилиндрической формы, металлический штатив и несколько рентгеновских кассет.

— Знаете, что это такое? — спрашивает он.— Гамма-графическая установка. Я захватил ее на всякий случай, полагая, что нам непременно придется кое-что просвечивать. Капитан Уралов, конечно, знает, что это за штука, остальным я коротко объясню. В общем, это почти то же самое, что и рентген, только гораздо проще и удобнее. Заряжается она различными радиоактивными изотопами, в зависимости от того, какие предметы нужно просвечивать.

— Тут что — кобальт-60? — спрашивает Уралов.

— Нет, тулий-170. Из всех известных в настоящее время радиоактивных изотопов с мягким гамма-излучением он наиболее приемлем для просвечивания не очень толстых стальных пластинок, алюминия и пластмасс. «Еж», видимо, сооружен именно из этих материалов. Снимки, произведенные гаммаграфической установкой, обладают хорошей контрастностью и дают возможность отчетливо различить все детали внутреннего устройства просвечиваемого объекта.

— А какая экспозиция необходима для этого?

— Я зарядил установку тулием самой высокой активности, — заверяет Шахов. — Кассеты тоже заряжены очень чувствительной пленкой, так что величина экспозиции будет незначительной. Думаю, что за двадцать пять секунд мы вполне успеем сделать несколько снимков.

— А я бы не стал рассчитывать на двадцать пять секунд. Нужно уложиться в пятнадцать, — замечает полковник Астахов.

— Да, это резонно, — соглашается Шахов. — Нужно к тому же отработать все необходимые действия с гаммаграфической установкой на макете «ежа». Это позволит приобрести необходимую сноровку. Ну так как же, Анатолий Сергеевич, благословляете вы мою идею?

Прежде чем окончательно решиться на эксперимент, предлагаемый Шаховым, полковник Астахов, на котором лежит ответственность за всю операцию, долго раздумывает. Другого выхода, однако, нет, и он соглашается наконец на план инженер-полковника.

Но тут возникает новая трудность: кому поручить? Уралов молод и отважен, но ведь он никогда не работал с таким аппаратом. Шахов же хотя и опытен в подобных делах, но немолод, тучен и неповоротлив... «Репетиция», которую собирается он провести, мало что даст, да и времени для этого почти не остается.

— А над тем, кого благословить на это, голову не ломайте, Анатолий Сергеевич, — будто прочитав мысли Астахова, спокойно произносит инженер-полковник. — Доверьте это мне, как бывшему эксперту, имеющему необходимый навык в обращении с гаммаграфическими установками. Живот мой этому не помешает. Придется ведь не художественной гимнастикой заниматься. А руки у меня еще достаточно крепки и проворны. Дайте мне только старшего лейтенанта Джансаева в помощники, он парень тол-

ковый. А за Ураловым останется потом, может быть, самое трудное — обезвреживание «ежа».

Разве можно что-нибудь возразить против этого? И Астахов молча кивает в знак согласия.

А когда Шахов с Джансаевым уходят отрабатывать технику гаммаграфирования «ежа», полковник решает посоветоваться с Загорским, какой «спектакль» организовать на стартовой площадке, чтобы привлечь еще большее внимание «электронного шпиона» и вынудить его вести более частые передачи.

— Инсценируем неудачу, — предлагает Загорский. — Сделаем вид, будто обнаружились неполадки в системе управления нашей ракетой. Я лично стану распекать за это своих инженеров и техников. И можете не сомневаться — разыграем все как по нотам.

— Ну что ж, давайте попробуем сыграть такую сценку, — соглашается Астахов. — Только не переигрывайте.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Может быть, и не так уж много времени уходит на осуществление рискованной операции, предложенной Шаховым, полковнику Астахову кажется, однако, что длится она целую вечность. Но вот наконец инженер-полковник и старший лейтенант стоят перед ним, живые и невредимые, и он крепко жмет им руки.

— Ну, герои, рассказывайте, как вам это удалось, — радостно говорит он, похлопывая по плечу старшего лейтенанта Джансаева. — Можете мне на слово поверить, до чего я тут за вас переволновался.

— А рассказывать, собственно, и нечего, — каким-то усталым голосом неохотно отвечает инженер-полковник, с ожесточением выжимая мокрый носовой платок. — Пришлось, конечно, слегка струхнуть, сами понимаете, работали не в фотоателье. Да и «еж» тоже ведь не девица, готовая сидеть перед аппаратом сколько угодно, лишь бы хорошо получилась... В общем, пришлось поторапливаться. Никогда еще, пожалуй, не ощущалось так остро, что такое время... Задержись мы еще хоть на одну секунду, снимать было бы нечего... и некому.

Он махнул рукой и, тяжело ступая, пошел прочь. Лишь от старшего лейтенанта Джансаева удается узнать подробности.

— Вначале все шло хорошо,— возбужденно размахивая руками, рассказывает Джансаев.— Инженер-полковник дежурил у рации, а я, облачившись в масхалат, пополз к «ежу» и в полутора метрах от него осторожно выкопал окопчик. А как только сообщили по радио, что «еж» начал передачу, мы тотчас же бросились к нему — дорога была каждая секунда. Так как нами заранее было все отрепетировано, я действовал довольно четко. И у инженер-полковника тоже все ладилось сначала. По вашему совету мы ориентировались не на двадцать пять секунд, а на меньшее время и потому решили сделать всего две гаммографии с разной выдержкой. На репетиции у нас уходило на это пятнадцать секунд.

Джансаев очень волнуется и то и дело вытирает ладонью мокрый лоб.

— Может быть, хотите газированной воды, Ахмет? — предлагает Уралов.

— Нет, спасибо. От воды только больше пить хочется. Лучше перетерпеть... Ну так вот — первый снимок сделали мы довольно быстро. Я держал штатив с контейнером, инженер-полковник занимался экраном. А когда понадобилось сменить кассеты, он вдруг уронил их... Обе сразу... Ну, думаю, сдали, значит, нервы... Хотел подхватить его под мышки, чтобы оттащить в окопчик, но он схватил вдруг кассеты и какими-то судорожными движениями стал их ощупывать. А на исходе уже пятнадцатая секунда... Как он второй снимок сделал, я и не заметил даже. Помню только, как он сказал: «Ну, теперь все!..» — и подтолкнул меня к окопчику. Долго мы потом лежали совершенно без сил. На инженер-полковника просто смотреть было страшно. Да и я, наверно, был хороши...

Разволновавшийся Джансаев все-таки протягивает руку к сифону с газированной водой и жадно выпивает целый стакан, не переводя дыхания.

— Потом, когда мы отлежались немного,— продолжает старший лейтенант,— инженер-полковник объяснил мне, что с ним произошло: «Чуть было не испортил я все дело, Ахмет. И не потому, что уронил кассеты, а потому, что никак не мог найти сделанных на них пометок. А сунуть вторично отснятую кассету значило погубить оба снимка. Потом все-таки нашупал нужную пометку». Вот ведь какая история приключилась! Я бы, правда, на его

месте и не стал бы второго снимка делать, а он упрямым оказался...

«А может быть, это он из-за меня так рисковал? — взволнованно думает Уралов о Шахове.— Знает ведь, что моя работа по обезвреживанию «ежа» зависит от этих снимков. Чем больше снимков, тем больше шансов на успех. Может быть, даже и на то, чтобы в живых остаться».

Изучать гаммаграфии собирается целый «консилиум», состоящий из Астахова, Шахова, Уралова, Джансаева, нескольких радиотехников и командира саперного подразделения майора Васина. Изображение «нутра» «ежа» на гаммаграфиях оказывается достаточно четким. Во всяком случае, верхний ряд его механизмов вполне различим. Радиотехники сразу же распознают электронно-лучевую трубку и отдельные элементы программного устройства.

— А вот это, видимо, кремниевые батареи, преобразующие солнечную энергию в электрическую,— замечает старший лейтенант Джансаев.— Надо полагать, имеются тут и химические источники питания.

— Не это сейчас главное,— повышает голос инженер-полковник Шахов.— Важнее всего — раскрыть взрывную систему. Вы ничего тут по своей части не заметили, товарищ майор? — обращается он к Васину.

— Пока не замечаю,— смущенно признается майор.— Видимо, взрывчатка либо не получилась при просвечивании, либо находится где-то в самом центре «ежа»...

— Весьма возможно, что ее вообще нет,— замечает кто-то.

— А мы должны исходить из худшего — полагать, что «еж» заминирован,— убежденно заявляет Астахов.

— Абсолютно согласен с вами,— одобрительно кивает головой инженер-полковник.— Исходить будем только из этого. Нужно искать, следовательно, если не взрывчатку, то механизм, подающий сигнал к взрыву. Это даже важнее, чем сама взрывчатка.

— А таким механизмом может быть только фотореле,— замечает молчавший все это время капитан Уралов.— И вот один из его фотоэлементов.

— Один? — усмехается Шахов.— А я думаю, что должен быть не один. «Ежу» для полной безопасности необходим круговой обзор, так сказать. И мне думается, что вот это пятнышко — тоже фотоэлемент.

— Да, пожалуй,— соглашается полковник Астахов.— Где-то, значит, должен быть выключатель этих фотоэлементов. В противном случае «еж» может подорвать и своих хозяев... Но я не вижу тут никаких признаков такого выключателя. Может быть, он под кожухом?

— А я не думаю, что выключатель фотоэлементов находится под кожухом,— упрямо качает головой Шахов.— Он должен быть где-то на поверхности «ежа». Я даже догадываюсь, где именно. «Еж», видимо, сконструирован таким образом, что центр его тяжести смещен к одной из стенок. Тогда всякий раз, как только «еж» прекращает движение, эта стенка оказывается внизу и становится донной частью. Вот там-то, в каком-нибудь углублении, и нужно искать выключатель. Логично?

— Логично,— соглашается Астахов.

Посовещавшись еще некоторое время, все, кроме дежурных радиостов, отправляются отдыхать. Операция по обезвреживанию «ежа» назначается на следующий день, когда возобновится инсценировка запуска «новой» ракеты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В тот же день решается вопрос, кто будет разминировать «ежа». Кандидатура Уралова является бесспорной. В помощь ему предполагается дать одного из техников-лейтенантов, но тут к полковнику Астахову является старший лейтенант Джансаев и почти слезно просит назначить помощником Уралова его.

— Вы были уже помощником у инженер-полковника Шахова,— строго замечает ему полковник.— Зачем же вам рисковать вторично?

— Потому и прошу, что уже был,— с обезоруживающей улыбкой отвечает Джансаев.— Я вроде обстрелянный уже...

— Ну, а как вы на это смотрите, товарищ капитан? — обращается полковник к Уралову.

Капитану очень хочется, чтобы помощником у него был именно Джансаев, но ему жаль Ахмета — неизвестно ведь, чем еще может все это кончиться...

— Я тоже думаю, товарищ полковник, что ему вторично рисковать не следует.

— Ну вот видите, товарищ Джансаев...

И все-таки Ахмет ухитряется уговорить их обоих.

— Ай-ай-ай... — укоризненно качает он головой.— Словно, значит, нет в меня веры у товарища капитана? А ведь если бы не я в тот раз и не мой Шайтан, знали бы вы разве ахиллесову пяту «ежа»? Нельзя так, товарищ капитан... Несправедливо это. Прикажите ему, товарищ полковник, взять меня с собой...

От волнения Джансаев, безукоризненно владеющий русским языком, начинает вдруг говорить с акцентом.

— Ну что с ним поделаешь! — сдаваясь, восклицает Уралов.— Придется, видно, взять. Идемте, дружище Ахмет!

И он крепко обнимает старшего лейтенанта за плечи.

— Ну, а теперь идите отдыхать,— советует им Астахов.— Завтра у вас будет нелегкий день.

Они ложатся спать в одиннадцать часов вечера и долго не могут заснуть. Около двенадцати Уралов осторожно поднимается с дивана и, стараясь не разбудить Астахова, выходит в небольшой дворик, за которым начинается степь. Долго стоит, запрокинув голову в звездное небо. Темно и тихо вокруг, только лучи прожекторов изредка прощупывают территорию полигона, помогая солдатам капитана Хасанова нести их службу. Знает Уралов, что кроме них не спит сейчас и еще кто-то, дежуря у аппаратуры, засекающей импульсы, принимаемые и излучаемые «ежом».

Пора, однако, возвращаться,— может быть, удастся все-таки заснуть.

...На рассвете Астахова и Уралова бесцеремонно будит Шахов.

— Вставайте! «Еж» исчез!

Полковник и капитан вскакивают почти одновременно.

— Как?.. Когда?.. — охрипшим голосом спрашивает Астахов.

— Неизвестно.

— Но как же так? — недоумевает полковник.— Без сигнала он ведь не мог ничего предпринять. Неужели прозевали сигнал?

— В том-то и дело, что не прозевали. Не было никакого сигнала. Я сам дежурил всю ночь вместе с инженер-капитаном Сергиным и двумя техниками. За всю ночь вообще не было зарегистрировано ни одного импульса ни на коротких, ни на ультракоротких.

— Так в чем же тогда дело? Чем объяснить его исчезновение?

— Я бы сам хотел это знать, — разводит руками Шахов.

— А что, если ему это было заранее задано? — неожиданно произносит Уралов.

— То есть как это — задано?

— Когда наблюдал за ним вчера вечером Джансаев, он заметил, как «еж» с помощью перископчика изучал местность, — высказывает свое предположение Уралов. — Может быть, он присмотрел тогда более удобную позицию для наблюдения за стартовой площадкой полигона. Сообщил о том во время передачи и получил задание перебраться туда ночью.

— Но почему ночью? Перекатывался же он и днем.

— А на какое расстояние? Всего пять-шесть метров. Да и то фактически не перекатывался, а переполз. А тут пришлось, видимо, преодолеть значительно большее расстояние, и, чтобы не привлечь случайно чьего-нибудь внимания, ему было предписано сделать это ночью.

— Не очень это убедительно, — качает головой Шахов. — Я скорее поверил бы, что мы чем-то насторожили хозяев «ежа» и они временно вывели его из игры.

— Но нужно ведь срочно что-то предпринять, — не очень уверенно произнес Астахов.

— А что? — снова пожимает плечами инженер-полковник. — Ходить искать его по полю, чтобы этим еще более насторожить корректировщиков?

— А может быть, пришла пора ликвидировать этих корректировщиков? — спрашивает Уралов. — Их ведь, наверное, обнаружили уже?

— В том-то и дело, что еще не обнаружили, — вздыхает Астахов.

— Тогда нужно набраться терпения, — предлагает Уралов, — и продолжать инсценировку запуска «новой» ракеты. Возможно, «еж» передаст об этом какую-нибудь информацию в течение дня.

Уралов, однако, не совсем уверен, что «еж» исчез бесследно. Перекатился, наверно, как и раньше, на несколько метров и лежит себе где-нибудь в траве. Вот взойдет солнце, посветлеет степь, и обнаружится беглец.

И он спешит к Джансаеву, который конечно же все глаза просмотрел, вглядываясь в чахлую растительность степи и подозревая в каждой кочке притаившегося «ежа».

Еще издали замечает Уралов непривычно склонившуюся фигуру старшего лейтенанта.

— Что приуныли так, Ахмет? — деланно-бодрым голосом спрашивает его капитан.

Джансаев пытается объяснить ему что-то, но Уралов перебивает его:

— Я уже в курсе дела. Не думаю, однако, что «еж» от нас удрал. Вот взойдет солнце...

— Э, какое там солнце! — сокрушенно машет рукой Джансаев. — И без него совсем уже светло. Вон там он вчера лежал, а теперь и след его простишь. Сами видите, на какое расстояние степь просматривается, не заметили бы мы разве, если бы он поблизости был? Я ведь с биноклем все тут просмотрел.

Укрыться от взора внимательного наблюдателя «ежу» действительно негде. Это ясно и Уралову, но он все еще не теряет надежды.

— Подождем все-таки солнышка, — говорит он. — В его лучах прорисуются тут все детали.

— Ох, едва ли... — вздыхает Джансаев. — «Еж» мастер маскироваться. До самой ночи, наверно, притается теперь в каком-нибудь тайничке.

— А перископчик? Он непременно будет им манипулировать.

— Это пожалуй. Однако заметишь его разве? Он ведь как былинка, а их вон сколько вокруг. Нет, товарищ капитан, наш слишком несовершенный глаз этого не уловит. Тут необходимо специальное устройство. Нет еще, наверно, такого...

— Почему же? Специалисты по бионике уже сконструировали такое устройство, имитирующее лягушачий глаз:

— Лягушачий?

— Именно. И по той причине, что он способен по-разному реагировать на движущиеся и неподвижные предметы. Эта способность дает лягушке возможность сосредоточивать внимание только на своей добыче. На летящей мошке, например. А информация о неподвижных предметах даже не поступает в ее мозг. Она отсеивается и не мешает мозгу производить расчеты для прыжка на мошку.

— Конечно, мозг лягушки не так сложен, как наш, — усмехается Джансаев, — однако это все-таки мозг. А кибернетическое устройство, каким бы замысловатым оно ни было, все-таки безмозглое...

— А что такое мозг? Система нервных клеток — нейронов. Ученые давно уже научились имитировать их ра-

боту. Живой нейрон может находиться в двух состояниях: возбужденном и спокойном, точно так же как и электрическая лампочка может лишь гореть или не гореть.

— Это-то я знаю. По этому принципу работают и электронные вычислительные машины.

— Ну так вам тогда легко себе представить, что путем соединения искусственных нейронов друг с другом или с какими-либо электронными приборами, как, например, с фотоэлементами, можно создать и такое устройство, которое будет имитировать работу глаза лягушки.

— Ну да, конечно, я представляю себе это. Но ведь у нас с вами нет такого устройства, — снова вздыхает Джансаев. — Надежда, значит, только на то, что «еж» начнет передавать какую-нибудь информацию и мы тогда запленгуем его.

— Да, к сожалению, главная надежда действительно только на это, — соглашается капитан Уралов.

Теперь у пеленгаторов дежурят почти все сотрудники полковника Астахова. Лишь инженер-полковника удается отправить спать, но и он, отдохнув после бессонной ночи всего три часа, возвращается в штабную машину с пеленгационной аппаратурой.

Заметив хмурый вид Астахова, он оправдывается:

— Все равно почти не спал, только первую систему расшатывал...

Время переваливает уже за полдень, а «еж» все помалкивает, хотя на стартовой площадке теперь оживленнее, пожалуй, чем вчера. Подполковник Загорский мастерски разыгрывает необычайную суету вокруг ракеты в связи с «неполадками» в ее системе управления.

— Прямо-таки настоящий МХАТ! — усмехается инженер-полковник Шахов.

Ничто, однако, не помогает — «еж» безмолвствует весь день. А вечером Астахову сообщают наконец, что республиканская оперативная группа государственной безопасности напала на след какой-то подозрительной личности именно в том районе, из которого предполагалась корректировка «ежа».

— А опытные ли люди в этой опергруппе? — с тревогой спрашивает Шахов,

— Вполне,— успокаивает его Астахов.— Ее возглавляет подполковник Бекбулатов, которого я лично знаю. Думается мне также, что корректировщик «ежа» давно покинул бы свой пост, если бы «еж» был выведен с ракетодрома. Нужно, значит, в самом деле набраться терпения и ждать. Не сомневаюсь, что рано или поздно он еще подаст свой голос.

А ночью действительно удается засечь передачу «ежа». Она длится на сей раз целую минуту.

— Выговорился, значит, за весь день,— усмехается Шахов.

— Поверьте моему слову,— убежденно заявляет подполковник Загорский,— завтра они «обяжут» его информировать их и днем.

— Это почему же? — удивляется Шахов.

— А потому, что наша ракета снова на стартовом столе. Это значит, что завтра мы должны будем ее запустить. Думаю, что хозяевам «ежа» интересно будет узнать об этом не ночью, а возможно скорее. Им ведь известно уже, что первый старт ее «сорвался».

— Да, пожалуй, это действительно должно их заинтересовать,— соглашается Астахов.— Значит, нам нужно с утра быть наготове. «Ежа» ведь запеленговали уже?

— Так точно, товарищ полковник! — докладывает Джансаев.— Мы теперь оборудуем возле него хорошо замаскированный окопчик, удобный для наблюдения.

— Нужен не один, а два таких окопчика,— приказывает Астахов.— Один будет для наблюдения, а второй, поближе к «ежу», для укрытия в случае возможного взрыва.

— Есть, товарищ полковник! Все будет сделано!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

И вот капитан Уралов со старшим лейтенантом Джансаевым снова настороженно прислушиваются к шорохам электрических разрядов в наушниках радиотелефонов. Внешне Уралов очень спокоен, но мысли его тревожны. Надо было бы написать письмо матери, мало ли что... Все ведь очень туманно. Выключателя фотоэлементов у «ежа», скорее всего, вообще нет. Да и зачем он нужен? Управляют ведь им издалека, а выкатывать его с поли-

гона и разряжать никто, наверно, не собирается. Скорее всего, как только он сослужит свою службу, его подорвут специальным импульсом.

Беспокойные мысли Уралова нарушает Джансаев:

— А известно вам, товарищ капитан, как они этого «ежа» сюда закатили?

— Ну, это дело нехитрое.

— А все-таки?

— Через государственную границу его перевезли, конечно, в разобранном виде, по частям. Каждая отдельная деталь «ежа» была при этом, наверно, так расчленена, что догадаться о ее назначении не представлялось возможным. А осуществить перевозку всех этих деталей могли какие-нибудь иностранные «туристы». Весьма возможно даже, что «еж» прибыл в Советский Союз с дипломатической почтой какого-нибудь иностранного посольства.

— А потом кто-то из этих «дипломатов», наверно, подбросил его к развилке шоссе у юго-восточного участка нашего полигона, — хмуро замечает Джансаев. — Теперь я почти не сомневаюсь, что это именно так и было. Примерно месяц назад мои связисты линию там прокладывали и видели, как какая-то подозрительная машина слишком уж долго у той развилки «ремонтировалась». Я, правда, думал тогда, что это случайность, но доложил все-таки кому следует. Ваше начальство должно было быть знать об этом.

— О том, что к полигону вашему проявляет интерес иностранная разведка, начальству нашему действительно давно уже известно, — подтверждает Уралов. — Кроме нас с полковником Астаховым этим и другие ведь занимаются. Примерно полгода назад в вашем районе задержали какую-то подозрительную личность. Но тогда они и мечтать не могли проникнуть так близко к пусковым установкам ракетодрома. А теперь вот «еж» дал им такую возможность. Наверно, они действительно сгрузили его у развилки шоссе. А потом уж, корректируемый специальными импульсами, покатился он в заданном направлении.

— А ведь такого «ежа» можно было бы на Луну или на какую-нибудь другую планету забросить, — задумчиво произносит Джансаев. — Сколько бы он интересных све-

дений передал на Землю о наших космических соседях!

Потом они умолкают на некоторое время, пристально всматриваясь в ноздреватое тело «ежа». Уралов задумчив сегодня, да и у Джансаева что-то пропала охота разговаривать. В голову лезут назойливые мысли: «А что, если корректировщик нас все-таки засек?.. Не мог он разве догадаться, что нам известна ахиллесова пятка «ежа»? Тогда ему ничего не стоит прервать его передачу на первой же секунде и предоставить все остальное фотоэлементам. А они сразу же сработают, как только станет к ним поступать достаточное количество энергии, чтобы привести в действие фотореле, подключенное к взрывателю заряда «электронного шпиона».

У Джансаева даже дрожь пробегает по спине от таких мыслей.

Но вот наконец в наушниках радиотелефонов раздается условный сигнал. Капитан и старший лейтенант мгновенно выскакивают из окопчика и, пригнувшись, словно под огнем противника, стремительным броском преодолевают расстояние, отделявшее их от «ежа». И сразу же падают перед ним на траву.

Какую-то долю секунды первая спазма сковывает мышцы Уралова, но он тотчас же овладевает собой и протягивает руку к «ежу» с таким ощущением, будто кладет ее в пасть льву.

Ничего, однако, не происходит. Рука ощущает лишь твердую шершавую поверхность. «Еж» невелик, не больше футбольного мяча. Офицеры заранее договариваются, что Джансаев попробует перевернуть его, а Уралов постараится хорошенько разглядеть со всех сторон. И вот старший лейтенант без особых усилий переворачивает «ежа» набок, а капитан осматривает его нижнюю поверхность.

Она ничем не отличается от верхней. На ней не видно никаких углублений и кнопок. И вообще ни малейших признаков каких-либо креплений, резьбы или швов. Все тут монолитно. Единственная деталь, торчащая над корпусом «ежа», — это замысловатая антенка.

Как ни мало уходит времени на осмотр всего этого, оно все же идет. В распоряжении офицеров остаются теперь всего десять секунд. И тогда, не спрашивая разре-

шения Уралова, Джансаев выхватывает из кармана кусочки и резким движением стискивает ими тонкий стерженек антенки у самого ее основания. Капитан пытается остановить его, но антenna уже у старшего лейтенанта, а времени в запасе — всего три секунды...

Раздосадованный самовольством Джансаева, Уралов делает ему знак немедленно уходить. И они мгновенно откатываются в сторону второго, ближнего к «ежу» окопчика. Некоторое время лежат молча, переводя дух и осмысливая происшедшее...

— Не ругайте меня, товарищ капитан,— робко произносит наконец старший лейтенант. — Что же было делать?.. Не уходить же с пустыми руками?

Уралов не удостаивает его ответом.

— Зато теперь они над ним больше не властны, — убежденно заявляет Джансаев.

А капитан даже не понимает, о чем это он говорит. Кто над кем не властен? Это он о «еже», конечно... А ведь и в самом деле, связь с ним теперь нарушена. Никуда он больше не пошлет информации, и ему никто ничего не прикажет. Это ведь совсем новая ситуация, и в ней нужно спокойно разобраться.

— Вы, значит, считаете, Ахмет, что он теперь не управляем?

— Он же без связи, товарищ капитан! — горячо восклицает Джансаев. — А мы гарантированы от сюрпризов: кроме нас, никто уже его не взорвет.

— Но ведь и мы теперь не сможем к нему приблизиться, так как не будем знать, когда он начнет вести передачу...

А Джансаев так и сияет весь, хотя и сам он только сейчас окончательно осознает все значение своего поступка.

— Наоборот, товарищ капитан! Именно теперь мы сможем подойти к нему безо всякого риска. Он если и заметит нас, то все равно никому уже не сообщит!

— Конечно же, черт побери! — радостно восклицает Уралов. — Спасибо, Ахмет! Ну, пошли же к нему...

— Не очень, однако! — предостерегающим жестом останавливает его Джансаев. — Фотореле у него в исправности...

— Конечно, Ахмет, — смеется капитан. — Не ближе чем на полметра.

— Лучше на метр.

— Ладно, не возражаю, хотя уверен, что его фотоэлементы срабатывают не дальше чем на полметра.

Они снова лежат у «ежа» и спокойно рассматривают его. Теперь он уже не кажется им коварным существом, готовым к убийству. Просто слегка приплюснутый зеленый шар. Он, правда, может еще обороняться и причинить вред, возможно, даже убить кого-нибудь, но это уже не активная оборона. Теперь это будет лишь актом отчаяния...

— Надо, наверно, сообщить что-нибудь полковнику Астахову,— вспоминает наконец о начальстве старший лейтенант Джансаев, вопросительно глядя на капитана.

— Да, обязательно надо доложить ему обо всем,— спохватывается Уралов.

Он встает и почти бегом устремляется к рации. А радиост командного пункта уже надорвал голос, выкрикивая его позывные.

— Наконец-то! — облегченно вздыхает он.— Живы вы, товарищ капитан? И старший лейтенант тоже? А мы тут за вас... Передаю микрофон товарищу полковнику.

— Товарищ Уралов?! — слышит капитан голос Астахова.— Ну как там у вас? В бинокль мы видели, что вы держали в руках этого «ежа»... Что? Обезвредили? Ну ладно, не рассказывайте, мы к вам сейчас приедем. Поздравляю вас, герои!

Астахов с Шаховым приезжают через десять минут. Спрятав с машины, полковник молча целует сначала Уралова, затем Джансаева. Его примеру следует инженер-полковник.

— Ну докладывайте, как удалось с этим коварным существом справиться?— кивает Астахов на «ежа».

— А докладывать, собственно, и нечего, товарищ полковник. Откусили мы у него antennу, и теперь он у нас во власти.

— И уже не взорвется?

— От этого мы не гарантированы. Но теперь можно не торопясь подумать, как предотвратить и это. А может быть, и предпринимать ничего не придется. Может быть, он тихо скончается естественной, так сказать, смертью — от истощения.

Полковнику это непонятно, но он не торопит капитана, ждет, когда тот сам все объяснит.

— А ведь это идея! — восклицает вдруг инженер-полковник Шахов. — Нужно только заставить его работать непрерывно!

— Это уже сделали за нас его хозяева, — смеется счастливый Уралов. — Намереваясь получить как можно больше сведений об испытании нашей «новой» ракеты, они, конечно, перевели работу «ежа» на повышенный режим и переключить уже не смогут. Ни одной из их команд он не примет теперь. А мы постараемся, чтобы он не имел больше возможности заряжать свои батареи солнечной энергией и работал бы до полного истощения, получая и передавая информацию, которая ни к кому уже не попадет.

— А хозяева «ежа» существуют еще? — спрашивает Шахов. — Их не ликвидировали разве?

— Того, который обосновался тут у нас, в квадрате двадцать пять, подполковник Бекбулатов возьмет теперь, — сообщает Астахов. — Высота сто три, находящаяся в этом квадрате, уже окружена его оперативной группой. Взять корректировщика «ежа» они имели возможность еще утром, но я попросил их пока не делать этого. Опасался, что он успеет подать «ежу» сигнал к «самоубийству». Теперь опасность эта миновала, и я сообщу им сейчас, что они могут действовать.

А спустя несколько дней полковник Астахов докладывает генералу:

— Я уже договорился с Министерством иностранных дел, товарищ генерал. Они назначили на завтра пресс-конференцию, на которую приглашены все аккредитованные у нас иностранные журналисты.

— А «экспонаты» у вас готовы?

— Да, товарищ генерал. «Еж» разобран на составные части, на каждой из которых стоит марка: «Made in...» Они ведь были совершенно уверены, что их «электронный Пауэрс», попав к нам в руки, непременно «покончит с собой» и скроет тайну своего происхождения и устройства. Объяснение его «анатомии» будет давать капитан Уралов.

— Пригласите ко мне этого капитана,— приказывает генерал.

И почти то же, что много лет назад на одном из фронтов Великой Отечественной войны сказал Астахову командующий одной из наших армий, говорит теперь один из генералов Комитета государственной безопасности капитану Уралову:

— Так вот вы какой, Уралов!.. Ну, спасибо вам, товарищ капитан!

1962

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Cmp.</i>
Среди погибших не значатся	5
Подступы к «Неприступному»	64
«Made in...»	154

Томан Н. В.

T56 Подступы к «Неприступному». Повести. М., Воениздат, 1976.

215 с. (Военные приключения).

Николай Томан известен читателям по повестям «На прифронтовой станции», «Что происходит в тишине», «Взрыв произойдет сегодня», «Эшелоны идут под откос», «Именем закона», «Сильнее страха» и др.

В книгу «Подступы к «Неприступному» вошли три остро-сюжетные повести, в которых рассказывается о нелегкой, полной постоянной опасности службе советских разведчиков в годы Великой Отечественной войны и в мирное время.

Т $\frac{70302-197}{068(02)-76}$ без объявл.

P2

Николай Владимирович Томан

ПОДСТУПЫ К «НЕПРИСТУПНОМУ». Повести

Редактор С. П. Бенке. Художник Н. А. Васильев

Художественный редактор Г. В. Гречиха

Технический редактор Н. В. Срибнис

Корректор Л. А. Антоненко

Г-82674. Сдано в набор 18.11 1976 г. Подписано
к печати 28.5 1976 г. Формат 84×108^{1/32}. Печ.
л. 6^{3/4}. Усл. печ. л. 11,34. Уч-изд. л. 11,474.
Бумага № 2. Тираж 100 000. Изд. № 4/615.
Цена 44 коп. Зак. 6-6.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе Республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

**Scan Kreyder - 05.05.2016
STERLITAMAK**

44 коп.

